А 24 3/94

ГПИБ 1913

А24 3/94

В. Е. РОМАНОВСКІЙ.

СМУТА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

А24 3/94

Изданіе А. М. Михайлова.

Москва, Моховая, уг. Тверской, д. Варваринскаго Акціонернаго О-ва.
Телефонъ № 120-95.

инв. 333994

Книги К. И. ДОБРЫНИНА,

инспектора Рославльской мужской гимназіи.

Первые уроки по русской исторіи. Для низшихъ училищъ. Съ 33 рисунками. Изданіе 2-е. М. 1912 г. Цѣна **35** к., въ папкѣ **50** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., январь.)

Учебн. Комит. при Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежд. Имп. МАРІИ допущено въ качествѣ руководства для женскихъ институтовъ и гимназій. (Отнош. отъ 30 ноября 1911 г., за № 30596.)

Элементарный курсъ русской исторіи. Для учениковъ I и II классовъ мужскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и для городскихъ училищъ. Со 100 рисунками. Изданіе 4-е. М. 1912 г. Цѣна **80** к., въ папкѣ **1** руб.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 3-мъ изд.) для средн. учебн. завед. и городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., май).

Учебн. Ком. при Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежд. Имп. МАРІИ допущено въ качествѣ руководства для женскихъ институтовъ и гимназій. (Отнош. отъ 30 ноября 1911 г., за № 30596.)

Древняя исторія. Часть I. **Древній Востокъ и героическая Греція.** Курсъ III класса мужскихъ гимназій. Со 110 рисунками и 2 картами. Изданіе 4-е. М. 1912 г. Цѣна **80** к., въ папкѣ **1** р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (во 2-мъ изд.) въ качествѣ учебн. руководства для средн. учебн. зав. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., августъ).

Древняя исторія. Часть II. **Греція и Римъ.** Курсъ IV класса мужскихъ гимназій. Съ 71 рисунк. и 2 картами. М. 1910 г. Ц. **80** к., въ папкѣ **1** руб.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для средн. учебн. заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., май.)

Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ V класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Съ 82 рисунк. М. 1912 г. Цѣна **1** р., въ папкѣ **1** р. **20** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для средн. учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., апрѣль.)

В. Е. Романовскій.

А24 3/94

СМУТА

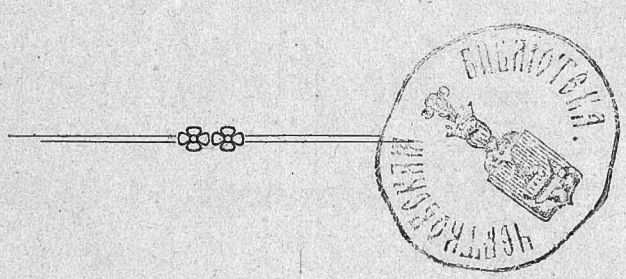
ВЪ

МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

8026

Съ портретами и рисунками.



МОСКВА—1913 г.
Изданіе А. М. Михайлова.
Моховая, уг. Тверской, д. Варваринскаго Акц. О-ва.
Телефонъ 120-95.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 333994
" " 193 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

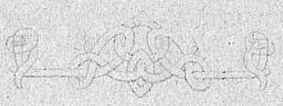
Въ настоящей брошюрѣ авторъ имѣлъ въ виду, въ популярномъ и объективномъ изложеніи, сообщить читателю важнѣйшіе факты изъ Смутной эпохи, а также познакомить его съ важнѣйшими причинами и слѣдствіями Смуты. Пользуясь главнымъ образомъ трудами Костомарова, Забѣлина, Ключевскаго и въ особенности проф. Платонова, авторъ старался представить читателю всю эпоху въ томъ освѣщеніи, которое она получила въ современной исторической наукѣ.

Брошюра составлялась съ тѣмъ расчетомъ, чтобы ее могли читать съ интересомъ и учащіеся средняго и старшаго возраста, и взрослый интеллигентный человѣкъ, и всякій, кому русская исторія извѣстна хотя бы въ предѣлахъ элементарнаго учебника.

Дѣло популяризаціи научно-историческихъ изслѣдованій чрезвычайно трудно, и авторъ впередъ извиняется, что ему, вѣроятно, не удалось исполнить свою задачу, при всемъ его желаніи, вполнѣ удовлетворительно.

В. Р.

Москва 21 ноября,
1912 г.



БЛАГОСЛОВІЕ

Наканунѣ Смуты.

ГЛАВА I.

Отношенія между верховною властью и боярствомъ въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вв. Развитіе идеи государственности. Земская реформа Іоанна Грознаго. Опричнина и ея значеніе.

Утромъ 7-го января 1598 года скончался послѣдній представитель династіи Рюриковичей, «послѣдній цвѣтъ русской земли», царь и великій князь Московскій и всея Руси, благочестивый и благодушный сынъ Іоанна Грознаго Ѳеодоръ Іоанновичъ. По духовному завѣщанію онъ вручалъ послѣ себя скипетръ супругѣ своей Иринѣ, а своими душеприказчиками назначалъ «отца своего и богомольца» святѣйшаго патріарха Іова, да «брата своего царскаго» Ѳеодора Никитича Романова-Юрьева, да шурина своего Бориса Ѳеодоровича Годунова *).

Но на девятый день послѣ смерти мужа царица Ирина «оставила превысочайшую царскую свѣтлость», постриглась въ монахини и поселилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Вслѣдъ за нею удалился въ Новодѣвичій монастырь и ея братъ Борисъ Годуновъ. Узнавъ объ отреченіи отъ престола Ирины, патріархъ,

*) Ѳеодоръ Никитичъ, племянникъ Анастасіи Романовны, жены Іоанна Грознаго, приходился Царю Ѳеодору двоюроднымъ братомъ.

высшее духовенство, московскіе бояре и именитые купцы собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ для совѣщанія. У дворца на площади толпился народъ. Когда совѣщаніе окончилось, думный дьякъ Щелкаловъ вышелъ на крыльцо и обратился съ рѣчью къ народу. Указавъ на гибельныя слѣдствія безначалія, онъ сталъ требовать, чтобы народъ цѣловалъ крестъ Боярской Думѣ. Знатные московскіе бояре,—особенно Шуйскіе,—потомки удѣльныхъ князей, составлявшіе Думу при Государѣ, хотѣли воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы захватить верховную власть въ свои руки. Но народъ давно уже привыкъ видѣть въ нихъ своихъ притѣснителей. На предложеніе Щелкалова изъ толпы понеслись крики:

— Не знаемъ ни князей, ни бояръ, и знать ихъ не хотимъ! Знаемъ только царицу Ирину!

Щелкаловъ сталъ уговаривать толпу и напомнилъ ей о постриженіи царицы Ирины. Въ отвѣтъ на это изъ толпы стали кричать:

— Никому кромѣ царицы присяги не дадимъ! Она и въ черницахъ мать Россіи!

Долго волновался народъ. Бояре, убѣдившись въ томъ, что планъ ихъ властвовать надъ государствомъ черезъ Боярскую Думу не удался, измѣнили его: они рѣшили провести на престолъ одного изъ своей среды, чтобы властвовать черезъ него; выборъ ихъ остановился на Борисѣ Годуновѣ, братѣ царицы Ирины, который при слабомъ, болѣзненномъ Ѳеодорѣ былъ настоящимъ правителемъ государства и пользовался любовью и уваженіемъ народа.

Щелкаловъ вторично вышелъ къ народу. Онъ снова напомнилъ ему объ отреченіи и постриженіи царицы Ирины и снова сталъ требовать присяги Боярской Думѣ. А тѣмъ временемъ въ народѣ уже дѣйствовали боярскіе агенты и агенты Бориса, который и самъ стремился къ царскому престолу.

— Да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ!—раздались крики изъ толпы на рѣчь Щелкалова:

— Пусть Борисъ Ѳеодоровичъ будетъ преемникомъ нашей матушки царицы!

Новый планъ московскихъ бояръ, соотвѣтствовавшій отчасти и желаніямъ Бориса Годунова, удался, и на царскій московскій престолъ могъ свободно вступить «великій ближній боярин», потомокъ татарскаго мурзы, переселившагося въ XIV

вѣкѣ изъ Орды въ Москву, человѣкъ, сумѣвшій заслужить довѣріе даже грознаго царя Іоанна, а при его сынѣ фактически управлявшій государствомъ.

Но планъ московскихъ знатныхъ бояръ только отчасти совпадалъ съ планами Бориса. Къ престолу онъ стремился и самъ. Но онъ хотѣлъ твердо сидѣть на престолѣ. Онъ хотѣлъ быть избранникомъ не одной только Москвы, а всей Русской Земли. Не Боярская Дума должна была возвести его на престолъ, подъ клики московской черни, а весь русскій народъ, представители котораго, «всякихъ чиновъ земскіе люди», должны были собраться въ Москву. Ему выгодно было имѣть согласіе Москвы на избраніе его въ цари; но этого было ему недостаточно: избранный всею Землею, онъ могъ быть не боярскимъ ставленникомъ, зависимымъ отъ боярства, а истиннымъ царемъ—самодержцемъ. Уединившись въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, онъ упорно отказывался дать свое согласіе на избраніе и согласился только тогда, когда его избралъ Земскій Соборъ, собравшійся въ Москвѣ въ февралѣ 1598 года. Бояре московскіе и здѣсь потерпѣли неудачу: не удалось имъ получить отъ Бориса «запись», въ которой онъ, по ихъ плану, въ благодарность за свое избраніе, долженъ былъ ограничить царскую власть въ пользу московскаго знатнаго боярства. Съ этого момента затаили они злобу противъ него, ожидая удобнаго случая, чтобы отъ него избавиться. Мудрое правленіе Бориса продолжалось недолго. Его планы объ устроеніи государства, о развитіи народнаго благосостоянія, о распространеніи въ народѣ образованія, о расширеніи границъ разбились объ интриги боярства. Прошло два-три года, и онъ, утомленный непосильной борьбой, сталъ руководиться въ своей дѣятельности не столько идеей о своемъ служеніи государству, сколько чувствомъ самосохраненія и чувствомъ злобы къ своимъ врагамъ. Ему всюду представлялись заговоры, имѣвшіе цѣлью сверженіе его съ престола. Въ борьбѣ съ своими врагами онъ прибѣгъ къ обычнымъ въ то время средствамъ: развились шпіонство, доносы; начались опалы и казни, при чемъ жертвами болѣзненной подозрительности царя дѣлались и невинные люди. Но опалы и казни не помогали: боярская интрига росла.

И подъ вліяніемъ боярскихъ интригъ въ Московскомъ государствѣ началась смута. Въ самомъ началѣ ея Борисъ въ 1605 году скоропостижно скончался, оставивъ расшатанный уже пре-

столъ своему юному сыну Ѳеодору. Закончилась Смута въ 1613 году избраніемъ на престолъ родоначальника нынѣ царствующей династіи, Михаила Ѳеодоровича Романова. Но прежде чѣмъ излагать главнѣйшія событія Смутной эпохи, постараемся выяснить ея причины.

Чтобы понять происхожденіе и истинное значеніе этой смуты, въ которой едва не погибло наше государство, бросимъ взглядъ на предшествовавшую воцаренію Бориса исторію Московскаго государства и постараемся ближе всмотрѣться въ тѣ условія, среди которыхъ протекала жизнь русскаго народа въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Къ концу XV вѣка, въ царствованіе Іоанна III, почти совершенно закончилось «собираніе Руси», начатое въ XIV вѣкѣ Іоанномъ Калитой и его преемниками. Окончательно этотъ процессъ развитія единодержавія, т.-е. объединенія всѣхъ русскихъ земель около Москвы, завершился въ началѣ XVI вѣка, въ царствованіе Василія III. При немъ вполнѣ завершился и другой процессъ,—процессъ развитія самодержавія великаго князя Московскаго, котораго современники стали называть теперь не только великимъ княземъ, но и царемъ, а иногда даже и императоромъ, преемникомъ императоровъ Византійскихъ, защитникомъ всего греко-славянскаго православнаго міра на востокѣ Европы. Новое положеніе, занятое великимъ княземъ Московскимъ,—особенно послѣ женитьбы Іоанна III на греческой царевнѣ Софьѣ, принесшей ко двору Московскаго великаго князя традиціи византійскаго двора,—отразилось на всемъ строѣ придворной жизни и на всѣхъ отношеніяхъ между великимъ княземъ и его подданными, и прежде всего на отношеніяхъ между великимъ княземъ Московскимъ, или лучше сказать царемъ, и московскимъ знатнымъ боярствомъ.

Въ составъ этого боярства, послѣ присоединенія къ Москвѣ удѣльныхъ княжествъ, вошли такъ называемые «княжата», потомки удѣльныхъ князей и бывшіе удѣльные князья. Они заняли первенствующее положеніе среди московскаго боярства, состоявшаго изъ потомковъ старшихъ дружинниковъ московскихъ князей. Но этимъ первенствующимъ положеніемъ они не пожелали ограничиться. Всѣ они,—такіе же рюриковичи, какъ и московскіе великіе князья,—думали, что, собравшись въ Москвѣ, они вмѣстѣ съ Московскимъ великимъ княземъ будутъ властвовать надъ всею русскою землею, на которую они смотрѣли

какъ на достояніе всего рода князей-рюриковичей. Это стремленіе бояръ-княжатъ къ политическому вліянію столкнулось съ стремленіемъ московскихъ князей къ установленію неограниченной власти надъ жизнью и смертью всѣхъ подданныхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ. Московскій великій князь уже въ лицѣ Іоанна III превратился изъ князя-вотчинника въ Государя, предъ которымъ всѣ одинаково должны были преклониться. Каковы были теперь отношенія великаго князя къ боярству, лучше всего видно изъ той «крестоцѣловальной записи», которую принужденъ былъ дать Іоанну III родовитый князь Даніилъ Холмскій, отданный за какую-то вину подъ стражу, а потомъ прощенный. «Я, Данило Холмскій,—писалъ онъ,—билъ челомъ господину моему и государю, великому князю Ивану Васильевичу за свою вину. Господарь мой, меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое отдалъ. А мнѣ, князю Данилу, своему государю и его дѣтямъ служить до смерти. А господарь мой и его дѣти надо мною, по моей винѣ, въ казни вольны». Еще съ большею суровостью относился къ когда-то всесильному боярству Василій III, про котораго посолъ германскаго императора Карла V. Герберштейнъ въ своихъ «Запискахъ о Московіи» говоритъ, что онъ «превосходилъ своею властью всѣхъ монарховъ въ мірѣ» и что среди его совѣтниковъ никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-либо противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Если при Іоаннѣ III всѣ служилые люди именовались «государевыми холопами», и приближенные раболѣпно сдерживали дыханіе въ его присутствіи, то современники Василія III, сравнивая отца съ сыномъ, находили, что отецъ все-таки совѣтовался съ боярами и позволялъ имъ иногда въ засѣданіяхъ Думы говорить ему «встрѣчи» (возражать), а сынъ не любилъ этихъ «встрѣчъ». На такую «встрѣчу» онъ однажды отвѣтилъ боярину Берсеню-Беклемишеву: «Ступай прочь, смердъ! Не надобенъ ты мнѣ». Боярская Дума почти совсѣмъ потеряла при немъ свое прежнее значеніе. «Государь,—жаловался Берсень-Беклемишевъ Максиму Греку,—запершись самъ-третей, у постели всѣ дѣла дѣлаетъ». Этими словами Берсень-Беклемишевъ намекалъ на склонность царя совѣтоваться о важныхъ дѣлахъ не съ родовитыми боярами, а съ худородными дьяками, которыхъ онъ и возвышалъ и удалялъ отъ себя по своему усмотрѣнію. За такія рѣчи Василій III жестоко раздѣлался съ недоволь-

нымъ бояриномъ: Берсеню-Беклемишеву отрѣзали языкъ. Вообще говоря, уже въ началѣ XVI вѣка родовитое происхожденіе имѣло мало значенія; на первомъ планѣ стояла милость Государя, получить которую можно было не знатностью рода, а вѣрною службою.

Послѣ смерти Василія III, въ малолѣтство Іоанна Грознаго, знатные бояре подняли было голову. Но полное политическое невѣжество, отсутствіе сословной сплоченности, въ связи съ мѣстническими счетами, были причиной того, что московское боярство растрачивало свои силы во взаимныхъ раздорахъ, а своимъ произволомъ и корыстолюбіемъ возбудило глубокую ненависть къ себѣ въ народѣ. Пользуясь этою народною ненавистью къ боярству, Іоаннъ Грозный быстро и жестоко съ нимъ расправился, желая разъ навсегда уничтожить всякую возможность какого бы то ни было ограниченія самодержавной власти московскаго царя. Правда, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ въ своей правительственной дѣятельности, до эпохи казней, Іоаннъ Грозный руководился указаніями ближняго Совѣта,—такъ называемой «избранной рады»,—въ составъ котораго вошли нѣкоторые изъ бояръ-княжатъ. Но, во-первыхъ, это были лучшіе люди того времени, служившіе не только своимъ личнымъ интересамъ и интересамъ боярства, но и идеѣ государственнаго блага; среди нихъ первое мѣсто занималъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей того времени, князь Андрей Курбскій; и, во-вторыхъ, рядомъ съ ними въ «избранной радѣ» стояли представители другихъ классовъ общества: со стороны духовенства—митрополитъ Макарій и священникъ Сильвестръ, и со стороны низшаго разряда служилыхъ людей—способный и честный Адашевъ. Эта «избранная рада» начала съ того, что поставила царя лицомъ къ лицу съ народомъ, съ его представителями, руководясь той идеей, которую впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Іоанну выразилъ князь Курбскій: «царь долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ». Такимъ образомъ, первымъ дѣломъ «избранной рады» была попытка уничтожить то «средостѣніе» между царемъ и народомъ, которое представляло собою знатное московское боярство. Результатомъ этой попытки явился первый Земскій Соборъ, созванный Іоанномъ Грознымъ и въ своихъ челобитьяхъ намѣтившій цѣлый рядъ жизненныхъ вопросовъ, заставившихъ Іоанна Грознаго, съ помощью «избранной рады», при-

ступить къ преобразованію областного управленія. Въ этой такъ называемой земской реформѣ грознаго царя ярко сказалась та идея государственности, которая со времени Іоанна III стала мало-по-малу вытѣснять вотчинныя воззрѣнія московскихъ государей на свою власть и на свое отношеніе къ Землѣ. Посредствомъ этой реформы Іоаннъ Грозный думалъ передать областное управленіе изъ рукъ бояръ-кормленщиковъ, грабившихъ народъ своими поборами, въ руки земскихъ людей, народныхъ избранниковъ, въ руки людей, какъ тогда говорили, «излюбленныхъ». Своей реформой, въ концѣ-концовъ не имѣвшей полнаго успѣха, Іоаннъ Грозный, проводя въ жизнь идею государственнаго единства и идею государственности, желалъ уничтожить старинное дружинное начало, которое по старому обычаю и при немъ «продолжало обращать всякое государственное постановленіе въ новый способъ кормленія Землею и подлѣ государевыхъ указовъ пристраивало тысячи новыхъ уловокъ, дабы собрать съ земца елико возможно больше своего кормленія, дабы затруднить его жизнь со всѣхъ сторонъ, чтобы никакимъ способомъ не высвободился онъ изъ подъ тягла этого кормленія» *). Какъ мы сказали, эта реформа не имѣла полнаго успѣха; но все-таки во многихъ мѣстахъ народные избранники,—губные старосты, земскіе старосты и проч.,—или вытѣснили царскихъ воеводъ, или стали рядомъ съ ними, ограничивая ихъ произволъ. И во всякомъ случаѣ старинный обычай кормленія бояръ Землею былъ сильно ограниченъ, что, конечно, должно было еще болѣе усилить недовольство среди бояръ новыми порядками.

Но между царемъ и «избранной радой» произошелъ разрывъ, и преобразовательная дѣятельность Іоанна Грознаго прекратилась. Значительная степень вины въ этомъ отношеніи падаетъ на самихъ членовъ «рады»,—и особенно на Сильвестра,—не обладавшихъ достаточнымъ политическимъ тактомъ и раздражавшихъ самолюбиваго и властолюбиваго царя своей мелочной требовательностью. Царь въ этой «радѣ» сталъ видѣть ненавистную опеку надъ собою и удалилъ отъ себя своихъ совѣтниковъ. Вскорѣ самый дѣльный изъ нихъ, князь Курбскій, опасаясь царской опалы, бѣжалъ въ Литву и явился въ глазахъ царя измѣнникомъ. Смерть любимой жены, Анастасіи Романовны, обо-

*) *Забѣлинъ.*—Мининъ и Пожарскій. Москва, 1901 г., стр. 181.

стрила развивавшуюся съ дѣтства въ Іоаннѣ Грозномъ болѣзненную раздражительность и подозрительность. Началась эпоха казней; многіе бояре погибли или были заточены; многіе, по примѣру князя Курбскаго, бѣжали въ Литву.

Мы не будемъ вдаваться въ подробности и ограничимся только общей характеристикой той организаціи, которую придалъ Іоаннъ Грозный своей, очевидно, обдуманной заранѣе борьбѣ съ знатнымъ боярствомъ. Спеціально для этой борьбы была имъ создана «опричнина». Это былъ особый дворъ, образованный царемъ, съ особыми боярами, дворецкимъ, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ *). Изъ служилыхъ людей отобрано было въ опричнину 1000 человѣкъ, которымъ въ Москвѣ на посадѣ, за стѣнами Бѣлаго города, отведены были улицы съ нѣсколькими слободами. На содержаніе этого двора выдѣлено было въ государствѣ до 20 городовъ съ уѣздами и нѣсколько отдѣльныхъ волостей, въ которыхъ земли были розданы опричникамъ, а прежніе землевладѣльцы были выведены изъ своихъ вотчинъ и помѣстій и получили земли въ неопричныхъ уѣздахъ. Опричные уѣзды не занимали одной сплошной территоріи, а были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; преимущественно это были уѣзды центральные и сѣверные. Вся остальная земля образовала Государство Московское или «Земщину», находившуюся въ управленіи Боярской Думы и подвѣдомственныхъ ей Приказовъ; Боярская Дума докладывала царю только о военныхъ и важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ.

Въ чемъ же заключался смыслъ опричнины?

По мнѣнію проф. Ключевскаго, опричнина являлась какъ бы высшей полиціей по дѣламъ государственной измѣны: отрядъ въ 1000 человѣкъ служилыхъ людей, зачисленныхъ въ опричнину и потомъ увеличенный до 6000, становился «корпусомъ дозорщиковъ» внутренней крамолы. Съ помощью этихъ дозорщиковъ Іоаннъ Грозный, не будучи въ состояніи сокрушить создавшійся предшествовавшей исторіей порядокъ, по которому боярство играло большую политическую роль въ государствѣ, истреблялъ отдѣльныхъ ненавистныхъ ему лицъ изъ этого класса. «Вызванная,—говоритъ

*) Опричнина—отъ слова „опричь“—особо, кромѣ; отсюда и названіе опричниковъ—кромѣшниками.

проф. Ключевскій,—столковеніемъ, причиной котораго былъ порядокъ, а не лица, опричнина была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка» *).

Къ совершенно иному выводу приходитъ проф. Платоновъ въ своемъ обширномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи о Смутной эпохѣ. Не отрицая полицейской роли опричнины, онъ разсматриваетъ вопросъ глубже и придаетъ ей политическій смыслъ, видя въ ней орудіе, съ помощью котораго Іоаннъ Грозный стремился сломить традиціонныя права и преимущества потомковъ удѣльныхъ князей и достигъ этой цѣли. Постараемся вкратцѣ изложить соображенія проф. Платонова, которыя, на нашъ взглядъ, окончательно рѣшаютъ весьма сложный и запутанный вопросъ объ опричинѣ.

Сущность опричнины заключается не въ полицейскомъ дозорѣ, а въ томъ переворотѣ въ области служилаго землевладѣнія, который Іоаннъ Грозный совершилъ съ ея помощью. Первоначальный объемъ территоріи, выдѣленной въ опричнину въ 1565 году, въ послѣдующіе годы былъ увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства. Земли, находившіяся въ этой территоріи, раздавались въ помѣстья служилымъ людямъ, находившимся въ опричинѣ. При этомъ бывшіе владѣльцы этихъ земель вознаграждались другими землями, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами пріищутъ. Такимъ образомъ всякій уѣздъ, взятый въ опричнину съ служилыми землями, былъ осужденъ на кореннную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру, и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не становились опричниками. Съ помощью опричнины Іоаннъ Грозный, какъ онъ выражался, «перебиралъ людишекъ», т.-е. княжатъ и служилыхъ людей. Бросается въ глаза то обстоятельство, что въ опричнину брались почти исключительно земли въ центральныхъ областяхъ государства и отчасти въ сѣверныхъ, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще существовали на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ владѣнія княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Такимъ образомъ, мало-по-малу почти сполна въ опричномъ управленіи собрались старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ

*) *Проф. Ключевскій.*—Краткое пособіе по Русской исторіи. Москва, 1908 г., стр. 96—98.

пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ переворотъ землевладѣнія. Однихъ Грозный сорвалъ со старыхъ мѣстъ и разсѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ. Прежній авторитетъ княжатъ среди населенія благодаря опричнинѣ былъ приниженъ; ихъ служилые люди становились теперь въ непосредственную зависимость отъ московскаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу, или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины, большею частью на окраины государства. Съ введеніемъ опричнины должны были исчезнуть «воинства» въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми княжата раньше приходили на государственную службу; вмѣстѣ съ тѣмъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній. Словомъ, опричнина уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами и раскидала ихъ по разнымъ мѣстамъ государства, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ.

«Если вспомнить,—говоритъ проф. Платоновъ,—что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки и казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена «всеродно», поголовно; врядъ ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые. Но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ погибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, или же умѣли заслужить честь быть принятыми въ опричнину. *Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено*, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго» *).

Мы остановились на опричнинѣ потому, что и она сыграла весьма значительную роль въ подготовкѣ Смуты. «Опричнина,—говоритъ проф. Платоновъ,—массами передвигала служилыхъ людей съ однихъ земель на другія; земли мѣняли хозяевъ не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного помѣщика приходилъ другой, но и въ томъ, что дворцовая или монастырская земля

*) *Платоновъ.* — Очерки по Исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Петербургъ, 1910 г., стр. 147—148.

обращалась въ помѣстную раздачу, а вотчина князя или помѣстье сына боярскаго отписывались на государя. Происходилъ какъ бы общій пересмотръ и общая перетасовка владѣльческихъ правъ... Все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи. Отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали не только землевладѣльцы, которые должны были мѣнять свою вотчинную или помѣстную осѣдлость и бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое въ чуждой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ, съ новымъ рабочимъ населеніемъ. Въ одинаковой степени страдало отъ перемѣны хозяевъ и это рабочее населеніе. Отношенія между владѣльцами земель и ихъ крестьянскимъ населеніемъ были въ ту пору уже достаточно запутаны; опричнина должна была еще болѣе ихъ осложнить и замутить» *).

ГЛАВА II.

Борьба боярскихъ партій при воцареніи Ѳеодора Іоанновича. Удаленіе Нагихъ изъ Москвы въ Угличъ. Смерть Димитрія Царевича. Кто виноватъ въ его смерти? Первое выступленіе Василія Шуйскаго.

Какъ только умеръ Іоаннъ Грозный, уцѣлѣвшіе отъ его казней бояре, «сумѣвшіе показаться ему политически безвредными», снова стали подумывать объ утвержденіи своего политическаго вліянія въ государствѣ. Сейчасъ же послѣ его смерти началась ожесточенная борьба между двумя боярскими партіями: одна изъ нихъ хотѣла провести на престолъ младшаго сына покойнаго царя, Димитрія, другая отстаивала законныя права старшаго, болѣзненнаго, почти слабоумнаго Ѳеодора. Послѣдняя, во главѣ которой стоялъ Борисъ Годуновъ, одержала верхъ, а главные руководители первой партіи, родственники царевича Димитрія по матери, Нагіе, были сначала взяты подъ стражу, а затѣмъ принуждены были вмѣстѣ съ царевичемъ и его матерью переселиться въ Угличъ, который отданъ былъ въ удѣлъ царевичу. Здѣсь онъ и умеръ спустя шесть лѣтъ: въ

*) Ibidem стр. 149—150.

маѣ 1591 года царевичъ былъ найденъ во дворѣ угличскаго дворца, куда послѣ обѣдни его выпустили съ мамкой на прогулку, зарѣзаннымъ. Кто убилъ царевича и по чьему наущенію, такъ и осталось неизвѣстнымъ, несмотря на всѣ попытки историковъ выяснить это темное дѣло. Одно время, съ легкой руки Карамзина, господствовало мнѣніе, что убійство было совершено по порученію Бориса Годунова, стремившагося занять престолъ послѣ бездѣтнаго Ѳеодора и желавшаго устранить съ своего пути законнаго наслѣдника. Этотъ взглядъ, какъ извѣстно, былъ усвоенъ нашимъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ и легъ въ основаніе его прекрасной трагедіи «Борисъ Годуновъ». Но теперь этотъ взглядъ большинствомъ историковъ считается неправильнымъ: никакихъ уликъ противъ Бориса Годунова нѣтъ. Этотъ взглядъ былъ основанъ только на предположеніи и опирался на распространенные въ народѣ слухи. Но слухи эти, очевидно, распространялись врагами Бориса въ то время, когда ими рѣшено было свергнуть его съ престола. Среди различныхъ предположеній наиболѣе вѣроятнымъ,—при сопоставленіи разныхъ обстоятельствъ той эпохи,—слѣдуетъ считать мнѣніе, по которому убійство царевича было подготовлено московскими боярами и, вѣроятно, при весьма дѣятельномъ участіи наиболѣе честолюбиваго изъ нихъ и наиболѣе склоннаго къ интригамъ, князя Василія Шуйскаго, которому впослѣдствіи, во время Смуты, удалось сдѣлаться царемъ. И дѣйствительно, есть нѣкоторыя соображенія, подкрѣпляющія такое мнѣніе.

Переживъ страшный терроръ при Іоаннѣ Грозномъ, боярство московское естественно должно было, изъ одного уже чувства самосохраненія, позаботиться о томъ, чтобы ужасы эпохи казней не повторились. А при тогдашнихъ условіяхъ передъ ними открывалась довольно неутѣшительная перспектива. Слабый здоровьемъ Ѳеодоръ былъ недолговѣченъ; не нынче—завтра юный Димитрій, которому было въ это время 10 лѣтъ, могъ вступить на престолъ. Его родственники, Нагіе, не простятъ оставшимся въ Москвѣ боярамъ, и особенно сторонникамъ Ѳеодора, своего изгнанія и, пользуясь малолѣтствомъ царя, захватятъ власть въ свои руки и будутъ мстить своимъ соперникамъ. Да и изъ юнаго царевича, подъ ихъ вліяніемъ, можетъ выйти такой же тиранъ и деспотъ, какимъ былъ его отецъ. О характерѣ царевича ходили уже безпокойные слухи: въ его забавахъ проявлялись уже нѣкоторыя черты, напоминавшія отца. Мать и дяди его,

Нагіе, внушали ему ненависть къ московскому правительству, толковали объ ожидающемъ его престолѣ, призывали даже къ нему ворожей, чтобы узнать, долго ли жить Ѳеодору. Разсказывали, что царевичъ хвалился передъ дворцовыми слугами, какъ онъ отомститъ своимъ гонителямъ; говорили, что однажды, слѣпивъ со своими сверстниками изъ снѣга нѣсколько человѣческихъ фигуръ, онъ назвалъ ихъ именами придворныхъ московскихъ бояръ и началъ рубить саблей: одному отсѣкъ голову, другому руку, третьяго пронзилъ насквозь, приговаривая:

— Такъ будетъ имъ въ мое царство.

Такіе слухи, при всей своей ничтожности, тревожили въ Москвѣ многихъ бояръ, и весьма возможно, что среди нихъ составилось рѣшеніе избавиться отъ опаснаго царевича убійствомъ и провести на престолъ кого-либо изъ своей среды, ограничивъ его власть, по крайней мѣрѣ по отношенію къ суду и расправѣ надъ боярами. Весьма возможно, слѣдовательно, что убійцы царевича Димитрія были подосланы боярами. Категорически утверждать этого нельзя; но изъ всѣхъ предположеній только что нами указанное представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Если же мы ограничимся документальными свѣдѣніями, дошедшими до насъ отъ того времени, и отнесемся къ дѣлу формально, то вопросъ рѣшается просто. Послѣ убійства царевича Димитрія и расправы, произведенной угличанами надъ предполагаемыми или дѣйствительными убійцами, въ Угличъ изъ Москвы, по распоряженію Бориса Годунова, была послана слѣдственная комиссія, во главѣ которой стоялъ кн. Василій Шуйскій. Эта комиссія, разобравъ дѣло, пришла къ заключенію, что царевичъ, играя со своими сверстниками въ «тычку», въ припадкѣ падучей болѣзни упалъ на ножъ и «накололся» на него... Но участіе въ слѣдственной комиссіи, въ качествѣ руководителя, кн. Василія Шуйскаго, лишаетъ возможности съ полною вѣрой относиться даже къ документальнымъ свѣдѣніямъ, которыя иногда могутъ такъ же свободно фабриковаться, какъ и слухи.

До сихъ поръ мы говорили о московскомъ высшемъ боярствѣ, объ отношеніяхъ между этимъ боярствомъ и верховною властью, о придворныхъ интригахъ. Для полноты картины русской жизни наканунѣ Смуты намъ остается сказать нѣсколько словъ о положеніи низшаго разряда боярскаго класса, о такъ

называемыхъ городовыхъ дворянахъ, а также о положеніи народной массы, о казачествѣ и о духовенствѣ, такъ какъ Смута, происшедшая въ Московскомъ Государствѣ въ началѣ XVII вѣка, захватила всѣ слои русскаго народа.

ГЛАВА III.

Городовые дворяне. Положеніе народной массы наканунѣ Смуты. Казачество. Духовенство, его роль въ образованіи Московскаго государства, его отношенія къ верховной власти и къ боярству, его экономическіе интересы и обособленность. „Малодушные“ люди въ московскомъ обществѣ.

Весь служилый классъ Московскаго государства дѣлился на три разряда: верхній его слой составляло московское боярство, средній—московскіе дворяне, составлявшіе нѣчто въ родѣ нынѣшней гвардіи при особѣ Московскаго государя; послѣдній, низшій разрядъ составляли городовые дворяне, жившіе въ провинціи, въ областяхъ, въ мирное время занимавшіеся хозяйствомъ въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, а въ военное являвшіеся въ сборные пункты въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ слугъ и составлявшіе тогдашнее войско, которое по окончаніи войны распускалось по домамъ.

Положеніе этого провинціальнаго дворянства было очень тяжелое. Если московскимъ дворянамъ, при существованіи мѣстничества,—когда движеніе по службѣ опредѣлялось не заслугами, а происхожденіемъ,—жилось плохо, то дворянамъ городовымъ жилось еще хуже. Московскій дворянинъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ возможность завязать какія-либо связи съ представителями высшаго боярства и какъ-нибудь выдвинуться, получить, напримѣръ, воеводство въ провинціи, а при случаѣ подняться и выше по служебной лѣстницѣ. Дворянинъ провинціальный только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ выдвигался изъ общей массы провинціальнаго дворянства. Вообще же онъ до конца дней своихъ оставался въ своей вотчинѣ или въ своемъ помѣстьѣ, гдѣ иногда ему приходилось жить впроголодь, если у него не было достаточно крестьянъ. Данной ему правительствомъ земли, помѣстья, онъ оставить не могъ; онъ былъ прикрѣпленъ къ ней, такъ какъ съ нея онъ несъ обязательную военную службу. Эта земля, обрабатываемая

крестьянами, обыкновенно служила для него единственнымъ средствомъ пропитанія, и если, какъ это часто бывало, крестьяне уходили отъ него, онъ дѣлался нищимъ, и ему оставалось заниматься грабежомъ. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка правительству нерѣдко приходилось получать отъ провинціальныхъ дворянъ жалобы, что имъ «на государевой службѣ быть не съ чѣмъ, помѣстій и вотчинъ за иными нѣтъ, а за иными и есть, да пусты; крестьянъ нѣтъ, а за иными и есть крестьянина по три, и по четыре, по пяти и шести, и имъ съ тѣхъ крестьянъ подняться и на службѣ быть никакъ нельзя».

Тяжелая въ мирное время, жизнь провинціальнаго служилаго человѣка становилась прямо невыносимой съ наступленіемъ войны, когда приходилось бросать на произволъ судьбы и семью и хозяйство и идти въ походъ безъ всякой надежды на какія-либо матеріальныя выгоды и съ весьма слабой надеждой на благополучное возвращеніе домой. «Съ каждымъ позывомъ въ походъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—въ семействахъ помѣщиковъ должны были повторяться сцены, подобныя тѣмъ, которыя теперь происходятъ въ семействахъ передъ отпускомъ рекрутъ. Сколько нуждъ и лишеній долженъ претерпѣть уѣзжающій! Жилъ полновластнымъ хозяиномъ, окруженный покорною семьею, холопами и крестьянами, а теперь надобно идти подъ начальство... Какой-то попадется воевода? Попадались притѣснители страшные! Хорошо, если есть связи: родственники побьютъ челомъ,—и воевода возьметъ къ себѣ въ заводчики (т.-е. въ свиту),—а то бѣда! И возвратишься ли? И возвратишься ли невредимъ?..» *).

Тяготясь своимъ совершенно ненормальнымъ положеніемъ, служилый человѣкъ стремился всякими способами уклониться отъ службы. Онъ отговаривался отъ выступленія въ походъ болѣзнью, приписывался какъ-нибудь къ гражданскимъ дѣламъ, задаривалъ воеводъ и сыщиковъ, прятался отъ нихъ, наконецъ, бѣжалъ со службы, рискуя лишиться помѣстья и подвергнуться жестокому наказанію.

Неудивительно, что среди провинціальнаго дворянства жила затаенная злоба противъ существующаго порядка и особенно противъ высшаго боярства, которое одно только пользовалось выгодами этого порядка и не давало хода никому изъ тѣхъ,

*) *Соловьевъ.*—Исторія Россіи. Кн. III, стр. 687.

кто не принадлежалъ къ его средѣ. Боярство московское этого не сознавало и не видѣло той опасности, которую представлялъ для него многочисленный классъ провинціальнаго дворянства. А среди этого класса было много людей рѣшительныхъ, предпріимчивыхъ, способныхъ на самыя смѣлыя выступленія. Особенно выдѣлялись въ этомъ отношеніи дворяне заокскихъ и сѣверскихъ городовъ, напримѣръ, Путивля, Каширы, Рязани и другихъ, т.-е. вообще—южныхъ уѣздовъ, смежныхъ со степью. Это, по выраженію проф. Ключевскаго, «удалое степное дворянство» и показало себя и свои силы высшему боярству въ эпоху Смуты. Среди него, совершенно неожиданно, въ эту эпоху проявилось и нѣкоторое политическое самосознаніе высшаго порядка, чѣмъ то, какимъ обладали представители московской знати...

Переходя къ положенію народной массы наканунѣ смуты, мы прежде всего должны указать на тотъ гнетъ, который испытывала она отъ тогдашней администраціи, основанной на кормленіи и на полномъ произволѣ. Злоупотребленія властью областныхъ правителей-воеводъ, при отсутствіи правильнаго контроля надъ ихъ дѣятельностью, достигали неслыханныхъ размѣровъ. Жалобы посадскихъ жителей на ихъ притѣсненія и поборы идутъ черезъ все XVII столѣтіе. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, говорится про воеводу слѣдующее: «почалъ онъ намъ, сиротамъ государевымъ, посадскимъ людямъ, чинить тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи (судебные штрафы) и убытки; бьетъ насъ безъ сыску и безъ вины и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и, выгоняя изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины». Нерѣдко воевода билъ до полусмерти выборныхъ лицъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, и грабилъ торговыхъ людей. Такъ, одинъ воевода «постоянно ходилъ по городу съ батогомъ въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: я воевода такой-то, всѣхъ изъ-подъ тиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать». Такимъ воеводамъ, говоритъ одинъ историкъ, всякіе грабители были по душѣ больше, чѣмъ мирные жители *). Разбойное дѣло

*) См. подробную характеристику областнаго управленія въ Московскомъ государствѣ до и послѣ смуты въ соч. *Градовскаго* „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“.

было, какъ говорили современники, для воеводъ большимъ «лакомствомъ». И если таково было положеніе дѣлъ послѣ Смуты, когда идея государственности окончательно взяла верхъ надъ прежними началами жизни, то можно себѣ представить, что происходило въ областномъ управленіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, наканунѣ Смуты. Народъ не могъ выносить такого гнета и еще до Смуты возставалъ противъ притѣснителей и поднималъ бунты. Весьма важно только не забывать при этомъ, что эти частичные возстанія и бунты поднимались не противъ государственности и не противъ Государя. Наоборотъ, именно на Государя московскаго и на вводимые имъ новые порядки управленія народъ возлагалъ свои надежды.

Такое общее безправное положеніе народной массы еще болѣе обострилось закрѣпощеніемъ въ концѣ XVI и въ самомъ началѣ XVII вѣка крестьянъ, что было одною изъ важнѣйшихъ причинъ къ распространенію въ народѣ всеобщей смуты. Это прикрѣпленіе крестьянъ развивалось одновременно съ усиленнымъ «испомѣщеніемъ» служилыхъ людей правительственными землями, гдѣ ранѣе жили свободные крестьяне. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновенія привилегированныхъ земельныхъ хозяйствъ на правительственныхъ земляхъ былъ переходъ крестьянъ отъ податного самоуправленія и хозяйственной самостоятельности въ землевладѣльческую опеку и въ зависимость отъ господскаго хозяйства. Этотъ переходъ въ отдѣльныхъ случаяхъ могъ быть легкимъ и выгоднымъ; но вообще онъ равнялся потерѣ гражданской самостоятельности. Частные землевладѣльцы не отпускали отъ себя крестьянъ, которыхъ они получали вмѣстѣ съ землею, а въ случаѣ ихъ ухода возвращали, ссылаясь на «писцовую книгу» или на иной документъ, въ которомъ ушедшіе крестьяне были записаны за ними. Такой порядокъ поддерживало и правительство, съ точки зрѣнія котораго онъ былъ и удобенъ и необходимъ: крѣпкое владѣльцу рабочее населеніе служило надежнымъ основаніемъ и служебной исправности служилаго землевладѣльца и податной исправности частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Но для крестьянства переходъ въ частную зависимость былъ такимъ житейскимъ осложненіемъ, съ которымъ оно не могло помириться легко. Дѣло обострялось еще и тѣмъ, что передача правительственныхъ земель частнымъ лицамъ происходила не съ правильною постепенностью, а шла весьма безпо-

рядочно, особенно при Іоаннѣ Грозномъ, въ эпоху «опричнины», когда въ общій земельный пересмотръ были втянуты всѣ роды земель, отъ черныхъ до монастырскихъ; когда эти земли то отбирались на государя, то снова передавались въ частныя руки. Такимъ образомъ, крестьяне переживали разомъ двѣ бѣды: съ одной стороны, государевы земли, которыми они владѣли, быстро и всею массою переходили въ служилыя руки ради нуждъ государственной обороны (для матеріальнаго обезпеченія военно-служилаго класса); съ другой стороны, этотъ переходъ земель, благодаря опричнинѣ, сталъ насильственно-безпорядочнымъ. На мало понятныя для крестьянства ограниченія его правъ и притѣсненія оно отвѣчало усиленными выходами съ земель, взятыхъ изъ непосредственнаго крестьянскаго распоряженія. Крестьянство съ самаго начала своего насильственнаго закрѣпощенія стало стремиться возвратить свободу своему труду черезъ переселеніе на свободныя земли, въ Поволжье, на Донъ и на югъ, въ такъ называемую Сѣверскую Украйну. Когда началась Смута, эти крестьяне-переселенцы составили весьма удобный элементъ для самозванца, вторгшагося въ московскія владѣнія именно черезъ Сѣверскую Украйну, а за ними поднялась и вся масса крестьянскаго люда, недовольнаго своимъ положеніемъ.

Но кромѣ закрѣпощенія крестьянъ, большую роль въ подготовкѣ народной массы къ Смутѣ сыграли и послѣдствія трехлѣтнихъ неурожаевъ и голода въ концѣ царствованія Бориса Годунова. Размѣры этого народнаго бѣдствія,—о которомъ мы знаемъ не только отъ русскихъ современниковъ, но и отъ иностранцевъ,—были ужасны. Страданія народа становились еще тяжелѣе отъ спекуляціи хлѣбомъ, которою занимались не только мелкіе рыночные скупщики, но и лица съ солиднымъ общественнымъ положеніемъ, даже архимандриты и игумены монастырей, не говоря уже объ управителяхъ архіерейскихъ вотчинъ. Даже именитые люди Строгоновы принимали участіе въ этой спекуляціи. Всѣ эти люди искусственно поднимали цѣну на хлѣбъ, захватывая въ свои руки обращеніе его на рынкахъ. Голодъ, нужда и безработица заставляли многихъ идти на большую дорогу, сбиваться въ шайки и промышлять грабежомъ. А хищничество богатыхъ и власть имущихъ людей ожесточало народъ противъ «сильныхъ людей» и придавало простому разбою видъ соціальнаго протеста. Этотъ протестъ народной массы

станетъ намъ еще болѣе понятенъ, если мы вспомнимъ, что въ голодное время многіе землевладѣльцы распустили свою челядь (дворовыхъ людей), чтобы не кормить ихъ, и эти люди нигдѣ не находили пріюта, такъ какъ не получали установленныхъ отпускныхъ грамотъ. Для нихъ Украйна являлась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они чаяли избавиться отъ нужды и зависимости; всѣ они, по выраженію Забѣлина, «валили въ казаки». По свидѣтельству Авраамія Палицына, въ Калугѣ и Тулѣ въ смутное время набралось такихъ «воровъ» больше 20.000 человѣкъ *).

Но если, въ силу постепенно сложившихся условій, крестьянская народная масса давно уже была подготовлена къ Смутѣ, то еще въ большей степени было подготовлено къ ней казачество. Сущность крестьянской жизни все-таки составляло «черное тягло», обработка земли; сущностью же казацкой жизни,—было: «по чисту полю или по синю морю—гулять, зипуновъ-то доставать», т.-е., попросту говоря, жить грабежомъ, а деликатно выражаясь—«добывать кормленія посредствомъ копья и меча». Казакъ, по исторической необходимости, принужденъ былъ жить, какъ самъ онъ выражался, «на травѣ», т.-е. въ степи, и «на водѣ», т.-е. на рѣкѣ и на морѣ, и всегда не прочь былъ послужить государству «съ травы и съ воды», обозначая этимъ, что у него ничего другого и не было, даже и хлѣба, и его слѣдовало обезпечивать всякимъ продовольствіемъ. Хлѣбопашество въ жизни казаковъ являлось, на ихъ взглядъ, такъ сказать, элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ, и потому пахать землю, сѣять хлѣбъ,—напримѣръ, у донцовъ,—даже строго воспрещалось: «а станетъ кто пахать, и того до смерти бить и грабить», говоритъ одна войсковая грамота XVII вѣка. Всѣ эти казаки, ворвавшіеся въ Смутное время въ центральныя области государства, явились для него какъ бы стихійною напастью. Что представляло тогдашнее казачество, ясно будетъ изъ слѣдующаго эпизода. Въ 1605—1606 г. небольшой казацкій отрядъ, вмѣстѣ съ царскими войсками, стоялъ на р. Терекѣ. Долго не получая царскаго «корма» и царскаго денежнаго жалованья, казаки пришли къ заключенію, что «лихіе бояре переводятъ царское жалованье» и не доводятъ его до

*) *Авраамъ Палицынъ*,—келарь Троицкаго монастыря и современникъ Смуты,—написалъ „Сказаніе“ о смутномъ времени.

нихъ, и что имъ самое лучшее самимъ позаботиться о добычѣ корма. Сначала они рѣшили «добыть корму грабежомъ турецкихъ людей на морѣ или службою персидскому шаху», потомъ надумали «итить на Волгу громить судовъ торговыхъ». Чтобы имѣть предлогъ къ такому походу, они назвали одного изъ своихъ товарищей, Илейку Муромца, царевичемъ Петромъ и пошли съ нимъ къ Астрахани. Такъ появился одинъ изъ многочисленныхъ казацкихъ самозванцевъ, принявшій имя не Димитрія, а Петра, связавшій свою исторію не съ угличскимъ дѣломъ, а съ невѣроятною басней о сокрытіи царскаго сына Петра Ѳеодоровича отъ козней Бориса Годунова.

Такимъ образомъ, казачество наканунѣ Смуты представляло изъ себя элементъ въ значительной мѣрѣ разбойный, готовый за царское жалованье служить государству, но всегда готовый и пограбить это государство. Какихъ-либо сознательныхъ политическихъ стремленій у этого казачества въ ту эпоху не было. О немъ нельзя сказать, что оно возставало противъ государства, противъ государственныхъ порядковъ, какъ пытался доказать это въ своемъ сочиненіи о Смутѣ одинъ изъ нашихъ талантливыхъ историковъ, Костомаровъ *). Возражая ему, Забѣлинъ говоритъ слѣдующее: «по свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, казаки находили это ненавистное для нихъ государство въ каждой крестьянской клѣти, сколько-нибудь полной одеждой или хлѣбомъ или деньгами, собранными бережливостью и проливнымъ потомъ земледѣльца или промышленника; въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ, который съ тѣхъ же клѣтей собиралъ свое добро; въ каждой сельской церкви, построенной и украшенной бѣдною утварью, большею частью на мірскія же деньги. Вотъ гдѣ изливалъ казакъ свою политическую ненависть къ государству, безъ пощады разграбляя и сожигая и клѣть и церковь. Съ такою «политикою» именно черкасы (южно-днѣпровскіе казаки), уже послѣ усмиренія Смуты, доходили чуть не до Студенаго моря; они «много земли запустошиша,—какъ говоритъ современный лѣтописецъ,—и сами всѣ пропадоша, ибо были побиты народомъ въ заонежскихъ погостахъ и на Олонцѣ». Мы не станемъ,—говоритъ далѣе Забѣлинъ,—приводить тѣхъ скорбящихъ и вопіющихъ свидѣ-

*) *Костомаровъ.*—Смутное время Московскаго Государства. Три тома. Петербургъ, 1863 г.

тельствъ, которыми лѣтописцы изображаютъ казацкія войны въ ненавистномъ имъ государствѣ. Мы скажемъ одно: вся эта казацкая политическая ненависть противъ государства выражалась по преимуществу разореніемъ крестьянина, опустошеніемъ земли крестьянской. Съ коронованными особами казаки враждовали иначе: они всегда готовы были имъ служить и помогать. Стало быть, за все и про все отвѣчалъ одинъ только сирота-крестьянинъ» *). Наиболѣе безпокойнымъ элементомъ являлось казачество Сѣверской Украйны... Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что первый самозванецъ, или люди, имъ руководившіе,—какъ, напримѣръ, сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ,—дѣйствовали съ обдуманнымъ расчетомъ, вторгаясь въ Россію именно чрезъ эту Украйну: здѣсь было множество еще не устроившихся хозяйственно новыхъ служилыхъ людей, изъ которыхъ многіе явились сюда противъ своей воли; здѣсь было множество крестьянъ—переселенцевъ, самовольно ушедшихъ изъ внутреннихъ областей и тоже еще не устроившихся и недовольныхъ своимъ, плохо обезпеченнымъ, или и совсѣмъ необезпеченнымъ, положеніемъ; здѣсь было безпокойное казачество, и вообще много, такъ называемыхъ, «гулящихъ» людей, получившихъ у осѣдлаго, консервативнаго и матеріально болѣе или менѣе обезпеченнаго населенія названіе «воровъ»...

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о духовенствѣ.

Русское духовенство, въ лицѣ своего главнаго представителя, митрополита, сильно содѣйствовало возвышенію Москвы а вмѣстѣ съ тѣмъ и утвержденію единовластія. Проникнутое понятіями о царской власти, получаемой отъ Бога и не зависящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было враждебно относиться къ старому, удѣльному порядку вещей и всячески содѣйствовать развитію и укрѣпленію государственности. Идея государственности отвѣчала и матеріальнымъ интересамъ духовенства. Уже къ концу XV вѣка почти третья часть всѣхъ земель въ Московскомъ государствѣ принадлежала церкви, составляя обширныя монастырскія вотчины. Разбросанныя по отдѣльнымъ княжествамъ, эти земельныя владѣнія должны были подвергаться всякимъ слу-

*) *Забѣлинъ*—Мининъ и Пожарскій. Стр. 189—190. Терминъ „сироты“ въ въ XVI и XVII вв. прилагался къ крестьянству и въ офиціальныхъ документахъ.

чайностямъ; иное дѣло, когда они находились на территоріи единаго государства, управляемаго мощною рукою царя-самодержца, отъ котораго церковь могла получить прочныя и единообразныя льготы, привилегіи по землевладѣнію и по хозяйственному управленію въ этихъ обширныхъ вотчинахъ. Вотъ почему, когда московскіе князья стали стремиться къ единовластію, то ихъ стремленія совершенно совпали съ стремленіями духовенства, и можно сказать, что вмѣстѣ съ мечомъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ и мечъ духовный. Припомнимъ, напримѣръ, какъ митрополитъ Алексѣй оберегалъ интересы малолѣтняго московскаго князя Димитрія (Донского) противъ притязаній суздальскаго князя Димитрія Константиновича; какъ митрополитъ Фотій въ началѣ княженія Василія II Темнаго дѣйствовалъ противъ дяди его Юрія, благословляя народъ на защиту московскаго князя; какъ рязанскій епископъ Іона поддерживалъ интересы московскаго князя въ Рязани и проч.

Говоря о высшемъ московскомъ боярствѣ,—о такъ называемыхъ «княжатахъ»,—мы уже отмѣтили его политическія притязанія. Естественно, что эти притязанія на ограниченіе царской власти въ свою пользу не могли встрѣтить ни сочувствія ни поддержки среди представителей высшаго духовенства, которому осуществленіе такихъ притязаній было бы прямо невыгодно, такъ какъ княжата,—крупные землевладѣльцы,—являлись по землевладѣнію главными соперниками духовенства. Да и вообще между этими двумя сословіями почти не было связи: у насъ вѣдь не было обычая, какъ на Западѣ, чтобы члены знатныхъ родовъ поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства. Правда, отдѣльные случаи бывали, но рѣдко, какъ исключенія. Такіе случаи московскими князьями не поощрялись: великій князь Василій I, напримѣръ, дорожа военно-служилыми людьми, даже заключилъ однажды договоръ съ митрополитомъ Кипріаномъ, чтобы тотъ не принималъ въ духовное вѣдомство слугъ великокняжескихъ.

Вообще говоря, русское духовенство всегда занимало въ обществѣ положеніе обособленное. Съ самаго начала христіанства на Руси и до самой Смуты, оно почти исключительно сохраняло характеръ сословія «учительнаго». Оно было единственнымъ обязательно просвѣщеннымъ сословіемъ въ Россіи; отъ него,—говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ,—прежде всего тре-

бовалась учительность, и никто не отрицалъ у него права на исключительную учительность. Но будучи учительнымъ сословіемъ, оно главное свое вниманіе, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго въ XI вѣкѣ и кончая патріархомъ Гермогеномъ въ эпоху Смуты, устремляло на то, чтобы защитить чистоту православной вѣры отъ всякихъ ересей и отъ вліянія католичества, отъ латинства. При этомъ надо имѣть въ виду, что въ глазахъ нашего духовенства вѣра тѣсно соединялась съ національностью: слова «русскій» и «православный» являлись для него синонимами и, по его взглядамъ, русскій народъ и русское государство должны были неминуемо погибнуть, какъ только пошатнется вѣра православная.

Таково было идеальное настроеніе русскаго духовенства во всѣ времена; такимъ было оно и къ началу Смуты.

Но во всякомъ дѣлѣ есть и обратная сторона медали. Эта идеальная сторона въ исторической дѣятельности русскаго духовенства ярко обнаруживалась въ критическіе моменты, когда вѣрѣ православной и національности русской угрожала какая-либо опасность. Въ обычное же время высшее русское духовенство, живя, такъ сказать, изо дня въ день, исполняя свои обычныя служебныя обязанности, въ то же время ревностно оберегало свои матеріальные интересы, главнымъ образомъ, интересы землевладѣнія, ссорясь и сталкиваясь при этомъ съ высшимъ боярствомъ въ отстаиваніи старыхъ льготъ и привилегій и въ пріобрѣтеніи новыхъ.

Такой двойственный характеръ настроенія, которымъ жило русское духовенство, лучше всего обнаруживается въ личности и въ дѣятельности двухъ его наиболѣе выдающихся представителей, сосредоточившихъ на себѣ общее вниманіе въ эпоху Смуты. Мы говоримъ о патріархѣ Гермогенѣ и о келарѣ Троицко-Сергіевской Лавры, Авраміи Палицынѣ. Въ то время какъ Гермогенъ самоотверженно отстаивалъ православную вѣру, русскую національность и русское государство отъ угрожавшихъ имъ со всѣхъ сторонъ опасностей и свой высокій подвигъ запечатлѣлъ мученическою кончиной, Авраамій Палицынъ, постарѣвшій въ постоянныхъ хлопотахъ по монастырскому хозяйству, болѣе всего интересовался возможностью повыгоднѣе устроить хозяйственныя дѣла Лавры и самому получше устроиться. И онъ выступалъ съ призывами къ народу о необходимости борьбы съ врагами; но въ его призывахъ не было той глу-

бокой искренности, того вдохновенія, которыя отличали Гермогена, этого великаго патріарха-гражданина *). Гермогенъ томился въ Кремлѣ, въ подземельѣ Чудова монастыря, а Авраамій Палицынъ,—участвовавшій въ посольствѣ къ Сигизмунду вмѣстѣ съ ростовскимъ митрополитомъ Филаретомъ,—всячески унижался передъ королемъ-католикомъ и, сказавшись больнымъ, уѣхалъ домой изъ-подъ Смоленска, заручившись предварительно «тарханными грамотами» отъ польскаго короля,—претендента на московскій престолъ,—на разныя новыя статьи дохода для своего монастыря и согласившись на выдачу за это королю (на кормъ его ратнымъ людямъ) 200 руб. изъ монастырской казны, суммы весьма значительной по тому времени. Онъ уѣхалъ домой вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами посольства, получившими, какъ и онъ, отъ короля грамоты на вотчины, оставивъ своихъ товарищей въ минуту, самую критическую для Смоленска, гдѣ едва-едва держался храбрый воевода Шеинъ, не желавшій сдаваться королю и нуждавшійся въ нравственной поддержкѣ русскихъ пословъ.

Впослѣдствіи инокиня Марѳа, мать новоизбраннаго царя Михаила, опасаясь отпустить своего юнаго сына въ Москву, говорила посламъ отъ Земскаго Собора, что русскіе люди «измалодушествовались». Къ сожалѣнію, такіе «малодушные» люди находились и среди духовенства, какъ доказалъ это подъ Смоленскомъ авторъ подробнаго сказанія о Смутѣ **).

Но болѣе всего въ Смутную эпоху оказалось такихъ «малодушныхъ» людей среди московскаго боярства, которое и начало Смуту. Вотъ какъ отзывается о настроеніи этого сословія современный лѣтописецъ: «Во время то, Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, во множайшихъ владомыхъ (т.-е. среди владѣтелей, бояръ) сугубу зависть и гордость и неправды, но и паче же не токмо другъ отъ друга ненавидяще, но койждо единъ

---

*) *Авраамій Палицынъ* оставилъ намъ въ своемъ „Сказаніи объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ“ подробное описаніе событій Смутной эпохи, въ которомъ постарался не столько безпристрастно изложить ходъ этихъ событій, сколько выставить въ наилучшемъ видѣ свою роль въ этихъ событіяхъ. О немъ см. въ соч. *Забѣлина* „Мининъ и Пожарскій“ стр. 215 и далѣе.

**) Попытку реабилитировать Авраамія Палицына, разоблаченнаго *Забѣлинымъ*, читатель найдетъ въ статьѣ *Кедрова* „Авраамій Палицынъ“ (въ чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей въ 1880 г., кн. 4).

(наединѣ) и на самого государя помышляху смертнымъ убивствомъ и неправду дѣяху... Искони діаволъ, ненавидяй добра роду человѣческому, вложи зло во владомые; но обаче другъ подъ другомъ чести желаста; не единаго токмо отеческаго достоинства хотяху (намекъ на мѣстническіе счеты), но *койждо отъ нихъ своею мыслію тщахуся самодержство восхитить и старѣйшихъ хотяху быти въ Русскомъ царствѣ*».

Начало Смуты и первый самозванецъ.

ГЛАВА I.

Послѣдніе дни Бориса. Опалы на бояръ. Слухъ о появленіи Самозванца. Отношеніе къ этому слуху Бориса. Смерть Бориса. Гибель его семьи. Воцареніе Лжедимитрія I.

Царь Борисъ законнымъ путемъ земскаго соборнаго избранія вступилъ на престолъ и могъ стать основателемъ новой династіи какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ политическимъ заслугамъ. Но бояре, много натерпѣвшіеся при Грозномъ, теперь при выборномъ царѣ изъ своей братіи не хотѣли довольствоваться простымъ обычаемъ, на которомъ держалось ихъ политическое значеніе при прежней династіи. Они ждали отъ Бориса болѣе прочнаго обезпеченія этого значенія, т.-е. ограниченія его власти формальнымъ актомъ, «чтобы онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ», какъ говоритъ одно извѣстіе, дошедшее отъ этого времени. Борисъ обманулъ надежды бояръ и былъ выбранъ Земскимъ Соборомъ безъ всякихъ условій. Этого бояре простить ему не могли. По мнѣнію проф. Ключевскаго, въ данномъ случаѣ Борисъ допустилъ ошибку, погубившую и его самого и его семью. Ему слѣдовало,—говоритъ онъ,—взять на себя починъ въ дѣлѣ ограниченія самодержавной власти московскаго государя; онъ дол-

женъ былъ превратить Земскій Соборъ, его избравшій, изъ случайнаго собранія въ постоянное народное представительство. Это примирило бы съ нимъ оппозиціонное боярство и—кто знаетъ?—отвратило бы бѣды, постигшія его съ семьей и Россію, сдѣлавъ его родоначальникомъ новой династіи. Но Борисъ, при недостаткѣ политическаго сознанія, перехитрилъ самого себя. Когда бояре увидали, что ихъ надежды обмануты, что новый царь расположенъ править такъ же самовластно, какъ правилъ Іоаннъ Грозный, они рѣшили тайно дѣйствовать противъ него. Среди бояръ поднялся глухой ропотъ, о которомъ вскорѣ узналъ Борисъ. Чтобы оградить себя отъ боярскихъ козней, онъ принялъ свои мѣры, напоминавшія тѣ, которыя принималъ въ свое время Іоаннъ Грозный. Эти мѣры усилились, когда до Бориса дошло, что въ народѣ ходитъ слухъ о томъ, что царевичъ Димитрій живъ и скоро появится для возвращенія себѣ престола. Не зная опредѣленно, кто именно его враги, распускавшіе этотъ слухъ, онъ, изъ спокойнаго и разсудительнаго правителя превратившійся въ подозрительнаго, мрачнаго и свирѣпаго деспота, сталъ хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ нему и кто пользовался популярностью и вліяніемъ въ народѣ. Первымъ пострадалъ бояринъ Богданъ Бѣльскій, бывшій воспитатель царевича Димитрія, посланный вскорѣ послѣ смерти царя Ѳеодора въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій сталъ жить тамъ богато и знатно; построивъ крѣпкій городъ, онъ набралъ на свой счетъ войско, кормилъ, одѣвалъ и жаловалъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріи, Борисъ, не упоминая объ этомъ имени, придрался къ Бѣльскому за то, что онъ, какъ донесли ему, будучи въ Царевѣ-Борисовѣ, въ веселую минуту, произнесъ неосторожныя слова: «Царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я царь въ Царевѣ-Борисовѣ». Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь позорилъ его, поругался надъ нимъ, приказалъ своему доктору-шотландцу выщипать ему густую, красивую бороду, которою Бѣльскій гордился, и сослалъ его въ отдаленный городъ, заключивъ въ тюрьму. Ссылка постигла и другихъ бояръ, бывшихъ съ Бѣльскимъ въ Царевѣ-Борисовѣ. Покончивъ съ Бѣльскимъ, Борисъ принялся за другихъ. Пострадала и фамилія бояръ Романовыхъ, родственниковъ царицы Анастасіи Романовны, матери царя Ѳеодора, пострадали и другія, родственныя съ Романовыми или служившія съ ними, боярскія знатныя фамиліи. На Рома-

новыхъ, съ которыми онъ прежде былъ очень друженъ, онъ теперь набросился съ большею даже яростью, чѣмъ на Бѣльскаго. И это понятно: родъ Романовыхъ былъ самый близкій къ прежней династіи и самый любимый народомъ. Если Борисъ вступилъ на престолъ, будучи шуриномъ покойнаго царя, то Романовы также могли добиваться вѣнца, будучи двоюродными братьями по матери царя Ѳеодора. На ихъ сторонѣ были и память добродѣтельной Анастасіи Романовны, и безукоризненное ихъ всѣхъ поведеніе, и непричастность ихъ рода къ опричнинѣ. Въ народѣ носились слухи, что царь Ѳеодоръ передъ смертью выражалъ желаніе, чтобы вѣнецъ царскій перешелъ по избранію не къ Борису, а къ Романовымъ, и именно къ старшему изъ нихъ, къ Ѳеодору Никитичу. Всѣ пять братьевъ Романовыхъ были отправлены въ разные города въ ссылку, обвиненные въ замыслахъ противъ царя, а Ѳеодоръ Никитичъ былъ постриженъ въ монахи и заточенъ въ отдаленный монастырь; пострижена была и жена его, Ксенія Ивановна, подъ именемъ Марѳы; ее тоже сослали въ отдаленный монастырь, разлучивъ съ малолѣтними дѣтьми. Пострадали и многіе другіе бояре. Для розыска своихъ враговъ Борисъ установилъ тайный полицейскій надзоръ, въ которомъ главную роль играли боярскіе холопы, доносившіе на своихъ господъ, а также выпущенные изъ тюрьмы воры, которые, шныряя по московскимъ улицамъ, подслушивали, что говорили о царѣ, и хватали каждаго, сказавшаго неосторожное слово. Доносъ и клевета быстро стали страшными общественными язвами. Доносы сопровождались опалами, пытками, казнями. «Ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ не бывало»,—говорили современники. Наконецъ, Борисъ совсѣмъ обезумѣлъ, хотѣлъ знать домашніе помыслы, читать въ сердцахъ и хозяйничать въ чужой совѣсти. Онъ разослалъ всюду особую молитву, которую во всѣхъ домахъ за трапезой должны были произносить при заздравной чашѣ за царя и его семейство. Читая эту лицемѣрную и хвастливую молитву, — говоритъ проф. Ключевскій, — проникаешься сожалѣніемъ, до чего можетъ потеряться человѣкъ, хотя бы и царь. Всѣми этими мѣрами Борисъ создалъ себѣ ненавистное положеніе. Боярская знать съ вѣковыми преданіями скрылась по подворьямъ, усадьбамъ и дальнимъ тюрьмамъ. На ея мѣсто повылѣзли изъ щелей невѣдомые Годуновы съ товарищами и завистливой шайкой окружили престолъ, на-

полнили дворъ. На мѣсто династіи стала родня, главой которой явился земскій избранникъ, превратившійся въ мелкодушнаго труса. Онъ спрятался во дворцѣ, рѣдко выходилъ къ народу и не принималъ самъ челобитныхъ, какъ это дѣлали прежніе цари. Всѣхъ подозрѣвая, онъ показалъ, что всѣхъ боится *).

А между тѣмъ слухъ о спасеніи царевича Димитрія все болѣе и болѣе распространялся. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялся слухъ и о томъ, что покушеніе на его убійство, жертвой котораго будто бы сдѣлался по ошибкѣ одинъ изъ сверстниковъ царевича, было устроено по приказанію Бориса, желавшаго устраненіемъ законнаго наслѣдника проложить себѣ путь къ престолу. Всѣ бѣдствія послѣднихъ годовъ царствованія Бориса,—неурожаи, голодъ, эпидеміи,—въ народѣ объясняли гнѣвомъ Божіимъ, постигшимъ русскій народъ за то, что онъ избралъ въ цари убійцу. Наконецъ, прошелъ слухъ и о томъ, что царевичъ уже набралъ войско въ Польшѣ и идетъ съ нимъ въ Москву.

Когда слухъ этотъ дошелъ до Москвы, Борисъ открыто заявилъ боярамъ въ засѣданіи Боярской Думы, что это они выставили противъ него самозванца. И это мнѣніе Бориса вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ современнаго лѣтописца, который говоритъ: «навелъ Борисъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской Земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили».

Пережитыя волненія и тревоги, постоянный страхъ за себя и за семью сломили Бориса: онъ умеръ внезапно отъ апоплексическаго удара въ самомъ началѣ борьбы съ самозванцемъ.

Смерть Бориса погубила и его семью. Воевода Басмановъ, единственный человѣкъ, энергично боровшійся за Бориса съ самозванцемъ въ Сѣверской Украйнѣ, перешелъ съ войскомъ на его сторону. Полки безъ сопротивленія провозгласили самозванца государемъ; только немногіе не захотѣли нарушить присягу сыну Бориса Ѳеодору, объявленному въ Москвѣ царемъ, и съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву. Послѣ измѣны войска гонцы съ грамотами Лжедимитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ; но ихъ хватали и замучивали до смерти. Однажды, съ такими грамотами пріѣхали Наумъ Плещеевъ и Гаврило Пушкинъ. Они

*) *Ключевскій.*—Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 32—36.

отправились сначала въ Красное село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, которые еще при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ были противъ Бориса. Плещеевъ и Пушкинъ прочли красносельцамъ лжедимитріеву грамоту. Лжедимитрій напоминалъ въ ней о присягѣ, данной ими отцу его Іоанну, о притѣсненіяхъ, испытанныхъ имъ въ дѣтствѣ отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи, извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Борису, не вѣдая его «злокозненнаго нрава». Въ заключеніе самозванецъ обѣщалъ награду всѣмъ въ случаѣ признанія его царемъ... Красносельцы съ радостью приняли посланныхъ и шумною толпою проводили ихъ въ городъ. Правительство выслало было противъ нихъ стрѣльцовъ; но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедимитрія съ красносельцами безпрепятственно достигли Лобнаго мѣста, гдѣ прочитали собравшемуся народу грамоту Лжедимитрія. Народъ волновался, просилъ кн. Василія Шуйскаго объявить правду, точно ли онъ похоронилъ въ Угличѣ царевича Димитрія. Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, и вмѣсто него убитъ и похороненъ поповъ сынъ.

Ворота въ Кремль въ это время не были заперты. Толпы народа ворвались туда, схватили царя Ѳеодора съ матерью и съ сестрою его Ксеніей во дворцѣ и отвели ихъ въ прежній боярскій домъ Бориса. Родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, а имѣніе ихъ разграбили. Въ Тулу къ Лжедимитрію отправлены были изъ Москвы посланные съ повинной.

Узнавъ о присягѣ москвичей новому царю, въ Москву явились изъ Тулы сторонники Лжедимитрія, князья Голицынъ и Масальскій, съ дьякомъ Сутуповымъ, чтобы покончить съ Годуновыми и ихъ сторонниками. Они начали съ патріарха Іова, самаго ревностнаго приверженца Годуновыхъ: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы и, какъ простого монаха, сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ уже подъ стражей родственниковъ царя также разослали въ заточеніе. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновыми, Голицынъ и Масальскій съ нѣсколькими другими боярами и съ стрѣльцами отправились въ домъ, куда отведена была семья Бориса: царицу Марью задушили; молодой Ѳеодоръ боролся отчаянно, но и онъ былъ убитъ. Народу же объявили, что и царица Марья и царь Ѳеодоръ со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ. Ее взялъ къ себѣ во дворецъ пріѣхавшій въ Москву самозванецъ,

отпустившій ее затѣмъ, по настоянію своей жены Марины Мнишекъ, въ Бѣловѣжскій монастырь, гдѣ она постриглась.

Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ.

20-го іюня Лжедимитрій вступилъ въ Москву.

Лѣтній день сіялъ во всей красѣ. Столица представляла зрѣлище шумной радости. Улицы, заборы, кровли домовъ, башни и колокольни были покрыты народомъ. Яркіе цвѣта праздничныхъ одеждъ дѣлали видъ столицы великолѣпнымъ. И вездѣ раздавалось имя Димитрія, который ѣхалъ медленно на бѣломъ конѣ, въ царской одеждѣ, въ драгоцѣнномъ ожерельѣ. Его окружала свита изъ 60-ти бояръ и князей. Передъ нимъ стройными рядами въ полномъ вооруженіи съ трубами и литаврами, шли польскія дружины, а за ними—ряды иностранцевъ, казаковъ и стрѣльцовъ. Вездѣ москвичи падали предъ нимъ ницъ, восклицая: «Здравствуй, отецъ нашъ, государь и великій князь всероссійскій! Даруй тебѣ, Боже, многія лѣта! Ты—наше солнце красное!» Царь приказывалъ вставать простертымъ на землѣ подданнымъ и просилъ молиться за него Богу...

Но, несмотря на видимый восторгъ Москвы, впереди всего поѣзда ѣхалъ отрядъ вооруженныхъ людей для развѣдыванія, не таится ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали изъ улицы въ улицу и возвращались къ царю съ успокоительными донесеніями. Случилось, однако, нѣчто непріятное для суевѣрныхъ людей. Когда Лжедимитрій въѣхалъ черезъ Москворѣцкія ворота на Красную площадь, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони чуть не попадали. Пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько минутъ всѣхъ ослѣпила. Москвичи,—говоритъ современникъ,—ужаснулись и, творя крестное знаменіе, говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію!»

На Лобномъ мѣстѣ ожидало царя духовенство съ крестами и хоругвями. Поѣздъ остановился. Лжедимитрій сошелъ съ коня и подошелъ къ кресту. Здѣсь благовѣщенскій протопопъ обратился къ нему съ рѣчью, униженно моля о пощадѣ народа, который былъ во тьмѣ и теперь только увидѣлъ свѣтъ, уподобляя царя Богу и прося его не слушать людей, подвигающихъ его на гнѣвъ неподобными слухами. Потомъ отслужили молебствіе. Но въ то время, какъ русскіе благоговѣйно внимали церков-

ному пѣнію, поляки продолжали «играть въ трубы и въ бубны». Лжедимитрій не унялъ ихъ, по разсѣянности ли, среди новой для него роли, или по вольнодумству и пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ, съ которыми онъ освоился во время пребыванія своего въ Польшѣ; но только это обстоятельство, на которое жалуются набожные лѣтописцы, зачлось ему въ умахъ народа на черный его день. Еще сильнѣе было оскорблено православное русское чувство, когда вслѣдъ за царемъ вошли въ Успенскій и Архангельскій соборы поляки и иноземцы, «поганые католики и лютеры», не знаменуясь крестомъ, не поклоняясь образамъ, глядя на все безъ благоговѣнія, съ гордымъ и насмѣшливымъ видомъ. Народъ однако же былъ тронутъ искреннимъ чувствомъ, съ какимъ палъ юный царь на гробъ своего мнимаго отца, Іоанна Грознаго, плакалъ и вспоминалъ свое сиротство и гоненіе *).

Новый царь немедленно приступилъ къ устройству своего двора, заводя при немъ иноземные порядки.

Политика, а можетъ быть, и иныя побужденія заставили новаго царя оказать милости всѣмъ, кого постигла опала царя Бориса. Прежде всего возвращены были изъ ссылки оставшіеся въ живыхъ Романовы. Монахъ Филаретъ (Θеодоръ Никитичъ), возведенный еще по приказанію Бориса въ архимандриты, сдѣланъ былъ ростовскимъ митрополитомъ; сынъ его, Михаилъ, будущій царь Россіи, получилъ разрѣшеніе жить вмѣстѣ съ матерью близъ Костромы въ Ипатьевскомъ монастырѣ, а братъ его Иванъ Никитичъ удостоился получить мѣсто въ царскомъ Совѣтѣ. Годуновымъ были розданы воеводскія мѣста въ Сибири и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ. Новый царь велъ себя великодушно.

Задумавъ ввести въ Россіи новые порядки по европейскому образцу, Лжедимитрій возвелъ въ санъ патріарха, вмѣсто Іова, грека Игнатія, рязанскаго архіепископа, нѣсколько лѣтъ передъ переѣздомъ въ Россію проживавшаго въ Римѣ. Съ самаго вступленія своего въ Москву Лжедимитрій съ усердіемъ принялся за дѣла правленія.

---

*) См. интересное сочиненіе *Кулиша* „Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ“.

ГЛАВА II.

Кто былъ первый самозванецъ? Его личность и правительственная дѣятельность. Интриги кн. Василія Шуйскаго. Сверженіе Лжедимитрія I.

Кто былъ первый самозванецъ? Надъ этимъ вопросомъ много думали историки; но онъ остается открытымъ и до сихъ поръ. Личность его и происхожденіе неизвѣстны. Одно только можно установить болѣе или менѣе правдоподобно, это—вопросъ о томъ, кѣмъ онъ былъ выставленъ. Въ этомъ отношеніи всѣ историки сходятся на томъ мнѣніи, которое впервые у насъ выставилъ Соловьевъ, подвергшій въ своей обширной «Исторіи Россіи» этотъ вопросъ самому тщательному изслѣдованію. Его мнѣніе совпадаетъ съ уже приведеннымъ нами мнѣніемъ Бориса Годунова: самозванца выставили бояре, чтобы воспользоваться имъ для сверженія обманувшаго ихъ ожиданія Бориса. Весьма вѣроятно, что его подготовили бояре, воспитавъ въ какой-либо боярской семьѣ и внушивъ ему мысль о царственномъ происхожденіи. Самъ Лжедимитрій, по польскимъ извѣстіямъ, говорилъ пану Вишневецкому, при дворѣ котораго онъ служилъ въ Польшѣ нѣкоторое время, что онъ кѣмъ-то въ дѣтствѣ былъ отданъ на воспитаніе въ домъ одного изъ «дѣтей боярскихъ» (т.-е. провинціальныхъ служилыхъ людей), а потомъ былъ въ монахахъ.

Сознательнымъ обманщикомъ Лжедимитрій не былъ. Онъ былъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. По крайней мѣрѣ, это обнаруживается во всемъ его поведеніи и въ той смѣлости, съ которой онъ одинъ, безъ свиты, безъ тѣлохранителей, появлялся на улицахъ Москвы, на что врядъ ли рѣшился бы настоящій самозванецъ, сознательно принявшій на себя личину царскаго сына. Но болѣе всего обнаруживается это убѣжденіе Лжедимитрія въ своемъ царственномъ происхожденіи въ дѣлѣ князя Василія Шуйскаго.

Василій Шуйскій вскорѣ по вступленіи Лжедимитрія на престолъ уже сталъ распускать въ народѣ слухъ, что новый царь—не истинный сынъ Грознаго, что онъ—самозванецъ. Слухи эти дошли до Лжедимитрія. И вотъ вмѣсто того, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго врага тѣми средствами, которыя были тогда въ употребленіи, онъ предаетъ Шуйскаго всенародному суду. И когда Земскій Соборъ, въ угоду царю, присудилъ Шуйскаго къ смертной казни, Лжедимитрій не только помиловалъ его, но

даже возвратилъ ему то положеніе, которое онъ занималъ въ обществѣ до суда. На такой рискованный поступокъ врядъ ли отважился бы человѣкъ, сомнѣвающійся въ своихъ законныхъ правахъ на престолъ.

Кто бы ни былъ по своему происхожденію первый самозванецъ и какъ бы ни относился онъ къ той роли, которую пришлось ему играть, во всякомъ случаѣ онъ былъ личностью далеко незаурядною. Это былъ человѣкъ съ большими способностями, пылкій, впечатлительный, легко увлекающійся, мало образованный, но прекрасно цѣнившій европейскую культуру и стремившійся насадить ее въ Россіи, человѣкъ съ широкими планами, мечтавшій, напримѣръ, объ устройствѣ европейскаго союза противъ турокъ и объ изгнаніи турокъ изъ Европы. Ко всему этому надо прибавить, что по характеру своему, это былъ человѣкъ очень самостоятельный, высоко ставившій свое царское положеніе.

Боярамъ скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что въ сущности они ровно ничего не выиграли, замѣнивъ Бориса Годунова Лжедимитріемъ. А можетъ быть, у нихъ и ранѣе не было желанія долго поддерживать на престолѣ то орудіе, съ помощью котораго они свергли Бориса. Такъ или иначе боярская интрига противъ царя возобновилась, и во главѣ ея сталъ Василій Шуйскій, этотъ, по удачному выраженію одного историка, типичный политическій «хамелеонъ».

Осуществленію заговора, организованнаго Шуйскимъ, помогло слишкомъ свободное отношеніе Лжедимитрія къ старинnымъ русскимъ обычаямъ, которые онъ, не стѣсняясь, во всемъ открыто нарушалъ, постепенно возбуждая къ себѣ недовѣріе народа и облегчая такимъ образомъ работу заговорщикамъ. Очень не по душѣ былъ также народу и наплывъ въ Москву иноземцевъ, особенно поляковъ, которые всячески безчинствовали и вели себя въ Москвѣ, какъ въ завоеванномъ городѣ, съ полнымъ презрѣніемъ относясь къ ея жителямъ. Особенно усилилось это недовольство москвичей во время празднованія царской свадьбы.

На второй день Пасхи, 24 апрѣля въ Москву пріѣхалъ отецъ царской невѣсты-католички, сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ; спустя пять дней пріѣхала и невѣста. Вмѣстѣ съ Мнишкомъ и его дочерью пріѣхало много вооруженныхъ поляковъ. Народъ сталъ опасаться, какъ бы поляки не сдѣлали надъ нимъ чего-либо худого. Шуйскій, зная о настроеніи на-

рода, созвалъ въ свой домъ своихъ единомышленниковъ—бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ опасности; что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю, но москвичи его не поддержали, и онъ едва не потерялъ головы. Теперь они сами видятъ, что Россія находится въ рукахъ поляковъ. Да и самъ Димитрій—полякъ: его признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь найти въ немъ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ; но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы, пуская въ нихъ еретиковъ, и наконецъ женится на «поганой» полькѣ.

— Если мы,—говорилъ Шуйскій,—заранѣе не примемъ мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдъ. Я же, для спасенія православной вѣры,—снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы помогали мнѣ съ усердіемъ и вѣрностью: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь—самозванецъ и что онъ замышляетъ злое со своими поляками; пусть посовѣтуются съ гражданами московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ поляковъ, да и тѣ разсѣяны по разнымъ частямъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ вмѣстѣ съ самозванцемъ.

Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ своихъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ же извѣстить его, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить православный городъ отъ невѣрныхъ и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату москвичи должны были броситься во дворецъ съ крикомъ: «Поляки губятъ царя!» и, окруживъ государя будто бы для защиты, убить его; потомъ ворваться въ польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ обозначены особыми знаками, и всѣхъ иноземцевъ истребить, не трогая, однако же, нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Какъ было условлено, такъ и поступили. 17-го мая въ 3 часа ночи толпа народа, предводимая Шуйскимъ и его единомышленниками, ворвалась въ Кремль. Большинство поляковъ было перебито. Убитъ былъ и Лжедимитрій, процарствовавшій всего только 11 мѣсяцевъ.

Царь Василій Шуйскій и Тушинскій Воръ.

ГЛАВА I.

Подкрестная запись Василія Шуйскаго. Характеристика Василія Шуйскаго и отношеніе къ нему народа. Превращеніе смуты боярской въ смуту народную. Кн. Шаховской и Болотниковъ. Прокопій Ляпуновъ и Сунбуловъ.

Василій Шуйскій,—повидимому, давно мечтавшій о царскомъ престолѣ, быть можетъ, даже еще при жизни царевича Димитрія,—ловко воспользовался настроеніемъ народа, недовольнаго близостью Лжедимитрія къ «поганымъ латинамъ и лютерамъ» и его пренебреженіемъ къ стариннымъ русскимъ обычаямъ. Въ нашей художественной литературѣ есть одно произведеніе,—замѣчательно удачно отражающее, такъ сказать, общій колоритъ эпохи,—въ которомъ мы находимъ не менѣе удачную передачу настроенія самого Шуйскаго. Въ своемъ монологѣ въ драмѣ Островскаго «Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», онъ говоритъ:

...Чрезъ мѣсяцъ вся Москва—моя.
Безвѣстный царь, бродяга безымянный,
Душой полякъ: какъ дѣвка, малодушенъ;
Какъ малолѣтокъ, падокъ на утѣхи;

Какъ скоморохъ, безъ разума проворенъ;
Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка.
Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ;
Не долго ждать, онъ прыть свою покажетъ,
И скоро людъ московскій, православный
Безчинія такого на престолѣ
Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
Забвенія отеческихъ преданій,
Кощунства иноземцевъ надъ святыней,
На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
Народъ не любитъ. Грозному Ивану
Народъ простилъ распутства, злодѣянья,
Мучительства безропотно стерпѣлъ,—
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видѣть,
Какъ царь ея великій, православный,
На высотѣ своей, недостижимой,
Одной святынѣ молится съ народомъ,
Уставы церкви строгіе блюдетъ,
По праздникамъ духовно веселится,
А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ;
Но скомороха на престолѣ царскомъ
Терпѣть не станетъ!..

Дѣйствительно, въ глазахъ московскаго люда Лжедимитрій рано или поздно долженъ былъ явиться не прирожденнымъ царемъ, а «скоморохомъ», несмотря на всѣ его хорошія качества. Расчетъ Шуйскаго былъ вѣренъ, и потому планъ его осуществился легко. Но кому занять освободившійся престолъ?

Шуйскій прекрасно сознавалъ всѣ преимущества своего положенія: среди московскаго боярства онъ былъ самымъ родовитымъ человѣкомъ; онъ былъ старшимъ изъ уцѣлѣвшихъ представителей рода Рюриковичей. Тому небольшому кружку московской знати, который стремился установить свое господство въ Московскомъ государствѣ, удобнѣе всего было возвести на престолъ именно его, своего главнаго вожака, который въ то же время въ глазахъ народа долженъ былъ явиться законнымъ продолжателемъ прекратившейся со смертью Ѳеодора Іоанновича династіи. Наконецъ, у Шуйскаго была сильная партія среди населенія Москвы, которая должна была оказать ему поддержку противъ единственнаго его соперника кн. Василія Голицына, вмѣстѣ съ нимъ участвовавшаго въ переворотѣ 17-го

мая. Словомъ, Шуйскій былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Москва проведетъ его на престолъ. Иное дѣло—вся Земля. Здѣсь уже возникали сомнѣнія. Въ случаѣ, если бы вопросъ объ избраніи новаго царя пришлось рѣшать, какъ это и полагалось по обычаю, на Земскомъ Соборѣ, шансы Шуйскаго представлялись бы довольно неопредѣленными, и, пожалуй, даже сомнительными, такъ какъ населеніе въ областяхъ было настроено теперь очень враждебно по отношенію вообще ко всему московскому боярству. Въ виду этого Василій Шуйскій и рѣшилъ обойтись безъ Земскаго Собора.

Его избраніе произошло слѣдующимъ образомъ. 19-го мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разносчики и ремесленники толпились на Красной площади. Бояре, придворные сановники и представители высшаго духовенства («освященнаго собора») также вышли на площадь. Они предложили чрезъ думнаго дьяка съ Лобнаго мѣста избрать патріарха, вмѣсто Игнатія, и разослать по областямъ грамоты для созыва Земскаго Собора для избранія царя. Но толпа была уже подготовлена клевретами Шуйскаго и его партіи. На предложеніе бояръ, въ толпѣ раздались крики, что патріархъ не такъ нуженъ, какъ царь, которымъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Бояре не посмѣли противиться, и Шуйскій былъ выбранъ царемъ. Вслѣдъ за этимъ, сторонники Шуйскаго отправились въ Кремль, привели оттуда Шуйскаго, поставили его на Лобное мѣсто, нарекли передъ народомъ царемъ, а оттуда повели его въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ тотчасъ же сталъ «цѣловать крестъ всей Землѣ» на томъ, что не будетъ злоупотреблять порученною ему властью. Послѣ этого, получивъ царскую власть изъ рукъ кружка, считавшаго за собою право распоряжаться,—«по великой своей породѣ»,—царствомъ, Василій Шуйскій разослалъ по городамъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ. Въ этомъ манифестѣ онъ прежде всего подчеркивалъ то обстоятельство, что престолъ онъ получилъ по праву рожденія, а затѣмъ уже говорилъ и о народномъ прошеніи: «за помочію великаго Бога принялъ язъ скифетръ Россійскаго царствія по прародительской нашей царской степени и по моленью всѣхъ людей Московскаго государства».

Цѣловалъ же крестъ новый царь въ Успенскомъ соборѣ по особой, заранѣе составленной его партіей, «записи», которую нѣкоторые историки называютъ ограничительною, но которая въ

сущности вовсе не ограничивала самодержавія Московскаго государя, а лишь обезпечивала на будущее время личную и имущественную безопасность гражданъ отъ царскаго произвола, широко практиковавшагося во времена Іоанна Грознаго и Бориса Годунова. Въ этой записи, между прочимъ, было сказано: «поволилъ есми язъ цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ (т.-е. имущества) у братьи ихъ и у женъ и дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были, да и доводовъ (т.-е. доносовъ) мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, а кто на кого солжетъ, и, сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его».

Въ первое время своего царствованія царь Василій обнаружилъ большую энергію и ловкость. Но несмотря на это, его отношенія къ московскому обществу сложились въ общемъ дурно. А народная масса сразу же отнеслась къ нему недовѣрчиво, какъ къ боярскому ставленнику. И неудивительно. Народъ, принимавшій уже участіе въ Смутѣ, ожидалъ отъ самозванца, какъ воздаяніе за оказанную ему помощь, разныхъ льготъ и облегченій, а вмѣсто этого увидѣлъ водвореніе въ государствѣ боярской власти въ лицѣ Шуйскаго, давшаго боярству какую-то малопонятную для народа запись. При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, Смута въ государствѣ прекратиться не могла; она вступила лишь въ новый и болѣе опасный для государства періодъ: изъ смуты боярской она быстро стала превращаться въ смуту народную.

Народныя волненія начались сразу во многихъ пунктахъ. Но съ наибольшею силой они проявились въ Сѣверской Украйнѣ. Здѣсь во главѣ народнаго движенія сталъ кн. Шаховской, одинъ изъ усерднѣйшихъ сторонниковъ Лжедимитрія, сосланный Шуйскимъ на воеводство въ Путивль. Онъ объявилъ, что царь Димитрій живъ и находится въ безопасномъ мѣстѣ. Вскорѣ въ собравшемся около него войскѣ появился очень энергичный и предпріимчивый человѣкъ, изъ бѣглыхъ служилыхъ холоповъ, Иванъ Болотниковъ, сумѣвшій обѣщаніемъ отъ имени царя Димитрія разныхъ льготъ и вольностей народу привлечь къ Шаховскому множество всякаго сброда: гулящихъ людей, казаковъ, разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. На-

родную массу онъ призывалъ во имя царя Димитрія не только противъ Шуйскаго, но и противъ боярства. Получивъ отъ Шаховского начальство надъ особымъ отрядомъ изъ этого скопища людей, онъ разбилъ московское войско у г. Ельца, послѣ чего всѣ сѣверскіе города поднялись противъ Шуйскаго; къ нимъ присоединились и многіе другіе города въ южной половинѣ государства.

Вмѣстѣ съ простымъ народомъ поднялось противъ Шуйскаго и провинціальное дворянство,—городовые дворяне и дѣти боярскія. Съ особенною силою это движеніе проявилось въ Тулѣ и Рязани. Во главѣ многочисленнаго рязанско-тульскаго дворянскаго ополченія стали Сунбуловъ и братья Ляпуновы, Прокопій и Захаръ. Они соединились со скопищемъ Болотникова и подошли къ Москвѣ.

Но союзъ дворянъ съ Болотниковымъ не могъ быть прочнымъ. Болотниковъ призывалъ въ своихъ подметныхъ грамотахъ московскую чернь къ истребленію и бояръ, и торговыхъ людей, и вообще людей зажиточныхъ, побуждалъ народъ къ грабежамъ, къ отнятію у бояръ вотчинъ и имущества. Сунбуловъ и Ляпуновъ принесли царю повинную и перешли на его сторону. Болотниковъ ушелъ на югъ и засѣлъ въ Тулѣ. Вскорѣ сюда явился со своимъ войскомъ и кн. Шаховской. Къ нимъ присоединился и терскій самозванецъ Лжепетръ, о которомъ мы раньше упоминали. Шуйскій, получившій сильную поддержку отъ присоединившихся къ нему дворянскихъ ополченій, осадилъ Тулу и взялъ ее голодомъ. Болотниковъ и Лжепетръ были казнены, а кн. Шаховской былъ заточенъ въ монастырь. Но торжество Шуйскаго было непродолжительно. Вскорѣ появился второй самозванецъ, выдававшій себя за Лжедимитрія I, и положеніе Шуйскаго становилось день ото дня все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

ГЛАВА II.

Тушинскій Воръ. Покореніе Воромъ сѣверныхъ городовъ и осада Троицкой Лавры. Союзъ Василія Шуйскаго со шведами. Осада поляками Смоленска.

Новый самозванецъ, подобно Лжедимитрію I, былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія. Онъ былъ выставленъ, какъ единственное средство объединенія всѣхъ возставшихъ противъ Шуйскаго и московскаго государственнаго порядка, заправилами котораго сдѣлались знатные бояре-княжата. Народъ впослѣдствіи прозвалъ его Тушинскимъ Воромъ, по имени подмосковнаго села Тушина, гдѣ онъ въ 1608 году устроилъ свою резиденцію. Ему удалось перехватить Марину Мнишекъ съ отцомъ, отпущенныхъ Шуйскимъ въ Польшу, и заставить Марину признать его своимъ мужемъ. Къ нему присоединились всѣ уцѣлѣвшіе изъ шайки Болотникова и изъ войска кн. Шаховского, а также и польскіе искатели приключеній, служившіе Шаховскому: Рожинскій, Сапѣга и Лисовскій—со своими отрядами изъ польско-литовскихъ шляхтичей.

Укрѣпившись въ Тушинѣ, Лжедимитрій II и его сторонники задумали овладѣть сѣверной половиной государства, гдѣ населеніе, сравнительно съ населеніемъ южной половины, было зажиточнѣе и менѣе склонно къ возстанію противъ Москвы. Для этого имъ необходимо было захватить прежде всего главный пунктъ этого края, хорошо укрѣпленный и богатый Троицко-Сергіевскій монастырь. Сапѣга и Лисовскій съ 30-тысячнымъ войскомъ осадили эту обитель, гарнизонъ которой состоялъ всего изъ 1.500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и монаховъ, способныхъ владѣть оружіемъ. Одушевляемые желаніемъ спасти святыни монастыря отъ поруганія поляковъ и вѣрные царской присягѣ, защитники Троицко-Сергіевской Лавры почти $1^1/_2$ года выдерживали осаду, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ.

А въ то время, когда Сапѣга и Лисовскій осаждали Троицко-Сергіевскую Лавру, другіе отряды тушинцевъ наводнили всѣ сѣверныя области. Болѣе 20-ти городовъ принуждены были признать надъ собою власть Вора.

Теперь образовались какъ бы два государства, и село Тушино превратилось въ новую столицу, гдѣ былъ особый царь со своимъ дворомъ, своимъ войскомъ и своимъ управленіемъ.

Среди боярства московскаго образовался полный расколъ. Интересы знатнѣйшихъ, родовитыхъ бояръ были связаны съ интересами Шуйскаго, ихъ ставленника; среднее же боярство, а также дѣти боярскія и дворяне, московскіе и городовые, и всѣ люди выслужившіеся, напримѣръ, приказные и дьяки, враждебно относились и къ Шуйскому и къ знатному боярству и частью группировались около Вора, частью, оставаясь въ Москвѣ, готовились свергнуть Шуйскаго и возвести на престолъ кого-либо изъ своихъ кандидатовъ, надѣясь при новомъ переворотѣ навсегда уничтожить первенствующее значеніе знатнаго боярства и обезпечить за собою вліятельное положеніе въ государствѣ. Такими кандидатами на престолъ въ это время намѣчены были двое: кн. Василій Голицынъ и молодой племянникъ царя Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ московскихъ бояръ, дворянъ и торговыхъ людей, чтобы возвыситься въ чинѣ, получить побольше вотчинъ или двойное жалованье, одновременно служили и царю и самозванцу, перебѣгая изъ Москвы въ Тушино и обратно. Такихъ людей народъ окрестилъ именемъ «перелетовъ».

Положеніе Шуйскаго становилось весьма опаснымъ. Онъ держался на престолѣ исключительно благодаря патріарху Гермогену, преемнику сверженнаго Игнатія, который, видя въ существованіи законнаго царя единственное средство для спасенія Россіи отъ полнаго разложенія, употреблялъ всю силу своего духовнаго авторитета, чтобы помѣшать врагамъ Шуйскаго свергнуть его съ престола, хотя лично ненавидѣлъ Шуйскаго, какъ человѣка крайне неустойчиваго въ нравственномъ отношеніи, суевѣрнаго, хитраго и изолгавшагося.

Населеніе сѣверныхъ городовъ, привыкшее болѣе дорожить государственнымъ порядкомъ, чѣмъ жители городовъ южныхъ, недолго оставалось въ зависимости отъ Тушинскаго Вора. Его неопредѣленныя обѣщанія различныхъ льготъ представляли для этого населенія мало завлекательнаго при постоянныхъ грабежахъ и насиліяхъ, производимыхъ его шайками, — въ которыхъ было много ненавистныхъ народу поляковъ, — и при раздачѣ польскимъ панамъ городовъ въ кормленіе, а земель въ вотчины. Вслѣдствіе этихъ насилій началось вскорѣ народное движеніе на сѣверѣ противъ самозванца. Въ городахъ стали формироваться дружины; эти дружины соединялись подъ начальствомъ царскихъ воеводъ и вы-

борныхъ начальниковъ. Во главѣ городовъ, вступившихъ между собою въ дѣятельныя сношенія, сталъ Нижній-Новгородъ.

Между тѣмъ Шуйскій, потерявшій всякую надежду справиться собственными силами съ Тушинскимъ воромъ, рѣшилъ просить помощи у шведовъ. При посредствѣ своего племянника, Михаила Скопина-Шуйскаго, онъ заключилъ союзный договоръ съ шведскимъ королемъ Карломъ IX на слѣдующихъ условіяхъ: король долженъ былъ прислать на помощь ему 6-тысячное войско, а взамѣнъ этого Шуйскій отказывался отъ всякихъ притязаній на прибалтійскія владѣнія, полученныя Швеціей отъ Ливонскаго ордена при Іоаннѣ Грозномъ, и обязывался имѣть со Швеціей вѣчный союзъ противъ Польши.

Соединившись со шведскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, пришедшимъ подъ начальствомъ Делагарди, даровитый и энергичный Михаилъ Скопинъ двинулся отъ Новгорода къ Москвѣ, очищая сѣверо-западныя области отъ тушинскихъ шаекъ. Подъ Тверью онъ разбилъ значительныя силы Тушинскаго Вора и въ началѣ 1610 года заставилъ Сапѣгу и Лисовскаго снять осаду съ Троицкой Лавры. Въ то же время подвигался къ Москвѣ съ другой стороны, отъ Астрахани, со своимъ войскомъ воевода Шереметевъ, приводя города въ подданство Шуйскому. Шуйскій готовился уже нанести Вору послѣдній ударъ. Но въ это время пришло въ Москву извѣстіе о вторженіи въ русскіе предѣлы польскаго короля.

Польскій король Сигизмундъ III получилъ послѣ смерти своего отца, шведскаго короля Іоанна, и шведскую корону. Но, какъ ревностный католикъ, онъ скоро возбудилъ противъ себя недовольство шведовъ-протестантовъ и принужденъ былъ оставить Швецію, гдѣ королемъ былъ избранъ вмѣсто него его дядя Карлъ IX. Между ними началась вражда, такъ какъ Сигизмундъ не терялъ надежды на возвращеніе шведской короны. Союзъ, заключенный Василіемъ Шуйскимъ съ Швеціей, былъ очень невыгоденъ для Сигизмунда. Чтобы ослабить своего противника и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы осуществить давнишнее стремленіе польскихъ королей присоединить къ своимъ владѣніямъ Смоленскую область, Сигизмундъ III убѣдилъ польскій сеймъ дать ему средства на войну съ союзникомъ Карла IX, Московскимъ царемъ. Сигизмундъ опасался утерять удобный моментъ: Московское государство расшаталось отъ Смуты, и, кромѣ того, въ Москвѣ, какъ было ему извѣстно, образовалась партія, заду-

мавшая свергнуть Василія Шуйскаго съ престола и предложить престолъ сыну Сигизмунда Владиславу. Сеймъ согласился съ его доводами, и въ сентябрѣ 1609 года Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Но Смоленскъ оказался сильною крѣпостью, да и воевода смоленскій, храбрый и распорядительный бояринъ Шеинъ, успѣлъ собрать довольно значительный гарнизонъ и много военныхъ припасовъ. Осада затянулась. Войска у Сигизмунда не хватало, и потому онъ сталъ звать подъ Смоленскъ поляковъ, находившихся въ Тушинѣ. Оставленный поляками, Лжедимитрій II бѣжалъ въ Калугу, а русскіе его приверженцы вступили въ сношенія съ Сигизмундомъ, рѣшивъ признать царемъ его сына Владислава.

ГЛАВА III.

Договоръ 4 февраля 1610 года. Отдѣленіе провинціальнаго дворянства отъ высшаго и средняго боярства. Захаръ Ляпуновъ и сверженіе Василія Шуйскаго.

Здѣсь открывается одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ нашей исторіи, когда среди русскаго общества обнаружилось стремленіе къ нѣкоторому дѣйствительному, политическому ограниченію самодержавной власти Московскаго Государя, посредствомъ не только Боярской Думы, но и Земскаго Собора, какъ законосовѣщательнаго учрежденія, основаннаго на сословномъ представительствѣ. Мы говоримъ о договорѣ съ польскимъ королемъ 4 февраля 1610 года.

Многочисленная теперь партія сторонниковъ королевича Владислава, состоявшая преимущественно изъ представителей средняго московскаго боярства, а также изъ дьяковъ и торговыхъ людей, отправила къ Сигизмунду пословъ, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Михаилъ Салтыковъ, для переговоровъ объ условіяхъ избранія Владислава на царство. Результатомъ этихъ переговоровъ и былъ договоръ 4-го февраля, въ которомъ опредѣлены были права всего русскаго народа и новый порядокъ высшаго управленія.

Сущность этого договора заключалась въ слѣдующемъ.

Прежде всего въ немъ устанавливалась гарантія неприкосновенности православной вѣры, и Владиславъ при вступленіи на

престолъ долженъ былъ принять православіе. Затѣмъ должны были быть обезпечены всѣ личныя и имущественныя права какъ духовенства, такъ и всѣхъ вообще классовъ народа. За преступленія всѣ граждане подвергаются наказаніямъ только по закону и по суду; всѣ возвышаются на службѣ Государю только по заслугамъ, а не по происхожденію; всѣ имѣютъ право свободнаго выѣзда въ иноземныя государства *для полученія образованія;* правительственную власть Государь долженъ раздѣлить съ двумя учрежденіями, Боярской Думой и Земскимъ Соборомъ, состоящими изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій государства; Земскій Соборъ долженъ вмѣстѣ съ Государемъ устанавливать новые законы и измѣнять старые; Боярская Дума вмѣстѣ съ Государемъ должна рѣшать всѣ текущія государственныя дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ она является высшею судебною инстанціей въ государствѣ. Наконецъ, вступая на престолъ, Владиславъ долженъ былъ окончательно запретить переходы крестьянъ и освобожденіе холоповъ.

Таковъ былъ планъ политическаго переустройства Московскаго государства, принадлежавшій московскому среднему боярству. Въ этомъ планѣ служилые люди не забыли самаго существеннаго для нихъ условія: окончательнаго закрѣпощенія крестьянъ. Планъ этотъ раздѣляли теперь и нѣкоторые знатные бояре, изъ страха передъ чернью и Тушинскимъ Воромъ, который могъ снова явиться передъ Москвою.

Но большинство низшаго служилаго класса, дѣти боярскія и городовые дворяне, во главѣ которыхъ стоялъ рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, откололось отъ средняго боярства. Составивъ свой планъ государственнаго переустройства, въ главныхъ пунктахъ, впрочемъ, сходный съ договоромъ 4 февраля, они уполномочили Ляпунова отправить пословъ къ Михаилу Скопину,—стоявшему въ то время недалеко отъ Москвы, въ Александровской слободѣ,—съ жалобами на царя Василія и съ предложеніемъ ему престола. Скопинъ грамоту Ляпунова разорвалъ, но его пословъ отпустилъ въ Рязань и не донесъ о случившемся царю; этимъ воспользовались его враги, и прежде всего его дядя Димитрій Шуйскій, надѣявшійся самъ занять престолъ послѣ бездѣтнаго брата, царя Василія. Ему не трудно было вооружить противъ Скопина и царя Василія.

Съ уходомъ поляковъ и бѣгствомъ самозванца Тушино опустѣло. Путь къ Москвѣ сдѣлался свободнымъ. Михаилъ Ско-

пинъ, вмѣстѣ съ Делагарди, торжественно вступилъ въ Москву и былъ встрѣченъ здѣсь всеобщимъ ликованіемъ. Въ глазахъ народа этотъ энергичный, умный, храбрый и добрый по характеру юноша (ему было только 24 года) являлся спасителемъ государства, и многіе готовы были видѣть въ немъ будущаго законнаго преемника царю Василію. Но при общемъ ликованіи народа началась противъ него и интрига, которую велъ, главнымъ образомъ, бездарный, но честолюбивый Димитрій Шуйскій, тотъ Димитрій, которому Василій Шуйскій въ пьесѣ Островскаго даетъ удачную характеристику:

Тебя послушать,
Такъ добраго не ждать! Ты, Дмитрій, глупъ.

Годъ спустя послѣ прибытія въ Москву Михаилъ Скопинъ внезапно заболѣлъ на пиру у одного боярина и вскорѣ умеръ. Съ его смертью окончательно порвалась всякая связь народа съ царемъ Василіемъ, тѣмъ болѣе, что въ народѣ распространился слухъ, будто Скопинъ-Шуйскій былъ отравленъ по проискамъ Димитрія и съ вѣдома Василія.

Наступила общая растерянность, среди которой снова выступилъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ, вступившій въ переговоры одновременно и съ самозванцемъ въ Калугѣ и съ княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ и открыто призывавшій теперь населеніе Москвы къ низложенію Василія Шуйскаго. Онъ посылаетъ своихъ пословъ возмущать города, вѣрные Шуйскому, и снова подымаетъ возстаніе въ Рязани. Своего племянника Ѳеодора Ляпунова онъ посылаетъ къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, зарайскому воеводѣ, съ приглашеніемъ присоединиться къ Рязани противъ Шуйскаго. Это было въ то время, когда Тушинскій Воръ двинулся изъ Калуги къ Москвѣ, а его передовые отряды осадили Зарайскъ. Пожарскій не принялъ приглашенія, а грамоту Ляпунова отправилъ въ Москву, съ просьбой прислать ему подкрѣпленія. Жители же Зарайска требовали отъ Пожарскаго присяги самозванцу. Пожарскій съ немногими людьми заперся въ Зарайской крѣпости. Наконецъ, ему, съ помощью священника Димитрія, удалось уговориться съ зарайцами. Они постановили: «будетъ на Московскомъ государствѣ по старому царь Василій, то ему и служить, а будетъ кто другой, то тому служить». Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Прокопій Ляпуновъ сталъ дѣйствовать чрезъ

брата Захара, находившагося въ то время въ Москвѣ. Послѣдній, вмѣстѣ съ Сунбуловымъ и другими единомышленниками, явился во дворецъ. Здѣсь произошла такая сцена. Захаръ отъ имени собравшихся сталъ говорить царю Василію:

— Долго ли за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла; ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе. Сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ.

Видя передъ собой простыхъ дворянъ, Василій Шуйскій не растерялся и сталъ кричать на Захара:

— Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ!—И затѣмъ, обратившись къ товарищамъ Захара, сталъ говорить:

— Зачѣмъ вы, клятвопреступники, пришли ко мнѣ съ такимъ шумомъ и наглостью? Если хотите убить меня, я готовъ умереть; если же хотите согнать меня съ престола, то вамъ этого не сдѣлать, пока не соберутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди, и какой вся Земля приговоръ постановитъ, я готовъ поступить по тому приговору.

Захаръ не унимался. Тогда Василій Шуйскій вынулъ ножъ и замахнулся имъ на Захара. Но Захаръ былъ не изъ пугливыхъ. Здоровый и крѣпкій по сложенію, онъ отстранилъ ударъ и крикнулъ на Шуйскаго, тщедушнаго и слабаго старика:

— Не тронь меня! Вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!

Товарищи удержали его и вывели изъ дворца. Затѣмъ всѣ отправились на Красную площадь. Ударили въ набатъ. Народъ сбѣжался. Съ Лобнаго мѣста Захаръ Ляпуновъ сталъ звать собравшихся за Серпуховскія ворота на всенародную сходку. Народъ повалилъ туда. Пріѣхали патріархъ, бояре и много служилыхъ людей. Собравшемуся народу говорили товарищи Захара:

— Вотъ уже четвертый годъ сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ. Неправдою сѣлъ онъ на царство, не по выбору всей Земли, и нѣтъ на немъ благословенія Божія, нѣтъ счастія Землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные люди разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго отставить, а иного царя выбрать всею Землею!

Патріархъ Гермогенъ хотѣлъ было защищать Шуйскаго; но

ему не дали говорить, и онъ уѣхалъ. Въ его отсутствіе на всенародной сходкѣ состоялся приговоръ:

— Бить челомъ Государю царю, Василію Ивановичу, чтобы онъ, Государь, царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, Государь, несчастливъ, и города украинскіе, которые отступили къ Вору, его, Государя, на царство не хотятъ же.

Съ этимъ всенароднымъ приговоромъ нѣсколько бояръ отправились къ царю. Своякъ царя Василія, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, сказалъ ему:

— Вся Земля бьетъ тебѣ челомъ. Оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служить тебѣ не хотятъ.

Царю Василію ничего не оставалось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ. Верховное правленіе на время перешло къ Боярской Думѣ, гдѣ главную роль игралъ бояринъ кн. Мстиславскій.

Спустя два дня Захаръ Ляпуновъ снова собралъ своихъ товарищей, подговоривъ и чудовскихъ іеромонаховъ. Они явились въ домъ къ Василію Шуйскому и объявили ему, что онъ долженъ постричься въ монахи.

— Люди московскіе,—сталъ говорить имъ Шуйскій,—что я вамъ сдѣлалъ? Какую обиду учинилъ? Развѣ вы это мнѣ за то, что я воздалъ месть тѣмъ, которые содѣяли возмущеніе на нашу православную вѣру и тщалися разорить домъ Божій?

Ему повторили, что надобно постричься. Шуйскій наотрѣзъ отказался. Несмотря на это, іеромонахамъ приказано было совершить обрядъ постриженія. Когда начался обрядъ, и Василія Шуйскаго по церковному уставу спросили, желаетъ ли онъ постричься, онъ громко закричалъ:

— Не хочу!

Тогда князь Тюфякинъ, одинъ изъ товарищей Захара, сталъ произносить за него монашескіе обѣты, а Захаръ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобы онъ не отмахивался. Послѣ совершенія обряда Василія Шуйскаго одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь. Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ насильно постригли его жену; братьевъ его взяли подъ стражу. Патріархъ Гермогенъ протестовалъ противъ такого беззаконія; но его никто не слушался.

Такъ сошелъ съ престола послѣдній государь изъ дома Св. Владиміра. Подкинутый, по выраженію проф. Ключевскаго, Землѣ кружкомъ знатныхъ бояръ, онъ являлся царемъ боярскимъ, партійнымъ, вынужденнымъ смотрѣть изъ чужихъ рукъ. Такой царь не отвѣчалъ тому идеалу царя-самодержца, который сложился къ этому времени въ представленіи народа, и потому народъ за него не заступился. Въ народной памяти онъ не оставилъ по себѣ слѣда, а историческая наука въ его кратковременной правительственной дѣятельности не нашла ничего достойнаго вниманія. Проф. Ключевскій, разсматривая его «подкрестную запись» приходитъ только къ тому заключенію, что бояре «начисто ощипали своего стараго пѣтуха». Все его значеніе только въ томъ и заключается, что онъ временно былъ удобенъ высшему московскому боярству. Какъ правительственный классъ, это боярство дѣлило власть съ государями въ продолженіе всего XVI вѣка; но отдѣльныя лица изъ его среды много терпѣли отъ произвола верховной власти при царяхъ Іоаннѣ Грозномъ и Борисѣ. Теперь, пользуясь случаемъ, боярство поспѣшило устранить этотъ произволъ, оградить частныя лица, т.-е. самихъ себя, отъ повторенія испытанныхъ бѣдствій, обязавъ царя призывать къ участію въ политическомъ судѣ Боярскую Думу, въ увѣренности, что правительственная власть и впредь останется въ его рукахъ въ силу обычая *). Но боярство московское еще разъ ошиблось въ своихъ расчетахъ.

ГЛАВА IV.

Кандидатура Владислава и договоръ бояръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Московское посольство подъ Смоленскомъ. Кандидатура Сигизмунда. Смерть Тушинскаго Вора и начало національнаго движенія.

Съ низложеніемъ Василія Шуйскаго начался третій періодъ въ исторіи Смуты, періодъ попытокъ возстановить государственный порядокъ. Этотъ періодъ принято называть «междуцарствіемъ».

Въ это время въ Москвѣ ясно обнаружилось существованіе трехъ партій.

*) *Ключевскій.*—Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 45.

Большая часть духовенства, съ патріархомъ Гермогеномъ во главѣ, а также московскіе тяглые и мелкіе служилые люди, желали избрать на престолъ юнаго сына Филарета, Михаила Романова; другая часть духовенства и средній служилый классъ стояли за князя Василія Голицына, а знатное боярство, опасавшееся, съ одной стороны, новыхъ безпорядковъ при возведеніи на престолъ кого-либо изъ русскихъ бояръ, а съ другой—господства черни, въ случаѣ захвата престола Тушинскимъ Воромъ, были на сторонѣ Владислава, отъ котораго не безъ основанія ожидало для себя различныхъ привилегій. Чернь московская сносилась съ самозванцемъ, обѣщая ему свою поддержку и надѣясь, при его воцареніи, на поживу чрезъ истребленіе бояръ и разграбленіе имущества зажиточныхъ людей. О созваніи Земскаго Собора для избранія царя нельзя было и думать въ то время, когда около Москвы стоялъ самозванецъ, а въ Можайскѣ—польскій гетманъ Жолкѣвскій. При такихъ обстоятельствахъ московскіе бояре, больше всего опасавшіеся черни и Тушинскаго Вора, пользуясь перешедшей въ ихъ руки властью, вызвали въ Москву гетмана Жолкѣвскаго. Послѣдній ловко воспользовался, въ интересахъ Польши, положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ и настроеніемъ московскаго боярства. Давъ обѣщаніе прогнать самозванца, онъ легко добился того, что московскія власти, а за ними и большая часть населенія Москвы, присягнули Владиславу. Предварительно боярами, вмѣстѣ съ Жолкѣвскимъ, были выработаны условія, на которыхъ избирался Владиславъ. Условія эти были въ сущности тѣ же, что и въ договорѣ 4 февраля; только бояре внесли въ него нѣкоторыя измѣненія: они настаивали на томъ, чтобы Владиславъ уничтожилъ тѣ статьи договора, въ которыхъ говорилось о предоставленіи всѣмъ свободы выѣзда для образованія за границу и о повышеніи неродовитыхъ людей за службу, несмотря на ихъ незнатное происхожденіе.

Послѣ заключенія этого договора, Жолкѣвскій прогналъ отъ Москвы Самозванца, который снова засѣлъ въ Калугѣ.

Но договоръ могъ получить силу только послѣ утвержденія его королемъ Сигизмундомъ. Въ виду этого снарядили къ нему многочисленное посольство, во главѣ котораго,—по настоянію Жолкѣвскаго, желавшаго удалить отъ Москвы главныхъ соперниковъ Владислава,—были поставлены митрополитъ Ростовскій Филаретъ и князь Василій Голицынъ. Къ посольству

присоединенъ былъ и келарь Троицко-Сергіевской Лавры, Авраамій Палицынъ, съ которымъ, повидимому, Жолкѣвскій успѣлъ столковаться. Оставивъ въ Москвѣ, по просьбѣ бояръ, для защиты отъ самозванца польскій гарнизонъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, Жолкѣвскій уѣхалъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, захвативъ съ собою Василія Шуйскаго и его брата Димитрія.

Московское посольство, по прибытіи своемъ къ Смоленску, вскорѣ убѣдилось, что дѣло съ воцареніемъ Владислава затягивается на неопредѣленное время. Въ совѣтѣ польскаго короля было рѣшено, что Владиславъ еще молодъ и нуждается въ образованіи; что по своей неопытности онъ не можетъ привести въ порядокъ расшатанное смутой Московское государство; что, наконецъ, онъ рискуетъ быть свергнутымъ съ престола, какъ свергнуты были цари Ѳеодоръ, Димитрій и Василій. Въ виду этого было постановлено объявить московскому посольству, что король пока еще не можетъ отпустить своего 15-тилѣтняго сына въ Москву и желаетъ самъ привести Московское государство въ порядокъ. Филаретъ, по настоянію патріарха Гермогена, требовалъ немедленнаго отправленія Владислава въ Москву. Но Сигизмунду удалось, посредствомъ щедрыхъ подарковъ, найти сторонниковъ своего плана среди членовъ посольства, которыхъ онъ и отпустилъ въ Москву, поручивъ имъ составить въ Москвѣ преданную ему партію. Въ числѣ этихъ людей, какъ мы видѣли, оказался и Авраамій Палицынъ, который впослѣдствіи, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, принужденъ былъ дѣйствовать и противъ Сигизмунда и противъ Владислава.

Среди московскаго боярства дѣйствительно нашлись сторонники Сигизмунда, и первое мѣсто между ними занялъ бояринъ Салтыковъ. Эти люди старались уговорить всѣхъ присягнуть уже не Владиславу, а Сигизмунду. Однако ихъ старанія были безуспѣшны: противъ нихъ возсталъ патріархъ Гермогенъ, единственный изъ московскихъ начальныхъ людей, кого не коснулось растлѣвающее вліяніе Смуты. Заботясь о сохраненіи православія, онъ тѣмъ самымъ являлся и твердымъ охранителемъ національности. Неохотно согласившись на избраніе Владислава, онъ теперь энергично возсталъ противъ избранія Сигизмунда, такъ какъ съ восшествіемъ послѣдняго на московскій престолъ, въ Москвѣ утвердилось бы польское вліяніе.

Въ то же время среди населенія Москвы все болѣе и болѣе разросталось недовольство противъ поляковъ, оставленныхъ Жолкѣвскимъ въ Москвѣ, которые вели себя, какъ завоеватели въ покоренной странѣ. Недовольство противъ поляковъ росло и во всей странѣ, особенно же въ восточной половинѣ государства, гдѣ вслѣдствіе этого городъ за городомъ присягалъ Тушинскому Вору. Но какъ разъ въ это время Лжедимитрій II былъ убитъ въ Калугѣ кѣмъ-то изъ своихъ же приверженцевъ.

Такъ какъ Москва присягнула Владиславу только изъ страха передъ самозванцемъ, то со смертью Тушинскаго Вора многіе изъ жителей Москвы готовы были отказаться отъ этой присяги и выбрать русскаго царя. Во главѣ ихъ сталъ патріархъ Гермогенъ, разсылавшій по областямъ грамоты, въ которыхъ онъ призывалъ народъ къ освобожденію Москвы отъ поляковъ. Грамоты эти усиливали то національное движеніе, которое и безъ нихъ уже начиналось въ областяхъ. Города сами стали пересылаться между собою грамотами. Возстаніе противъ поляковъ поднималось повсюду. Но патріархъ не указалъ вождя этому движенію.

Сама Земля выставила этого вождя въ лицѣ рязанскаго дворянина Прокопія Ляпунова, къ которому теперь шли земскія ополченія со всѣхъ сторонъ государства. Сила національнаго движенія была такъ велика, что захватила и тушинское казачество, которое тоже готовилось двинуться вслѣдъ за Ляпуновымъ къ Москвѣ, подъ предводительствомъ своего атамана Заруцкаго.

Первое народное ополченіе и первое земское правительство.

ГЛАВА I.

Прокопій Ляпуновъ. Грамоты смольнянъ. Усиленіе народнаго движенія. Патріархъ Гермогенъ и бояре-измѣнники. Великая Московская „разруха“.

Личность Прокопія Ляпунова и его кипучая дѣятельность, не лишенная ошибокъ и увлеченій, еще не получила у нашихъ историковъ окончательной и вполнѣ опредѣленной оцѣнки. Но эту оцѣнку далъ ему самъ народъ, въ памяти котораго онъ долгое время жилъ, какъ человѣкъ, спасшій государство отъ гибели и заплатившій за свой подвигъ смертью. Приведемъ здѣсь сложенную въ народѣ про него и про моментъ, къ которому мы подошли, пѣсню:

Какъ было то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, на каменной Москвѣ,
Было время военное, времечко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, погана Польска сторона.
Ужъ одинъ-то бояринъ, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ.
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,

Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,
Роздалъ письма гонцамъ и приказъ имъ приказалъ:
«Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ русскіе концы,
На всѣ русскіе концы, на большіе города!
Вы просите воеводъ итти съ войскомъ сюда,
Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа».
Какъ узналъ-то Жигимонтъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войскомъ сюда,
Разсердился, распалился нечестивый Жигимонтъ;
Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
Того-ли воеводушку Прокофья Ляпунова...
И убили злы измѣнники воеводушку!..
Какъ и двинулись думны воеводы съ большихъ городовъ:
Всѣ большіе города,—Казань, Нижній,—пришли съ войскомъ сюда;
Какъ и начали русаки погану Литву колоть—рубить,
Удушили все нечестивое племя, изъ Москвы повыгнали... *).

Въ этой народной пѣснѣ главнымъ толчкомъ къ движенію «думныхъ воеводъ съ большихъ городовъ» къ Москвѣ выставляется убійство Ляпунова. Какъ увидимъ ниже, фактъ этотъ дѣйствительно сыгралъ въ подготовкѣ движенія свою роль, хотя и не столь значительную, какъ указано въ пѣснѣ. Но обратимся къ дѣятельности Прокопія Ляпунова.

До смерти Тушинскаго Вора Прокопій Ляпуновъ былъ вѣренъ Владиславу; его именемъ онъ отнялъ даже городъ Пронскъ у самозванца. Но затѣмъ Ляпуновъ поднимается противъ поляковъ. Такая перемѣна въ немъ произошла подъ впечатлѣніемъ тѣхъ жестокостей, которыя творили поляки въ Смоленской области послѣ взятія Смоленска и которыя послужили едва ли не самою главною причиной усиленія народнаго движенія противъ поляковъ. Въ Москву, въ Рязань и другіе города приходили грамоты отъ смольнянъ съ жалобами на свою судьбу. Въ этихъ грамотахъ смольняне сообщали, что они покорились полякамъ, чтобы спасти свою жизнь и вѣру, но ихъ надежды не оправдались: поляки обманули ихъ.

— Гдѣ наши головы?—писали они въ одной такой грамотѣ,—гдѣ жены и дѣти, братья и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ Христовымъ

*) *П. П. Романовичъ.*—Русская старина въ родной поэзіи. Новгородъ, 1890 г., стр. 224. Жигимонтомъ народъ звалъ короля Сигизмунда.

именемъ окупъ, и то все разграблено! Если кто изъ васъ хочетъ помереть христіанами, да начнутъ великое дѣло душами своими и головами, чтобы быть всѣмъ христіанамъ въ соединеніи! Неужели вы думаете жить въ мирѣ и въ покоѣ? Мы не противились, животы всѣ свои принесли—и всѣ погибли, въ вѣчную работу латинству пошли. Если не будете теперь въ соединеніи, обще со всею Землею, то горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ латинство, и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертью родъ вашъ христіанской, поработятъ, и осквернятъ, и развезутъ въ полонъ матерей, женъ и дѣтей вашихъ...

Писали также смольняне и о томъ, что нечего надѣяться на воцареніе Владислава, что на сеймѣ въ Варшавѣ рѣшено «вывести лучшихъ людей, опустошить всѣ русскія земли и владѣть всею Землею Московскою».

Москвичи, получивъ эту грамоту, переслали ее и въ другіе города, присоединивъ къ ней и свою увѣщательную грамоту. «Будьте съ нами заодно,—писали они другимъ городамъ, указывая на значеніе Москвы, какъ государственнаго центра,—противъ враговъ вашихъ и нашихъ общихъ; вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться?» Указывали москвичи другимъ городамъ и на общаго вождя, на патріарха Гермогена: «А у насъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ неизмѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдуютъ, только неявственно стоятъ».

Стали пересылаться грамотами между собою и другіе города. Общее негодованіе встрѣчало желаніе самого короля Сигизмунда сѣсть на московскомъ престолѣ. Всѣ теперь приносили клятву дружно защищать Русскую Землю противъ Сигизмунда и поляковъ. «Стоять за православную вѣру,—говорилось въ одной изъ грамотъ,—и за Московское государство; королю польскому креста не цѣловать, не служить ему и не прямить, Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, съ польскими и литовскими людьми, и кто съ ними противъ Московскаго государства станетъ, противъ всѣхъ биться неослабно; съ королемъ, поляками и русскими людьми, которые королю прямятъ,

никакъ не ссылаться, другъ съ другомъ никакого междоусобія не начинать. А если король не дастъ намъ сына своего на Московское государство, а польскихъ и литовскихъ людей изъ Москвы и изъ всѣхъ московскихъ и украинскихъ городовъ не выведетъ, и изъ-подъ Смоленска самъ не отступитъ, и военныхъ людей не отведетъ, то намъ биться до смерти».

Но въ Москвѣ были, какъ мы видѣли, и сторонники Сигизмунда, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Салтыковъ. Салтыкову помогалъ поддерживать кандидатуру на московскій престолъ Сигизмунда среди торговыхъ людей подкупленный Сигизмундомъ купецъ Андроновъ. Этотъ Андроновъ былъ въ числѣ пословъ, отправленныхъ подъ Смоленскъ; оттуда онъ возвратился въ Москву съ порученіемъ короля составить партію для поддержки его кандидатуры и ухитрился попасть въ число членовъ временнаго московскаго правительства. Салтыковъ и Андроновъ, послѣ взятія Смоленска, открыто стали всѣхъ уговаривать присягнуть не только королевичу, но и королю. Смѣло сталъ дѣйствовать въ Москвѣ и начальникъ польскаго гарнизона Гонсѣвскій. По его приказанію, со стѣнъ Бѣлаго города и со стѣнъ Деревяннаго города сняты были пушки и перевезены въ Китай-городъ и въ Кремль. Это было сдѣлано для того, чтобы обезоружить москвичей, которыхъ имѣлось въ виду приводить къ присягѣ Сигизмунду, и лишить ихъ возможности поднять возстаніе. По распоряженію Гонсѣвскаго, русскимъ людямъ запрещено было рано утромъ и по вечерамъ ходить по городу; повсюду на стѣнахъ разставлена была польская стража; по улицамъ днемъ и ночью ѣздили верховые отряды и присматривали за жителями. Русскихъ стрѣльцовъ и ратныхъ людей подъ разными предлогами выслали изъ Москвы въ другіе города. Говорили, что бывали и убійства; на Неглинной нашли 8 убитыхъ стрѣльцовъ, и подозрѣніе падало на поляковъ. Всѣ боялись иноземцевъ. Но никто не рѣшался громко роптать; боялись попасть въ списокъ, въ который Андроновъ записывалъ имена нерасположенныхъ къ Сигизмунду людей.

Слухи о безчинствахъ поляковъ въ Москвѣ дошли и до Рязани, которую незадолго до этого времени Прокопій Ляпуновъ заставилъ присягнуть на вѣрность Владиславу. Эти слухи, вмѣстѣ съ жалобами смольнянъ, возмутили и рязанцевъ и ихъ вождя и побудили ихъ скорѣе двинуться къ Москвѣ. Ляпуновъ понялъ, что со стороны поляковъ все — обманъ;

что эти друзья и благодѣтели готовятъ гибель русскому государству. При такихъ обстоятельствахъ Ляпуновъ обратился къ московскимъ боярамъ, составлявшимъ временное правительство, съ письмомъ, требуя отъ нихъ прямого отвѣта: почему не исполняется договоръ, заключенный съ Жолкѣвскимъ? Будетъ ли, наконецъ, на московскомъ престолѣ королевичъ Владиславъ, которому всѣ присягнули? Его письмо, наполненное укоризнами, бояре отослали Сигизмунду, сообщивъ предварительно его содержаніе Гонсѣвскому. Послѣдній понялъ, что съ такими людьми, какъ Ляпуновъ, шутить нельзя, и поспѣшилъ принять свои мѣры. Узнавъ о томъ, что Ляпуновъ собирается вести рязанскихъ служилыхъ людей къ Москвѣ, онъ сталъ требовать, чтобы патріархъ запретилъ ему это. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ настойчиво указывалъ московскому временному правительству на необходимость отдаться на полную волю польскаго короля. Совѣтовалъ онъ написать и Филарету, чтобы тотъ, съ своей стороны, уговорилъ русскихъ пословъ подчиниться во всемъ королевской волѣ. Гермогенъ не согласился исполнить требованія Гонсѣвскаго и бояръ-измѣнниковъ. Тогда бояре, съ Салтыковымъ и Андроновымъ во главѣ, вторично явились къ нему. Заготовленныя ими и уже подписанныя ими грамоты были предложены на подпись патріарху. Но тотъ отказался ихъ подписать.

— Я,—говорилъ онъ,—буду писать къ городамъ: если королевичъ приметъ греческую вѣру и воцарится надъ нами, я имъ подамъ благословеніе, а если не воцарится, да вѣры единой съ нами не приметъ, и людей королевскихъ не выведетъ изъ Москвы, то я всѣхъ тѣхъ, которые уже крестъ ему цѣловали, благословлю итти на Москву и страдать до смерти.

При этихъ словахъ Салтыковъ вышелъ изъ себя, сталъ бранить патріарха и даже замахнулся на него ножомъ.

— Я не боюсь твоего ножа,—сказалъ ему патріархъ,—я вооружусь противъ твоего ножа силою креста святого; ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!

Вѣсть объ оскорбленіи патріарха дошла до Ляпунова, и онъ прислалъ въ Москву второе письмо. Въ немъ онъ укорялъ бояръ въ томъ, что благодаря ихъ попустительству, поляки притѣсняютъ жителей Москвы, и что они, въ угоду полякамъ, оскорбляютъ патріарха.

— Вы, бояре,—писалъ онъ,—прельстились на славу вѣка сего, отступили отъ Бога и приложились къ жестокосердымъ, обратились на своихъ овецъ. Король ничего не совершилъ по крестному цѣлованію, какъ состоялся договоръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Знайте же, что я сослался и съ калужанами, и съ туляками, и съ сѣверскими, и съ украинскими городами: цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы намъ со всею Землею стоять за Московское государство и биться на смерть съ поляками и литовцами.

Эти угрозы испугали бояръ, и, чтобы не раздражить народа, они уговорили Гонсѣвскаго не держать патріарха подъ стражей и отдать ему часть отнятыхъ у него дворовыхъ людей.

Когда воззванія отъ смольнянъ и отъ москвичей дошли до Рязани, Ляпуновъ приказалъ списать съ нихъ списки, и съ нарочными разослалъ по ближнимъ городамъ, приложивъ къ нимъ воззваніе и отъ себя. Рязанская земля давно уже привыкла повиноваться голосу Прокопія Ляпунова, самаго вліятельнаго изъ своихъ дворянъ. Знали теперь этотъ голосъ и во всей Московской Украйнѣ, и стали собираться на его призывъ.

Сборъ ратной силы Ляпуновъ назначилъ подъ Шацкомъ. Сюда, вмѣстѣ съ отрядами дѣтей боярскихъ, пришли и толпы инородцевъ: мордва, чуваши, черемисы, а также и много крестьянъ. Присталъ къ Ляпунову и атаманъ Заруцкій вмѣстѣ со своими донцами *). Взявъ съ собою Марину Мнишекъ, съ которой послѣ смерти Вора онъ находился въ связи, и ея сына отъ Вора—Ивана, онъ пріѣхалъ въ Рязань и обязался передъ рязанцами служить вмѣстѣ съ ними Русской Землѣ противъ поляковъ. По приказанію Ляпунова, онъ ушелъ затѣмъ въ Тулу и сталъ тамъ собирать ополченіе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ казаками идти къ Москвѣ. Присоединились къ Ляпунову и калужане со своимъ бояриномъ, кн. Дм. Трубецкимъ, бывшимъ раньше на службѣ у Тушинскаго Вора, отъ котораго онъ и получилъ высокій чинъ боярина. Зная, что народное движеніе противъ поляковъ начинается и въ Нижнемъ Новгородѣ, Ляпуновъ и туда отправилъ въ январѣ 1611 года списки съ смоленскихъ и московскихъ грамотъ, а такъ же и собственное посланіе, извѣщая нижегородцевъ, что украинскіе города уже

*) Заруцкій раньше находился со своими казаками въ войскахъ гетмана Жолкѣвскаго.

поднимаются. Онъ приглашалъ и нижегородцевъ идти съ собой къ Москвѣ. Онъ просилъ ихъ, кромѣ того, посылаемыя къ нимъ грамоты отправить въ города понизовые и поморскіе, чтобы вездѣ собирались жители отстаивать Русскую Землю и чтобы отовсюду шли къ Москвѣ. Собственно съ этого момента и начинаетъ усиленно развиваться народное движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ.

Узнавъ о начавшемся въ Рязанской области движеніи, московскіе бояре извѣстили Сигизмунда, что «Ляпуновъ не хочетъ видѣть въ Московскомъ государствѣ успокоенія, не велитъ слушать повеленій королевскихъ, посылаетъ воеводъ и гонцовъ по городамъ, прельщаетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, устраиваетъ простыхъ людей и сбираетъ себѣ денежные и хлѣбные запасы, слѣдуемые въ царскую казну». Указывали бояре королю и на брата Прокопія, Захара,—бывшаго въ то время въ королевскомъ обозѣ подъ Смоленскомъ,—какъ на его тайнаго пособника. Въ то же время московскіе бояре послали черкасовъ (бродячіе днѣпровскіе казаки) воевать Рязанскую землю, послушную Ляпунову, чтобы отвлечь его отъ движенія къ Москвѣ. Черкасы, къ которымъ пристали разные русскіе измѣнники, не замедлили нагрянуть на Рязанскую землю. Ляпуновъ, собравъ дѣтей боярскихъ, пошелъ на нихъ, выгналъ ихъ изъ Рязанской земли, при чемъ ему помогалъ и зарайскій воевода, кн. Пожарскій.

Въ теченіе всего февраля 1611 года къ Ляпунову въ Рязань стягивались отовсюду ополченія украинскихъ городовъ. Войско его быстро увеличивалось. Въ началѣ марта онъ двинулся въ Коломну.

Въ это время въ Москвѣ происходило слѣдующее. Гонсѣвскій,—«правитель столицы и намѣстникъ королевскій»,—снова сталъ требовать отъ патріарха остановить движеніе народнаго ополченія къ Москвѣ. Получивъ отказъ, онъ снова приказалъ взять его подъ стражу. Спустя нѣсколько дней у поляковъ вышло столкновеніе съ жителями Москвы, обратившееся въ рѣзню, въ которой погибло много поляковъ, но было убито и до 7.000 москвичей. Въ самый разгаръ этой рѣзни,—которую лѣтописецъ называетъ «московской разрухой»,—къ полякамъ подоспѣлъ на помощь отрядъ полковника Струся, а къ москвичамъ передовой отрядъ русскаго ополченія, подъ начальствомъ зарайскаго воеводы кн. Пожарскаго.

Вотъ что разсказываетъ въ своихъ запискахъ объ этой «разрухѣ» очевидецъ и ея участникъ полякъ Маскѣвичъ: «Мы были осторожны, вездѣ имѣли лазутчиковъ. Москвитяне, доброжелательные къ намъ, часто совѣтовали не дремать; а лазутчики извѣщали насъ, что съ трехъ сторонъ идутъ къ столицѣ многочисленныя войска. Это было въ великій постъ, въ самую распутицу. Во вторникъ 19 марта (на Страстной недѣлѣ) въ Китай-городѣ наши поссорились съ русскими, и пошла потѣха. Завязалась битва сперва въ Китай-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали торговыхъ людей, потомъ въ Бѣломъ городѣ. Тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями, а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ-за ограды, а они преслѣдуютъ насъ, неся въ рукахъ столы и лавки и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своихъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе—съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ... Жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ, ибо по тѣснотѣ улицъ мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ. Каждому изъ насъ было жарко: мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: огня! огня! жги домы!.. Пожаръ занялся и погналъ русскихъ изъ засадъ. На другой день былъ отданъ приказъ зажечь весь городъ, гдѣ только можно. Пламя охватило домы и, гдѣ только можно, гнало русскихъ. Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день, а горѣвшіе домы имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: огонь охранялъ насъ... Мы дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля всѣ средства укрѣпиться. Итакъ, на третій день мы снова запалили ее, по изреченію Псалмопѣвца: «Градъ Господень измету, да ничто же въ немъ останется...». Смѣло могу сказать, что въ Москвѣ не осталось ни кола ни

двора» *). Жолкѣвскій въ своихъ запискахъ прибавляетъ, что во время общей борьбы «въ чрезвычайной тѣснотѣ людей происходило великое убійство». Плачъ, крикъ женщинъ и дѣтей,—говоритъ онъ,—представляли нѣчто подобное дню Страшнаго Суда; многіе изъ жителей, съ женами и дѣтьми, сами бросались въ огонь, и много было убитыхъ и погорѣвшихъ.

Почти то же разсказываютъ о «московской разрухѣ» и наши лѣтописцы, указывая на боярина Михаила Салтыкова, какъ на главнаго виновника всѣхъ бѣдствій Москвы.

Когда подошелъ къ Москвѣ кн. Пожарскій, начались сраженія въ предмѣстьяхъ и на улицахъ Москвы. Пожарскій былъ раненъ, и отрядъ его принужденъ былъ отступить къ Троицкой Лаврѣ, а Струсь съ Гонсѣвскимъ, тѣснимые другимъ передовымъ отрядомъ Ляпуновскаго ополченія, заперлись въ Кремлѣ.

Бояре и Гонсѣвскій снова принялись за патріарха.

— Если ты не напишешь,—говорили они Гермогену,—Ляпунову и его товарищамъ, чтобы они отошли прочь, то самъ умрешь злою смертью.

Патріархъ отвѣчалъ:

— Вы мнѣ обѣщаете злую смерть, а я надѣюсь получить черезъ нее вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать къ полкамъ, стоящимъ подъ Москвою; объ этомъ я уже говорилъ вамъ, и ничего другого вы отъ меня не услышите!

Тогда его заперли въ подвалѣ Чудова монастыря.

Но въ стычкахъ съ русскими, поляки, которыхъ въ Москвѣ было не болѣе 6.000, сильно ослабѣли. Запертые въ Кремлѣ, они стали подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ. А въ это время народное движеніе, поднявшееся противъ нихъ, росло. Поднялись уже и поволжскіе города, и прежде всего Казань, гдѣ до своего патріаршества былъ митрополитомъ Гермогенъ и куда его грамоты приходили раньше, чѣмъ въ другіе города. Поднимались города и на далекомъ Сѣверѣ. Къ грамотамъ смольнянъ, Гермогена и Ляпунова теперь присоединились и призывныя грамоты игумена Троицкой Лавры Діонисія и келаря Авраамія Палицына. И во главѣ этого движенія стоялъ Прокопій Ляпуновъ.

---

*) *Забѣлинъ.*—„Мининъ и Пожарскій“, стр. 55—56.

ГЛАВА II.

Первое земское правительство подъ Москвою. Приговоръ 30 іюня 1611 года. Разладъ въ ополченіи и его причины. Гибель Прокопія Ляпунова.

Значительную часть ополченія, во главѣ котораго стоялъ Прокопій Ляпуновъ, составляли «тяглые ратники», собранные городами и волостями, съ которыми сносился изъ Рязани Ляпуновъ. Эти ратники являлись къ нему подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ головъ, которые, вмѣстѣ съ другими представителями отъ городовъ, вошли въ составъ особаго «Ратнаго Совѣта всея Земли», образовавшагося при ополченіи. Первенствующую роль въ этомъ Ратномъ Совѣтѣ играли воеводы служилыхъ людей. Когда Ляпуновское ополченіе соединилось подъ Москвою съ казацкими дружинами Заруцкаго и кн. Трубецкого, то къ Ратному Совѣту присоединился и совѣтъ казацкій или Кругъ, а во главѣ образовавшагося такимъ образомъ земскаго правительства, рядомъ съ Ляпуновымъ стали Заруцкій и кн. Трубецкой. Всѣхъ троихъ современные акты называютъ «троеначальниками», выбранными всею Землею, т.-е. собственно всѣмъ собравшимся подъ Москвою народнымъ ополченіемъ, въ которомъ, какъ мы сказали, находились рядомъ съ служилыми людьми и представители различныхъ городовъ и волостей.

Въ этомъ земскомъ правительствѣ всю власть забралъ въ свои руки, какъ настоящій диктаторъ, Ляпуновъ. Онъ всѣмъ распоряжался, хотя грамоты подписывались и двумя другими начальниками ополченія. Какъ представитель служилаго земле-владѣльческаго класса, онъ былъ душою земщины, стремившейся къ возстановленію государственнаго порядка. По характеру своему это былъ человѣкъ крутой, настойчивый, рѣшительный и очень властный. Ко всѣмъ относился онъ одинаково строго и властно, не разбирая лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и небогатыхъ. Многимъ это не нравилось. Иные, обращаясь къ нему за своими дѣлами, принуждены были подолгу дожидаться очереди, стоя у его избы, а онъ занимался другими дѣлами и не выходилъ даже къ самому родовитому боярину, пока не оканчивалъ этихъ дѣлъ. За всякое неповиновеніе и своевольство онъ строго взыскивалъ, не разбирая ни чина ни званія. Многіе родовитые люди терпѣли отъ него нерѣдко брань и укоры, при чемъ онъ совсѣмъ не

считался съ ихъ самолюбіемъ и нѣкоторыхъ,—какъ, напримѣръ, своего товарища по правительству, кн. Трубецкого,—открыто попрекалъ, что они свое боярство выслужили у Тушинскаго Вора. Его возвышеніе во многихъ боярахъ, находившихся въ ополченіи, возбуждало чувство зависти, а грубое и рѣзкое обращеніе—чувство злобы. «Не въ мѣру Ляпуновъ поднялся и загордился!» говорили про него.

Но эти бояре были Ляпунову все же свои люди, люди одного съ нимъ служилаго класса, какъ и онъ самъ, представители земщины. Рано или поздно, такъ или иначе Ляпуновъ съ ними могъ бы поладить. Иное дѣло—казацкіе начальники, стремившіеся не къ возстановленію нарушеннаго государственнаго порядка, а прежде всего къ наживѣ. Изъ нихъ кн. Трубецкой игралъ пассивную роль, стоялъ въ сторонѣ. Главнымъ же представителемъ ихъ интересовъ былъ Заруцкій, имѣвшій тайную мысль посадить на престолъ сына Марины, малолѣтняго Ивана. Какъ Ляпуновъ былъ душой земщины, такъ Заруцкій былъ душою казачества, недовольнаго Ляпуновымъ за его строгое отношеніе къ ихъ грабительскимъ выступленіямъ. Поладить они не могли, и между ними образовался съ самаго же начала полный разладъ. Заруцкій съ казаками, а Ляпуновъ съ земцами, одинъ противъ другого, наперекоръ другъ другу, давали свои распоряженія. Земцы приходили просить помѣстій къ Ляпунову, казаки—къ Заруцкому. Заруцкій раздавалъ помѣстья казакамъ и людямъ своей партіи, самовольно принималъ деньги, присылаемыя съ разныхъ концовъ русской земли, и надѣлялъ ими однихъ казаковъ, а Ляпуновъ ласкалъ и жаловалъ однихъ земскихъ ратныхъ людей. Случалось, одни и тѣ же помѣстья и вотчины Ляпуновъ давалъ своимъ, а Заруцкій своимъ. Ляпуновъ отнималъ у тѣхъ, которымъ давалъ Заруцкій, и отдавалъ тѣмъ, которые не были раньше въ станѣ Вора и оставались вѣрны царю Василію Шуйскому. Раздоръ, естественно, распространился и между подчиненными въ лагерѣ: получавшіе помѣстья отъ Ляпунова были врагами получавшихъ отъ Заруцкаго, и наоборотъ; вслѣдствіе этого происходили постоянно споры, драки, убійства и буйства всякаго рода. А въ то время, когда искатели помѣстій и вотчинъ вырывали ихъ такимъ образомъ другъ у друга, бѣдняки чуть не умирали съ голоду, потому что, отъ нестроенія и общей неурядицы жа-

лованье распредѣлялось въ ополченіи самымъ несправедливымъ образомъ: одни получали все, другіе ничего. Разсказывая о дѣлахъ подмосквной рати, современники указываютъ на два «нестроенія», которыя всего пуще раздражали и угнетали какъ земскихъ, такъ и ратныхъ людей. Первое нестроеніе заключалось въ самоуправствѣ воеводъ, которые расхищали сами и другимъ давали расхищать государственныя земельныя имущества, помѣстныя и дворцовыя земли. Самоуправцы богатѣли, «ратные же люди подъ Москвою помираху съ голоду». Второе нестроеніе заключалось въ томъ, что «казакамъ даша волю велію, и быша по дорогамъ и по волостямъ грабежи великіе».

Недовольные всѣми этими безпорядками, дворяне и дѣти боярскія, пришедшіе съ ополченіемъ, собрались на совѣтъ и написали челобитную къ тремъ предводителямъ, требуя отъ нихъ, чтобы они собрали Думу и установили бы жить между собою въ любви и совѣтѣ, дѣло всякое дѣлали бы сообща; тѣ, которые не служили въ Тушинѣ, не попрекали бы служившихъ тамъ; жаловали бы ратныхъ людей по чину и по достоинству. Въ этой челобитной ея составители, между прочимъ, предлагали отобрать имѣнія у сидѣвшихъ въ Москвѣ съ поляками бояръ; часть этихъ имѣній предводители должны были бы распредѣлить между собою, а другую—передать въ казну. Челобитчики, кромѣ того, требовали устроить управленіе надъ дворцовыми и черными (т.-е. государственными) волостями, и изъ ихъ доходовъ содержать ратныхъ людей.

Заруцкому такая челобитная, разумѣется, не могла понравиться; но онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, согласиться на созваніе Думы. Казаки надѣялись, что ихъ голосъ на Думѣ можетъ повернуть дѣло въ ихъ пользу, а потому вмѣстѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими подписали челобитную и казацкіе старшины.

Дума собралась 30 іюня 1611 года, и послѣ многихъ споровъ постановила правила для возстановленія порядка. Совокупность этихъ правилъ и составила знаменитый «Приговоръ 30 іюня», представляющій для историка цѣнный матеріалъ для характеристики земскихъ людей той эпохи, такъ какъ приговоръ этотъ былъ, главнымъ образомъ, дѣломъ ихъ рукъ. Приговоръ сталъ сейчасъ же приводиться въ исполненіе, при очень дѣятельномъ участіи Ляпунова, который, вѣроятно, и подалъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ мысль о подачѣ челобитной.

Согласно этому приговору, установленъ былъ слѣдующій порядокъ.

Прежде всего, возстановлены были главнѣйшія изъ тогдашнихъ высшихъ центральныхъ учрежденій—Приказы Разрядный, Помѣстный, Разбойный и Земскій. Въ первомъ изъ нихъ сосредоточены были ратныя дѣла; второй долженъ былъ возстановить порядокъ въ запутанномъ дѣлѣ раздачи помѣстій и вотчинъ по правиламъ, для этого составленнымъ. Постановлено было не отбирать имѣній у тѣхъ бояръ, которые сидѣли въ Москвѣ съ поляками или ранѣе служили Тушинскому Вору, но зато отобрать у нихъ захваченныя ими въ послѣднее время всѣ дворцовыя и черныя волости и оставить за ними только то, что прежде они получили законнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, Земскій Приговоръ 30 іюня уничтожилъ дѣйствительность грамотъ короля Сигизмунда, который раздавалъ множество помѣстій и вотчинъ безъ всякаго порядка, по челобитьямъ, лишь бы увеличить запасъ своихъ приверженцевъ. Уничтожались также всякія присвоенія помѣстій, учиненныя какимъ бы то ни было образомъ, если это было безъ земскаго приговора. Но тѣ, у кого больше не было помѣстій, кромѣ данныхъ королемъ, удерживали ихъ за собою. Такъ же точно рѣшено было оставить всѣ полученныя какимъ бы то ни было способомъ земли за тѣми, кто участвовалъ въ посольствѣ къ Сигизмунду, за тѣми, кто сидѣлъ въ Смоленскѣ, а также за дѣтьми и женами убитыхъ въ Смоленскѣ, и, наконецъ, за всѣми сподвижниками Михаила Скопина-Шуйскаго. Эти имѣнія были признаны неприкосновенными за явныя заслуги ихъ владѣльцевъ предъ отечествомъ.

Новый Помѣстный Приказъ долженъ былъ «испомѣстить» всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, разоренныхъ и обѣднѣвшихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые владѣли помѣстьями въ порубежныхъ мѣстахъ и пострадали отъ Литвы и Крымскихъ татаръ; имъ рѣшено было давать помѣстья во внутреннихъ замосковныхъ краяхъ.

Всѣхъ молодыхъ и здоровыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые находились въ городахъ и воеводствахъ или отправлены были на посылки, постановлено было возвратить къ военной службѣ, а на ихъ мѣсто отправить старыхъ, или нездоровыхъ, негодныхъ къ службѣ. Тѣмъ изъ ратныхъ людей, которые остались въ Москвѣ поневолѣ, рѣшено было возвратить помѣстья и вотчины, если они были у нихъ до 30-го іюня кѣмъ-либо отобраны.

Послѣднее постановленіе подрывало произвольную раздачу земель, сдѣланную Заруцкимъ въ пользу своихъ приверженцевъ, которымъ онъ раздавалъ эти земли, отнимая ихъ у другихъ, безъ всякаго «обыска» (т.-е. разслѣдованія), по одному ихъ челобитью.

Приговоромъ 30-го іюня опредѣлено было и положеніе казачества въ земскомъ ополченіи. Прежде всего, изъ всей казачьей массы выдѣлены были атаманы и казаки, которые «служили старо», т.-е. тѣ, которые давно и офиціально были признаваемы въ этомъ званіи и служили государству сотнями съ городовъ или станицами съ Поля. Этимъ старымъ казакамъ предоставлено было на выборъ: или получать помѣстья и денежное жалованіе и служить съ городовъ, или же получать только хлѣбный кормъ и денежное жалованье. Въ первомъ случаѣ казаки стали бы «помѣстными» и вошли бы въ составъ помѣстнаго служилаго класса, слившись съ городовыми дворянами и дѣтьми боярскими, какъ по формѣ земельнаго владѣнія, такъ и по роду службы. Во второмъ случаѣ они остались бы вольными казаками на казенномъ жалованьѣ. И то и другое поставило бы ихъ въ зависимость отъ государства и превратило бы ихъ, какъ говоритъ проф. Платоновъ, «изъ оппозиціоннаго строя въ опору стараго политическаго и общественнаго порядка». Словомъ,—говоритъ проф. Платоновъ,—предположенная относительно старыхъ казаковъ мѣра имѣла цѣлью примирить ихъ съ существовавшимъ строемъ отношеній, принявъ на иждивеніе государства. Прочіе элементы казачества даже не называются въ приговорѣ казаками: они разумѣются подъ общимъ выраженіемъ: «холопи боярскіе или какіе люди ни буди». Какъ они, такъ и старые казаки, подъ однимъ наименованіемъ «атамановъ и казаковъ», лишены были права назначенія на должности въ областной администраціи *).

Приведенныя постановленія, касавшіяся казачества, конечно, должны были еще болѣе возбудить и Заруцкаго и всѣхъ казаковъ и противъ всѣхъ служилыхъ и земскихъ людей и особенно противъ ихъ вождя Прокопія Ляпунова, отстаивавшаго, между прочимъ, не только интересы русской земли, но и интересы своего класса.

Кстати сказать, послѣднее обстоятельство, т.-е. проявленіе

*) *Проф. Платоновъ.*—Очерки Смуты, стр. 483.

классового интереса служилыхъ людей при выработкѣ приговора, ярко сказалось въ его постановленіяхъ относительно крестьянъ. Крѣпостное право этимъ приговоромъ подтверждалось: крестьянъ и людей бѣглыхъ и выведенныхъ насильно помѣщиками и вотчинниками въ Смутное время постановлено было возвращать прежнимъ владѣльцамъ. Это тоже не могло понравиться казачеству, объявлявшему всѣмъ полную свободу.

Мы говорили о двухъ возстановленныхъ приговоромъ 30-го іюня Приказахъ, Помѣстномъ и Разрядномъ. Что касается Приказовъ Разбойнаго и Земскаго, то они должны были ловить и судить разбойниковъ и своевольниковъ. А чтобы на будущее время предотвратить разбои, грабежи и своевольства, рѣшено было: не посылать казацкихъ атамановъ однихъ съ казаками по волостямъ и по городамъ за кормами, а посылать дворянъ и дѣтей боярскихъ со стрѣльцами и съ казаками. Это послѣднее постановленіе уже было явно направлено противъ Заруцкаго. Наконецъ, было постановлено, что никто не имѣетъ права никого казнить смертью безъ земскаго приговора, и всякое буйство должно было, послѣ разслѣдованія, строго наказываться.

Главными правителями попрежнему оставлены были въ ополченіи Ляпуновъ, Заруцкій и Трубецкой. Но они должны были отнынѣ править совмѣстно съ Земскою Думой и, не поговоря съ нею, не имѣли права никого ни казнить ни ссылать. Если о нихъ о всѣхъ или о комъ-либо изъ нихъ оказалось бы, что они не радѣютъ о земскихъ дѣлахъ и не чинятъ правды, и черезъ нихъ земскія дѣла пріостановятся, то ихъ можно было всею Землею «сложить», а на ихъ мѣсто выбрать другихъ, болѣе годныхъ и способныхъ.

Приговоръ былъ подписанъ дворянами и дѣтьми боярскими отъ 25 городовъ, отъ которыхъ они являлись какъ бы представителями въ походной Земской Думѣ *).

Какъ мы видѣли, въ приговорѣ 30-го іюня особенное вниманіе обращено было на упорядоченіе служилаго землевладѣнія. Это и понятно: служилый классъ игралъ въ ополченіи въ это время главную роль. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что при рѣшеніи вопроса объ упорядоченіи дворянскаго землевладѣнія былъ выставленъ дворянами, подъ руководствомъ Ляпунова, слѣдующій принципъ: право на землю опредѣлялось

*) Подробный указатель этихъ городовъ, какъ и самый приговоръ, см. въ III т. соч. *Костомарова*, стр. 158—161.

участіемъ въ дѣлѣ защиты отечества, въ дѣлѣ народнаго освобожденія. Но, стараясь возстановить и обезпечить на будущее время свои чисто классовые интересы, служилые люди, вмѣстѣ съ своимъ главнымъ вождемъ и руководителемъ, старались возстановить государственный порядокъ, примирить съ нимъ навсегда казачество, упорядочить въ Россіи и судъ, и администрацію, и финансовое хозяйство. Такимъ образомъ, служилые люди того времени, и прежде всего Прокопій Ляпуновъ, по выраженію проф. Платонова, при составленіи своего приговора «проявили зрѣлую и точную политическую мысль».

Приговоръ походной Думы постановилъ, чтобы полководцы прекратили свои ссоры. Но эта цѣль не была достигнута: послѣ 30-го іюня ихъ взаимная ненависть еще болѣе усилилась, и нуженъ былъ только поводъ для полнаго разрыва.

Такой поводъ вскорѣ представился. Однажды у Николы на Угрѣшѣ воевода Плещеевъ поймалъ 28 казаковъ, занимавшихся грабежомъ. Не долго думая, онъ всѣхъ ихъ утопилъ въ Москвѣ-рѣкѣ. Товарищи ихъ, выловили ихъ трупы и привезли въ лагерь. Собрался казачій Кругъ, и поднялось общее негодованіе и противъ Плещеева и противъ Ляпунова. Прокопій принужденъ былъ даже бѣжать въ Рязань. Казаки, подстрекаемые Заруцкимъ, бросились за нимъ въ погоню. Его догнали подъ Симоновымъ монастыремъ. На этотъ разъ дѣло кончилось благополучно. Кое-какъ служилымъ людямъ, бывшимъ при Ляпуновѣ, удалось примирить его съ казаками, и онъ вернулся въ лагерь. Но гибель его была неизбѣжна. Тѣмъ болѣе, что смутой, происходившей въ русскомъ лагерѣ, постарался воспользоваться Гонсѣвскій, вошедшій, повидимому, въ сношенія съ Заруцкимъ, чтобы погубить общаго для нихъ и одинаково опаснаго врага и разстроить ополченіе служилыхъ людей. Способъ для этого изобрѣтенъ былъ очень простой: составлена была подложная грамота отъ имени Ляпунова, въ которой говорилось, что казаки—враги и разорители Московскаго государства, что ихъ слѣдуетъ истребить. «Когда, Богъ дастъ, Московское государство успокоится, тогда мы этотъ народъ истребимъ окончательно»,—сказано было въ этой грамотѣ, подъ которой стояла подложная подпись Ляпунова. Грамота эта была вручена, по приказанію Гонсѣвскаго, одному плѣнному казаку, который долженъ былъ передать ее своему товарищу, явившемуся въ Москву хлопотать передъ поляками о его выкупѣ.

— Вотъ, братъ, видишь, какую гибель готовитъ намъ Ляпуновъ,—сказалъ казакъ, передавая грамоту товарищу,—вотъ его письмо, которое перехватила Литва; такія письма онъ разсылаетъ по разнымъ городамъ!

— Ну, теперь мы его убьемъ, — сказалъ тотъ, прочитавъ грамоту.

Исидоръ,—такъ звали казака, ходившаго въ Москву,—принесъ подложное письмо въ Кругъ. Послѣ случая потопленія казаковъ Плещеевымъ, это письмо уже не могло возбуждать у казаковъ никакихъ сомнѣній относительно Ляпунова, тѣмъ болѣе, что подъ письмомъ стояла и его подпись.

Казаки, собравшіеся на сходку (Кругъ), потребовали Ляпунова къ отвѣту.

— Не пойду,—сказалъ Прокопій посланнымъ,—пускай присылаютъ разрядныхъ людей!

Къ нему въ другой разъ послали. Онъ опять не пошелъ. Въ третій разъ пришли за нимъ уже люди болѣе степенные, «разрядные».

Они говорили:

— Мы соблюдемъ тебя; не будетъ тебѣ никакого зла.

Ляпуновъ пришелъ въ Кругъ.

— Ты писалъ?—спросили его казаки, показывая ему подложное письмо.

— Нѣтъ, не я,—отвѣчалъ Ляпуновъ,—рука похожа на мою; но это враги сдѣлали; я не писывалъ.

Казаки, и безъ того разъяренные на него, бросились на него съ саблями.

Тогда одинъ изъ служилыхъ людей, Иванъ Ржевскій, бывшій ранѣе врагомъ Ляпунова, попробовалъ заступиться за него:

— Прокопій не виноватъ!—закричалъ онъ.

Казаки зарубили и Ляпунова и Ржевскаго.

Въ эти минуты ни Заруцкаго ни Трубецкого въ Кругу не было *).

---

*) *Костомаровъ*, т. III, стр. 162—163. Этотъ разсказъ о гибели Ляпунова написанъ Костомаровымъ по польскимъ источникамъ и по русской лѣтописи.

ГЛАВА III.

Впечатлѣніе въ народѣ отъ гибели Ляпунова. Новая грамота Гермогена. Отзывы историковъ о Прокопіи Ляпуновѣ.

Смерть Ляпунова произвела потрясающее впечатлѣніе на всю рать служилыхъ людей. Большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ поспѣшило разойтись по домамъ, оставшись безъ вождя и опасаясь насилій отъ казаковъ. Какъ потомъ насильствовали казаки надъ оставшимся еще подъ Москвою служилыми людьми, лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее.

Вскорѣ принесенъ былъ подъ Москву изъ Казани образъ Богородицы, списокъ съ чудотворной иконы. Всѣ ратные люди вышли встрѣчать святыню пѣшими, а Заруцкій съ казаками выѣхалъ на коняхъ непочтительно, невѣжливо. При этомъ казаки проявили великое самовластіе: всѣхъ служилыхъ людей позорили, лаяли, поносили, а многихъ и били; ратные люди въ великомъ страхѣ думали, что ихъ всѣхъ побьютъ, какъ Ляпунова. Затѣмъ, во время отбоя отъ поляковъ Дѣвичьяго монастыря, на битвахъ многіе «честные люди», стольники и дворяне, искали сами себѣ смерти отъ казачьяго насилія, безчестія и позора. Особенное гоненіе и утѣсненіе было отъ понизовыхъ казаковъ, отъ волжской вольницы, въ которой было много боярскихъ холоповъ. Они продолжали мстить боярству помѣщичьи обиды и наказывали его за начатую имъ же Смуту.

Служилые люди почти всѣ разошлись по домамъ. Осталась подъ Москвою рать Тушина и Калуги, рать Тушинскаго Вора, подъ начальствомъ Заруцкаго и Трубецкого. Заруцкій сдѣлался теперь полнымъ властелиномъ, такъ какъ Трубецкой игралъ при немъ ничтожную роль.

Понятно, что эта рать приносила Москвѣ весьма двусмысленную помощь. Она и не устояла противъ польскаго гетмана Сапѣги, который успѣлъ спокойно доставить запасы осажденнымъ въ Москвѣ полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выбилъ ее изъ стѣнъ Бѣлаго города. Потомъ эта рать отбила отъ Москвы войско польскаго гетмана Ходкѣвича, но, вѣроятно, потому, что онъ прямо набросился на казацкіе таборы, и казакамъ нужно было за себя постоять. Но послѣ этого дорога полякамъ въ Кремль и изъ Кремля была не совсѣмъ закрыта, и особенной тѣсноты имъ не было.

Такъ вели себя тушинскіе воеводы потому, что имъ нужно было главнымъ образомъ только стоять у Москвы, какъ они стояли еще въ Тушинѣ, ибо это «стоять» значило пользоваться кормленіемъ и доходами съ городовъ, дворцовыхъ богатыхъ селъ, съ вотчинъ и волостей, раздавать вотчины своимъ доброхотамъ и совѣтникамъ, первенствовать и владычествовать надъ землею.

Вотъ почему они хотѣли сначала присягнуть калужскому воренку, сыну Тушинскаго Вора и Марины, а потомъ присягнули новому самозванцу, явившемуся въ Псковѣ, но ими же, вѣроятно, и поставленному. Съ такими царями можно было очень долго «стоять», домогаясь будто бы очистить Москву отъ поляковъ *).

Вѣсть о гибели Прокопія Ляпунова распространилась по городамъ одновременно съ грамотой патріарха Гермогена. Въ августѣ мѣсяцѣ 1611 года, когда послѣ смерти Ляпунова въ казацкихъ таборахъ утвердилась мысль объ избраніи на престолъ «воренка, Маринкина Сына», Гермогенъ торопливо и въ душевномъ волненіи отправилъ въ свой любезный Нижній-Новгородъ грамоту съ твердымъ наказомъ скорѣе писать въ Казань къ митрополиту, чтобы тотъ писалъ въ полки (подъ Москву) къ боярамъ и казацкому войску «учительную грамоту», «чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и атаманьѣ говорили, чтобы отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажать».

«И на Вологду ко властямъ пишите,—уговаривалъ нижегородцевъ Гермогенъ,—и къ Рязанскому владыкѣ пишите, да и во всѣ городы пишите, чтобы отовсюду писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ сынъ на царство ненадобенъ: проклятъ онъ отъ Св. Собора и отъ насъ».

Казанцы, узнавъ о гибели Ляпунова, поспѣшили отправить грамоту въ Пермь, съ увѣдомленіемъ, что въ Москвѣ Прокопія, «промышленника и поборателя по Христовой вѣрѣ», казаки убили, и что Казань сослалась уже съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми поволжскими городами, чтобы «быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, за государство стоять, новыхъ начальствъ въ города не пускать, казаковъ въ города не пускать;

*) *Забѣлинъ.*—Мининъ и Пожарскій, стр. 64—65.

если же станутъ они выбирать государя, не сослався со всею Землею, того государя не принимать».

Такимъ образомъ, Прокопій Ляпуновъ своею мученическою смертью усилилъ народное движеніе и противъ поляковъ и противъ казаковъ, и нижегородское ополченіе, окончательно спасшее государство отъ гибели, было подготовлено, главнымъ образомъ, именно гибелью этого великаго патріота. И неудивительно, что въ благодарной памяти народа его образъ, какъ это видно изъ приведенной нами народной пѣсни, затмилъ образъ вождя нижегородскаго ополченія, кн. Дм. Мих. Пожарскаго. Пожарскій, одинъ изъ сотрудниковъ Прокопія Ляпунова, дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной для него послѣднимъ.

Выше мы сказали, что въ оцѣнкѣ личности и дѣятельности Прокопія Ляпунова среди нашихъ историковъ замѣчается нѣкоторое разногласіе. Познакомимъ читателя съ отзывами о немъ нашихъ историковъ и потомъ постараемся придти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію.

Описывая возникновеніе рязанскаго ополченія, главнымъ организаторомъ котораго былъ Ляпуновъ, Соловьевъ говоритъ: «Предпріятіе не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ, и, во-первыхъ, потому, что въ челѣ предпріятія становился Ляпуновъ, человѣкъ страстный, не могшій довольно освободиться отъ самого себя, принести свои личныя отношенія и стремленія въ жертву общему дѣлу. Будучи, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкомъ худороднымъ, выдвинутый бурями случайнаго времени изъ толпы, стремясь страстно къ первенству, Ляпуновъ ненавидѣлъ людей, которые загораживали ему дорогу, которые опирались на старину, хотѣли удержать свое прежнее значеніе. Въ то время, когда города призывали другъ друга къ возстанію на враговъ вѣры, одинъ Ляпуновъ не удержался и сдѣлалъ въ своей грамотѣ выходку противъ бояръ. И послѣ, ставши главнымъ вождемъ ополченія, онъ не только не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки людямъ родовитымъ и сановнымъ, но находилъ особенное удовольствіе унижать ихъ, величаясь передъ ними своимъ новымъ положеніемъ, и тѣмъ самымъ возбуждалъ негодованіе, вражду, смуту. Другою, еще болѣе важною причиною неуспѣха было то, что Ляпуновъ, вообще неразборчивый въ средствахъ, и теперь, при возстаніи Земли для очищенія государства, для установленія наряда, подалъ руку врагамъ всякаго наряда, казакамъ, и даже готовъ былъ принять услуги

Сапѣги, осаждавшаго Лавру, съ которымъ вступилъ въ сношенія» *).

Нѣсколько снисходительнѣе относится къ Ляпунову ученикъ Соловьева, покойный профессоръ Ключевскій. «Истымъ представителемъ удалого полустепного дворянства,—говоритъ онъ,—былъ Прокопій Ляпуновъ, городовой рязанскій дворянинъ (потомокъ старинныхъ рязанскихъ бояръ), человѣкъ рѣшительный, заносчивый, порывистый; онъ раньше другихъ чуялъ, какъ поворачиваетъ вѣтеръ; но его рука хваталась за дѣло прежде, чѣмъ успѣвала подумать о томъ голова». Считая политическія стремленія провинціальнаго дворянства, во главѣ котораго стоялъ Ляпуновъ, недостаточно ясными, Ключевскій не упрекаетъ Ляпунова,—какъ Соловьевъ,—въ преслѣдованіи личныхъ интересовъ, а видитъ въ немъ человѣка, стремившагося, главнымъ образомъ, къ огражденію интересовъ низшихъ служилыхъ людей, возставшихъ противъ московской знати и объявившихъ себя представителями всей Земли, всего народа. «Ополченіе,—говоритъ проф. Ключевскій,—два слишкомъ мѣсяца простояло подъ Москвой, еще ничего важнаго не сдѣлало для ея выручки, а уже выступило всевластнымъ распорядителемъ Земли» **).

Болѣе опредѣленный и, на нашъ взглядъ, болѣе справедливый отзывъ о Ляпуновѣ мы находимъ у Костомарова. «Ляпуновъ,—говоритъ Костомаровъ,—считался у дворянъ и дѣтей боярскихъ заправщикомъ. Онъ всѣмъ распоряжался: первый въ битвѣ, первый въ совѣтѣ. Во всей Русской Землѣ его знали за перваго человѣка. Это былъ человѣкъ земскаго начала; дума у него была—выгнать иноземцевъ, прекратить на Руси своевольство, выбрать царя всею Землею и возстановить прежній порядокъ въ потрясенномъ Московскомъ государствѣ. Нравомъ онъ былъ очень крутъ и настойчивъ; его не останавливала боязнь оскорбить чужое самолюбіе; онъ не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и небогатыхъ; со всѣми хотѣлъ обращаться властно и рѣшительно. Это стало многимъ не по нраву» ***).

По отзыву Забѣлина, у Ляпунова былъ вполнѣ опредѣленный планъ дѣйствій: отстать отъ Тушинскаго Вора, и въ то

*) *Соловьевъ.*—Исторія Россіи, кн. II, стр. 973—974.

**) *Ключевскій.*—Курсъ русской исторіи. Ч. III, стр. 55—56.

***) *Костомаровъ.*—Смутное время Моск. государства. Т. III, стр. 156 etc.

же время ссадить съ престола и Василія Шуйскаго, боярскаго царя, а на его мѣсто избрать другого. Приговоръ 30-го іюня, съ большими подробностями распространявшійся, главнымъ образомъ, о распредѣленіи помѣстій и вотчинъ, составленъ былъ, вопреки товарищамъ-воеводамъ, по приказанію Ляпунова. Нельзя сказать, чтобы ополченіе Ляпунова, какъ утверждаетъ проф. Ключевскій, ничего важнаго для выручки Москвы не сдѣлало. «Съ поляками,—говоритъ Забѣлинъ,—оно билось крѣпко и храбро почти каждый день. Три дня дрались съ Сапѣгой и заставили его отойти отъ Москвы; очистили отъ враговъ весь Бѣлый городъ и подѣлали въ немъ много укрѣпленій. Все это строилось радѣніемъ Ляпунова» *).

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе проф. Платонова, автора новѣйшаго капитальнаго изслѣдованія о Смутѣ. Подробно разсмотрѣвъ приговоръ 30 іюня, Платоновъ приходитъ къ заключенію, что «въ опредѣленіи состава земскаго правительства и взаимнаго отношенія его органовъ сказалась зрѣлая и точная политическая мысль». Онъ полагаетъ, что починъ и руководство въ совѣтѣ 30-го іюня, проявлявшемъ эту точную и зрѣлую политическую мысль, лѣтописецъ вполнѣ справедливо приписываетъ Ляпунову, предводителю земскихъ дружинъ, представителю консервативнаго и землевладѣльческаго провинціальнаго дворянства. Особая заслуга Ляпунова и организованнаго имъ земскаго ополченія заключается, по мнѣнію Платонова, въ слѣдующемъ. Эти земскія дружины Поморья и Замосковья еще одинъ лишній разъ обнаружили, что онѣ сильнѣе казачьихъ полковъ. Одолѣвая казаковъ въ открытыхъ бояхъ временъ царя Василія, онѣ и теперь, въ мирныхъ отношеніяхъ, взяли верхъ надъ казачествомъ и думали подчинить его своимъ земскимъ порядкамъ, своему начальственному надзору. Приговоромъ 30 іюня онѣ набросили на вольную казачью массу сѣть стѣсненій и обязательствъ, скрѣпленныхъ подписями казачьихъ атамановъ на подлинной договорной грамотѣ **).

Такимъ образомъ, Ляпуновъ облегчилъ своимъ преемникамъ, руководителямъ нижегородскаго ополченія, освободившимъ Москву, самую главную задачу: взять въ свои руки зазнавшееся и распущенное казачество. Въ этомъ—его великая заслуга.

---

*) *Забѣлинъ.*—Мининъ и Пожарскій. Стр. 63.
**) *Платоновъ.*—Очерки Смуты. Стр. 485—486.

Что же касается упрека, который дѣлаетъ Ляпунову Соловьевъ (а отчасти и Ключевскій), въ союзѣ съ казаками и другими ненадежными элементами, то на этотъ счетъ мы находимъ у Платонова обстоятельное и подробное объясненіе, которое мы здѣсь, въ виду его особой важности, приведемъ дословно. «Къ старымъ борцамъ за народное дѣло теперь пристали люди иныхъ общественныхъ теченій. Все, что прежде въ Замосковьѣ держалось Тушина, теперь увлеклось въ движеніе противъ польской власти. Дѣти боярскія разныхъ городовъ, романовскіе татары, казаки московскіе и черкасы, прежде дѣйствовавшіе во имя Вора, а послѣ его смерти застигнутые въ замосковныхъ городахъ патріотическимъ подъемомъ народнаго сознанія, пошли теперь на «очищеніе» Москвы «въ сходъ» къ главнымъ вожакамъ защиты. Присоединеніе старыхъ враговъ не испугало московскихъ патріотовъ. Напротивъ, они радовались умноженію своихъ ратей новыми воинами и обращались ко *всѣмъ* русскимъ людямъ съ увѣщаніемъ «со всею Землею быти въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ и итти на земскую службу подъ Москву ко всей Землѣ». Виднѣйшій организаторъ движенія противъ Сигизмунда, Прокопій Ляпуновъ, *вполнѣ сознательно* искалъ союза съ тою общественною стороною, которая жаждала соціальныхъ перемѣнъ и до тѣхъ поръ возставала на московскій порядокъ съ Болотниковымъ и самозванцами. Онъ не удовольствовался добровольнымъ поступленіемъ на «земскую службу» отдѣльныхъ тушинцевъ и случайныхъ казачьихъ станицъ, а *желалъ всю оппозиціонную массу, казачью и крѣпостную, направить противъ общаго всѣмъ русскимъ врага*. Нельзя сказать точно, думалъ ли онъ дать броженію этой массы наилучшій выходъ въ борьбѣ за общенаціональный интересъ, или же не шелъ далѣе близорукаго расчета на помощь многочисленныхъ, хотя и ненадежныхъ союзниковъ. Изъ двухъ возможныхъ здѣсь предположеній, нужно выбрать, кажется, первое. Ляпунову былъ очень хорошо извѣстенъ, еще со временъ его союза съ Болотниковымъ, характеръ казачьяго движенія. Именно, съ «врагами-казаками» сражался Ляпуновъ во все время царствованія Шуйскаго, обороняя отъ нихъ свою Рязань. Ему, какъ представителю землевладѣльческаго класса южной окраины, казачество должно было быть извѣстнѣе и понятнѣе, чѣмъ кому-либо иному изъ замосковнаго дворянства или поморскихъ тяглыхъ людей. Заключая политическій союзъ съ своими со-

ціальными врагами, ища соединенія съ казачествомъ, «изрядный ополчитель», «властель и воевода» рязанскій не могъ сразу ослѣпнуть и утратить добытый горькимъ опытомъ ясный и правильный взглядъ на свойства этихъ враговъ. *Очевидно, у него былъ сознательный расчетъ»* *).

Какъ мы уже видѣли, приговоромъ 30-го іюня онъ задумалъ навсегда подчинить казачество земщинѣ. Недовольное этимъ приговоромъ казачество подняло мятежъ противъ земской власти, которую началъ устанавливать Ляпуновъ, и убило его. Ляпуновъ могъ ошибиться въ своемъ расчетѣ, но во всякомъ случаѣ, едва ли можно утверждать, что у него «рука хваталась за дѣло раньше, чѣмъ думала о томъ голова».

Если же говорить объ ошибкахъ Ляпунова, то самою главною была его ошибка въ расположеніи своего ополченія подъ Москвою. Какимъ-то образомъ случилось такъ, что земскія дружины оказались разобщенными: казачій таборъ Трубецкого и Заруцкаго расположился между станомъ Ляпунова съ его рязанцами и лагерями другихъ земскихъ дружинъ. Земскія дружины были такимъ образомъ разрознены и раздѣлены дружинами казачьими,—ошибка, которой постарались избѣжать вожди ополченія 1612 года, но которая имѣла роковое значеніе для ополченія 1611 года и для его главнаго предводителя.

Теперь, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать первому организатору народнаго ополченія для освобожденія Москвы, мы можемъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ опредѣлить личность Ляпунова и его значеніе въ исторіи Смуты.

Рязанскій дворянинъ, потомокъ знатныхъ рязанскихъ бояръ, представитель крупнаго провинціально-дворянскаго землевладѣльческаго класса, Прокопій Ляпуновъ, человѣкъ твердый, настойчивый, отважный и рѣшительный, выступилъ на борьбу съ внѣшними и внутренними врагами сложившагося въ Московскомъ государствѣ порядка, съ вполнѣ опредѣленнымъ планомъ: освободить государство отъ иноземныхъ враговъ, увлечь въ борьбу съ ними за вѣру и отечество весь народъ и по окончаніи этой борьбы возстановить создававшійся вѣками государственный порядокъ и подавить броженіе, начавшееся въ народной массѣ противъ крѣпостного права и противъ провин-

*) Ibidem, стр. 467.

ціальнаго помѣстнаго дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его цѣлью было обновить этотъ государственный порядокъ, уничтоживъ первенствующее значеніе въ государствѣ боярской знати и выдвинувъ идею политическаго вліянія «всей Земли», главнымъ представителемъ которой должно было служить служилое помѣстное провинціальное дворянство.

Начатое имъ дѣло оказалось для него непосильнымъ, и онъ погибъ, не осуществивъ своего плана. Его главною ошибкой было то, что онъ опирался главнымъ образомъ на служилый классъ, не предоставивъ широкаго участія въ общемъ дѣлѣ людямъ, такъ сказать, средняго класса, посадскимъ горожанамъ и жителямъ волостей. Послѣ смерти Ляпунова эти люди сами выступили на сцену и покончили со Смутой. Но въ своемъ успѣхѣ они были очень многимъ обязаны подготовительной работѣ Прокопія Ляпунова.

Со смертью Ляпунова во внутренней исторіи Московскаго государства наступилъ самый критическій моментъ. Средніе московскіе люди, составлявшіе земское ополченіе, не устояли противъ казачьяго мятежа и разошлись, оставивъ въ казачьихъ рукахъ все свое правительство. Овладѣвъ властью подъ Москвою, казачій таборъ сталъ на время правительственнымъ средоточіемъ цѣлой страны и въ первый разъ могъ торжествовать казачью побѣду надъ представителями стараго московскаго порядка. Но народъ уже поднимался во всѣхъ концахъ Русской Земли для спасенія ея отъ гибели, которую ей готовили, съ одной стороны, казаки, а съ другой—поляки.

Нижегородское ополченіе и второе земское правительство.

ГЛАВА I.

Козьма Мининъ и народное движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ. Избраніе воеводой кн. Пожарскаго. Нижегородское ополченіе въ Ярославлѣ и образованіе при немъ второго Земскаго правительства.

Грамоты патріарха Гермогена въ Нижній-Новгородъ, призывавшія народъ на защиту государства отъ поляковъ и отъ казачества, сдѣлали свое дѣло. Послѣ смерти Ляпунова вся Земля отложилась отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ атамановъ. По всей Землѣ только и говору было, что въ Москвѣ сидятъ, собственно, два врага отечеству, поляки и казаки, и что казаки даже опаснѣе ляховъ, что они теперь главные заводчики смуты. Всѣ ясно сознавали, что необходимо было скорѣе покончить со всѣми «воровствами и смутами».

Но первое время всѣ растерялись; трудно было рѣшить вопросъ: что именно дѣлать для этого?

Надо было, чтобы среди растерянаго и напуганнаго общества явился находчивый, энергичный человѣкъ, способный указать выходъ изъ положенія, которое большинству людей уже представлялось безвыходнымъ.

Такимъ человѣкомъ и явился Козьма Мининъ. Ему пришла мысль создать свое независимое, сильное и крѣпкое ополче-

ніе, сильное настолько, чтобы не бояться ни поляковъ, ни казаковъ, съ ихъ казацкими воеводами.

Сохранилась легенда, въ которой народъ придалъ, свойственную эпохѣ, религіозную окраску выступленію Минина.

Въ легендѣ этой разсказывается слѣдующее. Мининъ былъ человѣкъ благочестивый и имѣлъ обычай по временамъ удаляться въ особую храмину для молитвы. Однажды въ этой храминѣ «ему спящу» явился преподобный Сергій, основатель Троицко-Сергіевской Лавры. Онъ повелѣлъ Минину казну собирать, ратныхъ людей надѣлять и итти съ ними на очищеніе Московскаго государства отъ враговъ. Козьма, опомнясь, былъ въ великомъ страхѣ, однако, ни на что не рѣшился, думая, что устроеніе рати не его дѣло. Преподобный Сергій явился ему во второй и въ третій разъ. Въ трепетѣ и ужасѣ отъ этихъ видѣній, Мининъ заболѣлъ, раскаялся въ своей неподвижности и сталъ думать, какъ исполнить повелѣніе преподобнаго. Вскорѣ онъ былъ выбранъ всѣмъ городомъ въ земскіе старосты. Онъ принялъ этотъ случай, какъ Божье указаніе о томъ, что надо дѣлать, и началъ въ Земской Избѣ со слезами всѣмъ говорить о бѣдствіяхъ отечества, выставляя на видъ бездѣйствіе своихъ согражданъ. Одни отъ такихъ рѣчей уходили съ ругательствами; но иные, особенно изъ «меньшихъ» людей, приняли ихъ къ сердцу и послѣ размышленій и разсужденій о тщетѣ богатства, укрѣпились на мысли: казну собирать и ратнымъ людямъ давать и утвердили приговоръ, что во всемъ будутъ Козьму слушать. Начался сборъ казны, и Козьма первый же положилъ передъ людьми почти все свое имѣніе; мало что въ дому оставилъ.

Такъ говоритъ легенда. На самомъ же дѣлѣ все произошло проще.

Козьма занималъ въ Нижнемъ-Новгородѣ весьма вліятельное положеніе, благодаря которому всѣ его предложенія и совѣты должны были приниматься жителями съ особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Онъ былъ главнымъ «излюбленнымъ», т.-е. выборнымъ, человѣкомъ въ городѣ, земскимъ старостой, начальникомъ судныхъ дѣлъ среди своей братіи, людей посадскихъ. По своей профессіи онъ былъ «говядарь», торговалъ мясомъ и рыбой, и по своимъ достаткамъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ людей. Какъ солидный торговый человѣкъ и какъ земскій староста, онъ прекрасно зналъ населеніе своего

города и, пользуясь среди него большимъ авторитетомъ, умѣлъ на него дѣйствовать. Встрѣчаясь постоянно съ народомъ, онъ высказывалъ вездѣ свой взглядъ на положеніе вещей въ государствѣ, и его мысль о необходимости устроить собственное ополченіе изъ нижегородскихъ гражданъ и изъ ратныхъ людей отъ другихъ городовъ нашла себѣ откликъ въ сердцахъ нижегородцевъ. И когда, по вызову Минина, нижегородцы рѣшились помочь отечеству, по-своему, «своимъ умомъ и обычаемъ», то первымъ ихъ дѣломъ былъ выборъ воеводы. По предложенію Минина, всѣмъ міромъ, и посадскими и служилыми людьми, былъ выбранъ въ воеводы уже извѣстный намъ кн. Дм. Мих. Пожарскій, раненый въ Москвѣ въ одной изъ стычекъ съ поляками, во время «великой московской разрухи».

Но самое главное, что необходимо было сдѣлать для устройства народнаго ополченія, это—собрать казну на необходимые расходы. Для сбора казны и для завѣдыванія ею нужно было избрать вполнѣ надежнаго человѣка изъ посадскихъ людей. Естественно, что такимъ человѣкомъ, въ глазахъ нижегородскаго міра, являлся тотъ же Козьма Мининъ, пользовавшійся въ городѣ всеобщимъ довѣріемъ.

Удостоенный общимъ избраніемъ, Мининъ постарался прежде всего установить ополченіе на твердомъ, непоколебимомъ основаніи. Съ этою цѣлью онъ добился всенароднаго приговора, въ которомъ было сказано: «стоять за истину всѣмъ безызмѣнно, къ начальникамъ быть во всемъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ; на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ—отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ, и дѣтей закладывать, продавать, а ратнымъ людямъ давать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было». На этомъ всѣ нижегородцы, какъ потомъ писали они въ своихъ грамотахъ, «дали Богу души свои», «не пощадили себя ни въ чемъ». И необходимая для расходовъ казна быстро была собрана. Но нижегородцы не торопились. Они работали всю осень и всю зиму до Великаго поста, когда въ началѣ марта составилось, наконецъ, сильное ополченіе, которое и тронулось въ походъ на Ярославль. Въ этомъ городѣ рѣшено было устроить, такъ сказать, главную квартиру, куда со всѣхъ сторонъ должны были собираться и другія ополченія и откуда удобнѣе всего было начать очищеніе государства отъ враговъ.

Узнали и въ Москвѣ о томъ, что происходило въ Нижнемъ Новгородѣ. И на этотъ разъ поляки и кремлевскіе измѣнники—бояре приступили къ Гермогену съ требованіемъ остановить ополченіе, не допускать его до Москвы. Но патріархъ попрежнему былъ непоколебимъ. Вскорѣ послѣ этого великій старецъ умеръ, замученный пережитыми тревогами и лишеніями, которымъ подвергали его поляки.

Патріархъ Гермогенъ.

Испугался нижегородскаго ополченія и Заруцкій. Узнавъ, что нижегородцы двинулись къ Ярославлю, онъ поторопился отправить туда сильный казацкій отрядъ, чтобы занять его до прихода нижегородцевъ. Но онъ опоздалъ. Передовые отряды нижегородскаго ополченія уже заняли Ярославль, а вскорѣ подошло и все ополченіе. Здѣсь ополченіе простояло почти 4 мѣсяца.

Въ чемъ же заключалась причина этого замедленія?

Дѣло въ томъ, что нижегородцы, руководимые Пожарскимъ и Мининымъ, дѣлали все основательно и обдуманно. Они рѣшили не двигаться дальше прежде, чѣмъ не будетъ достигнуто самое главное: общее соединеніе всѣхъ городовъ на одной мысли. Вслѣдствіе этого, ополченіе отовсюду стало требовать присылки въ Ярославль выборныхъ, человѣка по два и по три, для общаго Земскаго Совѣта. Такимъ образомъ, при ополченіи образовался Земскій Соборъ, который постарался прежде всего добиться «всемірнаго объединенія». И онъ добился этого: даже тушинскіе бояре стали присылать въ Ярославль свои повинныя грамоты и просить о пріемѣ ихъ на службу. А кн. Трубецкой, товарищъ Заруцкаго, убѣдительно просилъ троиц-

каго келаря, своего друга, Авраамія Палицына, написать въ Ярославль, что и онъ охотно присоединится къ ополченію кн. Пожарскаго. Это ополченіе, оставаясь въ Ярославлѣ, съ каждымъ днемъ увеличивалось. Вообще говоря, оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, ополченіе для главной своей цѣли не потеряло ни минуты. «Оно,—говоритъ Забѣлинъ,—неисчислимо больше завоеваній сдѣлало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ неподвижной правдѣ. И это—самое важное изъ того, что можно ставить ему въ заслугу. Дѣло меча, послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столько затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную смуту, и эта осада была несравненно мудренѣе осады Китай-города и Кремля».

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

Объединяя всѣ города для одной цѣли, для одного общенароднаго дѣла, кн. Пожарскій завелъ сношенія и съ Новгородомъ, который въ это время былъ занятъ шведами и по договору съ шведскимъ королемъ, повидимому, долженъ былъ выдѣлиться изъ Русской Земли. Пожарскаго интересовали подробности этого договора, и ему удалось узнать ихъ отъ прибывшихъ въ Ярославль изъ Новгорода пословъ, привезшихъ съ собою списокъ съ договора. Послы новгородскіе сообщили Пожарскому, что шведскій король Карлъ умеръ и завѣщалъ шведское королевство Густаву-Адольфу, а новгородское—королевичу Филиппу, который скоро прибудетъ въ Выборгъ. Новгородскіе послы приглашали Пожарскаго быть съ Новгородомъ въ любви и въ совѣтѣ и содѣйствовать избранію Филиппа на москов-

скій престолъ. На упрекъ Пожарскаго, что новгородцы стоятъ за государя не православнаго, послы новгородскіе отвѣчали:

— Мы не отпали отъ истинной вѣры. Если королевичъ не захочетъ быть въ православной вѣрѣ греческаго закона, то мы съ вами хотимъ помереть за истинную нашу вѣру и не примемъ ни за что государя не нашей вѣры. И не токмо съ вами и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, но и одни мы за истинную православную христіанскую вѣру хотимъ помереть.

Пожарскій, по словамъ лѣтописца, отправилъ въ Новгородъ гонца съ увѣреньемъ, что ополченіе согласно избрать на престолъ королевича Филиппа, если онъ приметъ греческую вѣру. Это,—говоритъ лѣтописецъ,—было сдѣлано для того, чтобы шведы не помѣшали ополченію итти подъ Москву.

Выше мы говорили, что кн. Трубецкой выразилъ желаніе присоединиться къ ополченію Пожарскаго. Но Заруцкій попрежнему упорно стоялъ за «Маринкина сына». Видя, что среди казацкаго ополченія образовался разладъ, Заруцкій ушелъ съ своими единомышленниками изъ-подъ Москвы въ Астрахань, надѣясь тамъ составить новое ополченіе. Это было 17 іюля. Вѣсть о бѣгствѣ Заруцкаго, а также о томъ, что къ Москвѣ идетъ съ войскомъ польскій гетманъ Ходкѣвичъ, заставила Пожарскаго ускорить походъ къ Москвѣ, и 26 іюля ополченіе двинулось изъ Ярославля черезъ Ростовъ и Переяславль Залѣсскій. 14 августа ополченіе стояло уже у Троицкаго монастыря, куда Пожарскій отправился получить благословеніе отъ чудотворца Сергія, считавшагося издревле хранителемъ Русской Земли отъ иноплеменниковъ.

Стоя близъ Троицы, Пожарскій принималъ благословеніе войску отъ игумена Троицкаго монастыря Діонисія. Ополченіе было поставлено въ порядокъ на горѣ Волкушѣ. Торжественно вынесли изъ монастыря икону Живоначальной Троицы, а также иконы мѣстныхъ чудотворцевъ, Сергія и Никона. Діонисій совершилъ водоосвященіе и окропилъ святой водой войско. Разсказываютъ, буто бы въ то время сильный вѣтеръ дулъ прямо въ лицо войску, обращенному на путь къ Москвѣ. Но какъ только совершилось водоосвященіе, вѣтеръ сталъ дуть ополченію въ тылъ. Это было сочтено добрымъ предзнаменованіемъ. Московскіе люди утѣшались мыслью, что «Богъ побораетъ по нимъ и благословляетъ ихъ на благое начинаніе».

ГЛАВА II.

Нижегородское ополченіе въ Москвѣ. Отраженіе Ходкевича. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Неудачное вторженіе Сигизмунда въ предѣлы Московскаго государства. Созывъ избирательнаго Собора.

Спустя нѣсколько дней ополченіе придвинулось къ Москвѣ, а затѣмъ вступило и въ городъ, ставъ отдѣльно отъ казацкихъ таборовъ кн. Трубецкого. Въ это время гетманъ Ходкѣвичъ стоялъ уже со своимъ войскомъ на Поклонной горѣ. Вскорѣ онъ перешелъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря. Съ нимъ, кромѣ поляковъ, были венгры и малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ своего гетмана Наливайки. Ходкѣвичъ придвинулся именно къ той мѣстности, гдѣ стояло ополченіе кн. Пожарскаго. Началась ожесточенная битва, продолжавшаяся съ перваго часа до восьмого. «Бой,—говоритъ лѣтописецъ,—былъ зѣло крѣпокъ». Ходкѣвичъ былъ отбитъ и вернулся на Поклонную гору, а оттуда перебрался къ Донскому монастырю, на ту сторону, гдѣ стояли таборы Трубецкого, такъ какъ не могъ не замѣтить, что дѣйствія кн. Трубецкого во время происшедшаго сраженія были двусмысленны и могли быть ему очень полезны. Когда сраженіе возобновилось, обнаружилось, что казаки кн. Трубецкого отъ него уклоняются. Нижегородцы пріуныли и даже стали впадать въ отчаяніе. Воеводы посылали въ казацкіе таборы просить казаковъ за-едино съ ними биться съ польскимъ гетманомъ; но тѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «не хотяху». Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца келаря Авраамія Палицына. Стіарецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны и этимъ обѣщаніемъ заставилъ ихъ принять участіе въ сраженіи. Но надежды на успѣхъ не было. День клонился къ вечеру. Поляки одолѣвали.

Въ этотъ рѣшительный моментъ выступилъ Козьма Мининъ. «Господь,—говоритъ лѣтописецъ,—услышалъ вопль призывающихъ его съ вѣрою и послалъ свыше помощь—слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго; Господь охрабрилъ нижегородца Козьму Минина Сухорука». При этомъ лѣтописецъ съ радостью восклицаетъ: «Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ его волю».

Козьма Мининъ, съ разрѣшенія кн. Пожарскаго, взялъ отрядъ дворянъ и бросился съ нимъ на самый опасный пунктъ, гдѣ стояли двѣ гетманскія роты. Эти роты не выдержали натиска русскихъ и побѣжали. Успѣхъ Минина воодушевилъ русскія войска, и побѣда была одержана. Гетманъ Ходкѣвичъ бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ, оставивъ въ добычу русскимъ всѣ свои таборы со многими запасами. Вслѣдъ затѣмъ принуждены были сдаться поляки, сидѣвшіе съ русскими измѣнниками-боярами въ Кремлѣ. 23-го октября 1612 года Кремль и вся Москва были очищены отъ враговъ.

Но освобожденіе Москвы еще не избавило Россію отъ всѣхъ опасностей.

Еще лѣтомъ 1612 года Сигизмундъ съ сыномъ своимъ Владиславомъ и съ небольшимъ войскомъ вступилъ въ Вильну, чтобы отсюда двинуться къ Москвѣ. Отправивъ впередъ гетмана Ходкѣвича, онъ двигался вслѣдъ за нимъ, разсчитывая за Ходкѣвичемъ вступить въ Москву и показать Москвѣ своего сына. Но въ Вязьмѣ онъ встрѣтилъ Ходкѣвича, отбитаго отъ Москвы.

Ни Ходкѣвичъ ни король еще ничего не знали о судьбѣ польскаго гарнизона, который, подъ начальствомъ полковника Струся, смѣнившаго Гонсѣвскаго, сидѣлъ въ Кремлѣ. Они двинулись къ нему на выручку. Но по дорогѣ они узнали о сдачѣ польскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе они дошли до Волоколамска. Взять этотъ городъ имъ не удалось. Засѣвшіе въ немъ казаки отбивали всѣ приступы. Между тѣмъ начинались зимнія стужи (дѣло было въ концѣ ноября); продовольствіе у поляковъ истощилось. Морозы становились суровѣе. Сигизмунду и Владиславу ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти назадъ со срамомъ.

Вторженіе Сигизмунда и Владислава въ предѣлы Московскаго государства задержало избраніе новаго государя. Только послѣ ихъ ухода въ Польшу можно было приступить къ этому дѣлу.

21 декабря московскіе воеводы грамотой оповѣстили по всей Землѣ объ избавленіи Москвы и приказали повсюду пѣть молебны, звонить въ колокола,—на радости, что Москва освободилась отъ польскихъ и литовскихъ людей. Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ объ избраніи царя.

Еще изъ Ярославля Пожарскій, какъ мы видѣли, разсылалъ

грамоты по городамъ, призывая отовсюду выборныхъ людей для устроенія Русской Земли. Но, повидимому, число присланныхъ городами людей оказалось недостаточнымъ; притомъ же бояре, сидѣвшіе съ поляками въ Кремлѣ, избѣгая народнаго мщенія, разъѣхались изъ Москвы. Нужно было и ихъ собрать. На совѣтѣ, который держали воеводы съ людьми всякихъ чиновъ (сословій), бывшими тогда въ столицѣ, порѣшили послать и послали новую грамоту во всѣ города, чтобы вездѣ выбирали лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя. «Пусть,—сказано было въ этой грамотѣ,—избраніе сіе совершится отъ Бога, а не отъ человѣкъ». Эта грамота была подписана не только Пожарскимъ, но и кн. Трубецкимъ, который съ этого момента вмѣстѣ со своими казаками начинаетъ дружно работать со «всею Землею».

Въ то же время старались возстановить Москву, пострадавшую отъ пожаровъ; обновляли церкви, строили дома. Постепенно Москва начинала принимать свой прежній видъ.

Когда съѣхалось въ Москву достаточное число выборныхъ людей, опредѣленъ былъ трехдневный строжайшій постъ. Мужчины, женщины и малыя дѣти не должны были принимать пищи въ эти дни. Всѣ эти дни въ церквахъ служили молебны: просили Бога вразумить выборныхъ земскихъ людей на великое дѣло. Хотѣли, чтобы избраніе было указано свыше, чтобы совѣсть избирателей была спокойна, чтобы народъ потомъ зналъ и вѣрилъ, что онъ «повинуется Божьему указанію, а не человѣческому измышленію»...

Чтобы ясно представить себѣ то настроеніе, въ которомъ находились московскіе люди въ это время, надо помнить, какъ вообще высокъ былъ подъемъ религіознаго чувства у нихъ въ эпоху Смуты.

Теряясь среди ужасающихъ событій,—говоритъ проф. Платоновъ,—въ отчаяніи за будущую судьбу своей родины, многіе московскіе люди ждали своего избавленія только свыше и полагали свое спасеніе въ одномъ небесномъ заступничествѣ. Они призывали другъ друга молиться, чтобы Господь пощадилъ «останокъ рода христіанскаго» и оградилъ миромъ «останокъ Россійскихъ царствъ и градовъ и вѣсей». Молитвою и покаяніемъ они думали избыть свою бѣду, которую считали безпримѣрною. Подъемъ религіознаго чувства достигалъ чрезвычайнаго напряженія и выражался въ чудесныхъ видѣніяхъ, въ

истинность которыхъ вѣрили не только тѣ, кому бывали видѣнія, но и всѣ тѣ, кто о нихъ слышалъ *). Еще въ 1611 г. повсемѣстно распространился обычай трехдневнаго поста. И этотъ постъ былъ такъ строгъ, что, по словамъ лѣтописца, «многіе младенцы помираху съ того посту».

Переходя къ избранію царя земскими людьми, спасшими государство отъ гибели, мы закончимъ настоящую главу словами проф. Платонова.

«Московское очищеніе совершилось. Послѣ пораженія и разгрома боярскаго правительства 1610 г., послѣ распаденія дворянскаго правительства въ ополченіи 1611 года, починъ «послѣднихъ» московскихъ людей, «посадскихъ тяглецовъ» Нижняго-Новгорода, привелъ къ неожиданному успѣху. По очереди, въ порядкѣ сословной іерархіи, брались за дѣло государственнаго устройства разные классы московскаго общества, и побѣда досталась слабѣйшему изъ нихъ, нижегородскимъ «посадскимъ тяглецамъ» съ земскимъ старостой Мининымъ во главѣ. Боярство, сильное правительственнымъ опытомъ, гордое «отчествомъ» и кипящее богатствомъ, пало отъ неосторожнаго союза съ иновѣрнымъ врагомъ, въ соединеніи съ которымъ оно искало выхода изъ домашней смуты. Служилый землевладѣльческій классъ, во главѣ котораго стоялъ Прокопій Ляпуновъ, сильный воинской организаціей, потерпѣлъ нежданное пораженіе отъ домашняго врага, въ союзѣ съ которымъ желалъ свергнуть иноземное иго. Нижегородскіе посадскіе люди сильны были только горькимъ политическимъ опытомъ, да еще тѣмъ, что отъ патріарха Гермогена научились бояться невѣрныхъ союзниковъ больше, чѣмъ открытыхъ враговъ. Ихъ «начальники», вмѣстѣ съ геніальнымъ выборнымъ человѣкомъ, Кузьмою Мининымъ, подбирали въ свой союзъ только тѣ общественные элементы, которые представляли собою консервативное ядро московскаго общества. Это были служилые люди, не увлеченные въ измѣну и «воровство», и «тяглые» мужики сѣверныхъ городскихъ и уѣздныхъ міровъ, не расшатанныхъ кризисомъ XVI вѣка... Въ ряды этихъ людей становились всѣ, кто желалъ содѣйствовать возстановленію національнаго государства и прежнихъ общественныхъ отношеній.

---

*) *Платоновъ.*—Очерки Смуты. Стр. 490.

Опредѣленность программы и вмѣстѣ съ тѣмъ широкое ея пониманіе дали успѣхъ ополченію 1612 года и позволили ея «начальникамъ» послѣ завоеванія Москвы, сохранивъ за собою значеніе общеземскаго правительства, обратиться въ прочную государственную власть. Съ появленіемъ этой власти Смута нашла свой конецъ, и новому московскому царю оставалась лишь борьба съ ея послѣдствіями и съ послѣдними вспышками острого общественнаго броженія» *).

*) Ibidem, стр. 533—534.

Избраніе на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова.

ГЛАВА I.

Вопросъ объ избраніи царя. Симпатіи народа къ Романовымъ. Предварительное избраніе Михаила Ѳеодоровича.

Выборные всей Земли стали съѣзжаться въ Москву въ самомъ началѣ 1613 года. Это былъ первый въ Московскомъ государствѣ безспосрно всесословный Земскій Соборъ, въ которомъ, кромѣ духовенства, служилыхъ и посадскихъ людей, приняли участіе и сельскіе обыватели, «люди уѣздные», черносошные и дворцовые крестьяне *). По окончаніи трехдневнаго поста начались совѣщанія.

Первымъ вопросомъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, выбирать ли на престолъ иноземца? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. По этому поводу лѣтописецъ сообщаетъ, между прочимъ, объ интересномъ случаѣ. На Земскій Соборъ прибылъ изъ Новгорода посолъ отъ шведскаго полководца Делагарди. Онъ объявилъ, что шведскій королевичъ Филиппъ уже

*) *Дворцовые крестьяне* жили на дворцовыхъ земляхъ, принадлежавшихъ Государю, а *черносошные*—на земляхъ черныхъ, т.-е. государственныхъ.

идетъ въ Новгородъ, и напомнилъ собранію, что о его кандидатурѣ на московскій престолъ уже была рѣчь въ Ярославлѣ, куда пріѣзжали новгородскіе послы. Выборные люди просили передать Делагарди слѣдующее: «у насъ и на умѣ того нѣтъ, чтобъ намъ иноземца взять на Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, такъ это мы дѣлали для того, чтобы вы намъ въ тѣ поры не помѣшали и не пошли на наши морскіе города. Теперь же Богъ Московское государство очистилъ, и мы ради съ помощью Божіей идти биться за очищеніе и Новгородскаго государства».

Вмѣстѣ съ Филиппомъ шведскимъ отвергнутъ былъ и «нареченный царь» Владиславъ, оба—«за ихъ многія неправды».

Но выбрать своего природнаго русскаго государя было нелегко. Полнаго единомыслія на Соборѣ по этому вопросу не оказалось. Было большое волненіе,—говоритъ проф. Ключевскій,—каждый хотѣлъ по своей мысли дѣлать, каждый говорилъ за своего кандидата; одни предлагали того, другіе этого; всѣ разнорѣчили; придумывали, кого бы выбрать, перебирали великіе роды, но ни на комъ не могли согласиться и такъ потеряли не мало дней. Многіе вельможи и даже невельможи подкупали избирателей, засылали съ подарками и обѣщаніями. Соборъ распался на партіи между великородными искателями, изъ которыхъ болѣе позднія извѣстія называютъ князей Вас. Голицына, Мстиславскаго, Воротынскаго, Трубецкого и, наконецъ, Михаила Ѳеодоровича Романова. Самъ скромный по отчеству и характеру кн. Пожарскій тоже, говорили, искалъ престола и потратилъ не мало денегъ на происки. Но въ концѣ-концовъ общее вниманіе остановилось на сынѣ Филарета, юномъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, которому въ ту пору было всего 16 лѣтъ. Собственно говоря, можно было заранѣе предсказать, что выборъ падетъ на него. Еще въ 1610 году гетманъ Жолкѣвскій,—какъ онъ объ этомъ говоритъ въ своихъ запискахъ,—видѣлъ, что тѣ изъ московскихъ людей, которые не желаютъ имѣть царя иноземца, желаютъ одни Голицына, другіе—Михаила Романова. Теперь Голицына не было; вмѣстѣ съ Филаретомъ и другими русскими послами онъ былъ въ плѣну у Сигизмунда. Михаилу, значитъ, никто не мѣшалъ, тѣмъ болѣе, что никакой другой родъ въ Московскомъ государствѣ не пользовался такою любовью, и никто не заслужилъ ея болѣе, какъ родъ Романовыхъ.

Прекрасное объясненіе этихъ симпатій народа къ Романовымъ даетъ намъ Костомаровъ. Въ народномъ чувствѣ,— говоритъ онъ, — не изглаживалась память добродѣтельной жены Грознаго, Анастасіи Романовны; помнили любимаго въ свое время народомъ ея брата Никиту Романовича; не только никто на него не могъ сказать, чтобы онъ былъ причастенъ къ мучительствамъ Ивана Грознаго, но о немъ сохранились преданія, что онъ постоянно заступался за мучениковъ, хотя и ему самому грозилъ за то гнѣвъ царскій. Свѣжи были въ народномъ воспоминаніи страданія его дѣтей при Борисѣ Годуновѣ, печальная смерть трехъ братьевъ въ изгнаніи, заточеніе Ѳеодора (Филарета) и его супруги. Народъ въ то время ужасно выстрадалъ; у него и сочувствіе обращалось къ такому роду, который также выпилъ горькую чашу, да еще безвинно. У русскаго народа съ Романовыми поэтому стала сердечная, крѣпкая связь взаимныхъ страданій. Наконецъ, послѣдній подвигъ Филарета, его твердость въ дѣлѣ посольства, его плѣнъ во вражеской землѣ—все давало ему въ народномъ уваженіи значеніе мученика за святую вѣру, за Русскую Землю, за правое дѣло. Все это должно было склонить всѣ сердца, усиливать всѣ побужденія въ пользу Михаила.

Патріархъ Филаретъ.

Вскорѣ по открытіи засѣданій Земскаго Собора къ нему стали поступать челобитья отъ служилыхъ людей и отъ людей посадскихъ изъ разныхъ городовъ, въ которыхъ заявлялось о необходимости избранія на престолъ именно Михаила Ѳеодоровича Романова. Но что болѣе всего могло показаться удивительнымъ,—за него встало и казачество. Казачество подъ вліяніемъ событій, очевидно, образумилось. Отчасти эти симпатіи казачества къ Михаилу объясняются и тѣмъ, что оно знало

Филарета, его отца, который нѣкоторое время жилъ въ Тушинѣ, считался тамъ первымъ кандидатомъ на патріаршій санъ и держалъ себя съ достоинствомъ, такъ что его и тушинцы слушались, и никто изъ враговъ Тушинскаго двора не обвинялъ въ измѣнѣ.

Словомъ, казачество, представлявшее во всякомъ случаѣ еще значительную силу, было за избраніе Михаила Ѳеодоровича. Если вѣрить современному лѣтописцу, то въ лицѣ своего представителя, одного изъ своихъ атамановъ, оно и повернул окончательно все дѣло на Соборѣ въ его пользу, въ то время, когда противъ него были многіе члены Собора. Случилось это такъ. Въ самый разгаръ борьбы партій, какой-то дворянинъ изъ Галича подалъ на Соборѣ письменное мнѣніе, въ которомъ заявлялъ, что ближе всѣхъ по родству къ прежнимъ царямъ стоитъ Михаилъ Романовъ, а потому его и нужно выбрать въ цари. Это заявленіе раздражило многихъ. Раздались сердитые голоса:

— Кто принесъ такое писаніе? Откуда?

Въ это время изъ рядовъ выборныхъ выдѣлился донской атаманъ и, подойдя къ столу, также положилъ на него «писаніе».

— Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?—спросилъ его кн. Пожарскій.

— О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ,—отвѣчалъ тотъ.

«Прочетше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ», говоритъ по этому случаю современный бытописатель.

Было ли все это такъ въ дѣйствительности, достовѣрно неизвѣстно. Извѣстно только то, что и казачество поддержало Михаила Ѳеодоровича, и Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Но это было лишь предварительное избраніе, только намѣтившее соборнаго кандидата.

Окончательное рѣшеніе предоставили всей Землѣ. Тайно разослали по городамъ вѣрныхъ людей вывѣдать мнѣніе народа, кого хотятъ государемъ на Московское государство. Народъ оказался уже достаточно подготовленнымъ. Посланные возвратились съ донесеніемъ, что у всѣхъ людей отъ мала и до велика та же мысль: быть государемъ Михаилу Ѳеодоровичу Романову, а «опричь него никакъ никого на государство не хотѣть». Это

секретно-полицейское дознаніе,—говоритъ проф. Ключевскій,—соединенное, можетъ быть, съ агитаціей, стало для Собора своего рода избирательнымъ плебесцитомъ. Въ торжественный день, въ недѣлю Православія, въ первое воскресенье Великаго поста, 21 февраля 1613 года были назначены окончательные выборы. Каждый чинъ подавалъ особое письменное мнѣніе, и во всѣхъ мнѣніяхъ значилось одно имя—Михаила Ѳеодоровича.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Послѣ этого произошла слѣдующая сцена на Красной площади. Посланные отъ Земскаго Собора, рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Троицко-Сергіевской Лавры Авраамій Палицынъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, взошли на Лобное мѣсто, чтобы оттуда спросить собравшійся въ громадномъ количествѣ народъ, кого онъ желаетъ видѣть царемъ. Но имъ не пришлось ни говорить ни спрашивать. Прежде, чѣмъ одинъ изъ нихъ успѣлъ сказать слово, все сборище въ одинъ голосъ закричало:

— Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей русской державѣ!

Только Авраамій Палицынъ успѣлъ послѣ этого сказать:

— Се бысть по усмотрѣнію всесильнаго Бога!

ГЛАВА II.

Подвигъ Ивана Сусанина. Московское посольство въ Костромѣ. Согласіе Михаила Ѳеодоровича принять царскій вѣнецъ.

Послѣ своего освобожденія изъ Кремля Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ матерью уѣхалъ въ свою костромскую вотчину и поселился въ усадьбѣ около села Домнина. Вскорѣ послѣ избранія своего на престолъ онъ подвергся большой опасности. Въ то время повсюду бродили воровскія казацкія и польско-литовскія шайки. Предводитель одной изъ такихъ шаекъ,—или по внушенію Заруцкаго, или, быть можетъ, по приказанію изъ Польши,—задумалъ захватить новоизбраннаго царя въ неволю, а можетъ быть и убить. Добравшись до села Домнина, заговорщики взяли старика, тамошняго крестьянина, Ивана Сусанина, требуя отъ него, чтобы онъ провелъ ихъ къ усадьбѣ Романовыхъ. Сусанинъ согласился; но, спасая молодого царя, онъ завелъ ихъ окольными дорогами, по глубокимъ снѣгамъ, далеко отъ усадьбы въ глухіе лѣса. Убѣдившись въ обманѣ, они убили старика Сусанина, а затѣмъ и сами погибли. Узнавъ о той опасности, которой они подвергались, инокиня Марѳа и Михаилъ Ѳеодоровичъ перебрались въ Кострому. Здѣсь они и узнали о постановленіи Земскаго Собора. Въ ожиданіи, пока прибудутъ въ Кострому послы отъ Земскаго Собора, костромичи предложили Марѳѣ и Михаилу поселиться въ Ипатьевскомъ монастырѣ, находящемся въ двухъ верстахъ отъ города. За стѣнами этого монастыря они были въ полной безопасности.

13 марта 1613 года въ Кострому прибыло, наконецъ, посольство изъ Москвы, во главѣ котораго стояли архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Шереметевъ. Утромъ на другой день послы, въ сопровожденіи множества

Памятникъ Ивану Сусанину въ Костромѣ.

народа, двинулись къ Ипатьевскому монастырю. Впереди несли хоругви и чудотворныя иконы. Марѳа и Михаилъ встрѣтили посольство у воротъ монастыря и смиренно преклонились предъ иконами и крестами. Послѣ этого торжественное шествіе направилось къ Троицкой церкви, главному храму Ипатьевской оби-

тели. Здѣсь послѣ молебна Ѳеодоритъ преклонился предъ Михаиломъ и сказалъ:

— Московскаго государства митрополитъ Кириллъ, ростовскій и ярославскій архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, великаго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ.

За нимъ заговорилъ главный членъ посольства, бояринъ Шереметевъ:

— Великій Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳео-

Палаты Романовыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

доровичъ, всея Россіи! Твои, Государь, бояре, окольничіе, чашники, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы, стрѣлецкіе сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди, велѣли тебѣ, Государь, челомъ ударить и о твоемъ государевомъ многолѣтнемъ здравіи спросить.

Затѣмъ Ѳеодоритъ прочелъ постановленіе Земскаго Собора. Въ этомъ постановленіи говорилось о единодушной клятвѣ всѣхъ служить новому царю, прямить, биться за него до смерти. Земскій приговоръ заканчивался словами: «да идетъ Михаилъ Ѳеодоровичъ на царство свое и да возвыситъ Богъ десницу

его; православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ предъ небомъ пресвѣтлое солнце, а христіане да получатъ тишину, покой и благоденствіе». Послѣ этого Ѳеодоритъ и бояринъ Шереметевъ обратились къ матери Михаила и умоляли ее «моленья и челобитья не презрить и идти съ сыномъ на царскій престолъ».

Инокиня Марѳа, растроганная великою честью, искренно стала отъ нея отказываться. Переживъ столько бѣдствій и насмотрѣвшись столькихъ ужасовъ, она боялась отпустить на царство своего юнаго сына. Мысль, что Михаила въ Москвѣ окружатъ буйные, непокорные бояре, что Сигизмундъ будетъ мстить отцу за избраніе сына на царство, бѣдственное состояніе Русской Земли, опустошенной, наполненной измѣной и крамолой, все это предстало ея очамъ страшнымъ видѣніемъ.

— Сыну моему не быть царемъ,—сказала она,—не благословляю его; въ мысли у меня того не было и въ разумъ мой прійти не могло!

И Михаилъ отказался:

— Не хочу царствовать... И могу ли быть наслѣдникомъ великихъ царей русскихъ!

На настойчивыя мольбы пословъ инокиня Марѳа отвѣтила подробнымъ объясненіемъ причинъ, почему она не желаетъ дать благословенія сыну на царство. Лѣтописецъ влагаетъ въ ея уста цѣлую рѣчь:

— Его ли отдамъ вамъ въ цари?—говорила она.—Люди русскіе! Вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ всѣ вы измалодушествовались. И кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божіимъ не стало Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его и передались Вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василію и поѣхали къ Тушинскому Вору, предали вашего царя, постригли его, предали врагамъ! И послѣ сихъ клятвопреступленій прежнимъ государямъ, послѣ позора, убійствъ, поруганій, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? А что такое ваше царство? Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и черезъ непостоянство русскихъ людей разорено до конца; литовскіе люди вывезли царскія сокровища; дворцовыя села, и черныя волости, и пригороды, и

посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и запустошены; всякіе служилые люди бѣдны. Чѣмъ жаловать ихъ? Чѣмъ полнить государевы обиходы? Чѣмъ стоять противъ недруга, польскаго и литовскаго короля, и иныхъ пограничныхъ государствъ? Мнѣ—благословить сына на государство развѣ на одно погубленіе, для того, что отецъ его митрополитъ Филаретъ у короля въ Литвѣ въ великомъ утѣсненіи; свѣдаетъ король, что по прошенію и челобитью всего Московскаго государства сынъ учинится царемъ, велитъ надъ отцомъ его, Филаретомъ, какое-нибудь зло сдѣлать.

Тогда архіепископъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Онъ торжественно объявилъ, что если мать и сынъ откажутся исполнить приговоръ всей Земли, то «Московское государство будетъ въ конечномъ разореніи, святыя церкви и иконы и многоцѣлебныя мощи будутъ въ поруганіи, а все это взыщется на инокинѣ Маѳѣ и ея сынѣ».

Затѣмъ, взявъ принесенный изъ Москвы образъ Владимирской Богоматери и другія чудотворныя иконы, Ѳеодоритъ и Авраамій Палицынъ подступили къ Михаилу, и Ѳедоритъ сказалъ ему, указывая на образа:

— Если ты вѣришь имъ, то вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ отца твоего! Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!

Михаилъ бросился къ матери. Духовенство съ образами приблизилось къ ней. Послы, воины, народъ, всѣ повергнись на колѣни. Маѳа и Михаилъ молчали. Тогда раздался грозный голосъ архіепископа Ѳеодорита:

— Не внемлете мольбамъ нашимъ?.. Да будетъ по вашему. Мы уйдемъ въ Москву и скажемъ пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, Русская Земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе! Пусть плачетъ снова народъ и опозорятся церкви! Но предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать передъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе! Да расточится царство Московское! Да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги и да придутъ и расхитятъ насъ!

Голосъ его,—прибавляетъ лѣтописецъ,—казался грознымъ

голосомъ Божіимъ. Марѳа повергшись предъ святыми иконами и объявила свое согласіе. Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила напрестный крестъ и вручили ему царскій посохъ.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича на Царство.

Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію. Запѣли благодарственный молебенъ и провозглашеніе многолѣтіе царю Михаилу. Сидя на тронѣ, юный царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостные клики

народа оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ великолѣпіи изъ храма и шелъ къ келіи, гдѣ жилъ съ матерью.

Въ Москвѣ вѣсти изъ Костромы были получены вечеромъ наканунѣ Благовѣщенія. На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе архіепископа Ѳеодорита, служили молебенъ и благословляли новаго царя.

ГЛАВА III.

Прибытіе Михаила Ѳеодоровича въ Москву. Избирательная грамота. Грамота отъ Земскаго Собора къ Сигизмунду.

19 марта, сопровождаемый духовенствомъ, присланнымъ отъ Земскаго Собора, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, царь Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля былъ торжественнымъ шествіемъ. Народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ съ крестами. Все населеніе Ярославля вышло ему навстрѣчу. Проживъ въ Ярославлѣ три недѣли, Михаилъ Ѳеодоровичъ двинулся дальше. Въ Ростовѣ и Переяславлѣ онъ поклонился св. мощамъ, посѣтилъ монастыри. Всю Святую недѣлю онъ прожилъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Такъ же торжественно продолжался путь его и до Москвы. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью толпились на пути. Подъ Москвою все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать царя. Всѣ улицы Москвы были покрыты народомъ. Преклонившись предъ святынями Успенскаго собора и гробами предковъ въ соборѣ Архангельскомъ, Михаилъ вошелъ во дворецъ. Инокиня Марѳа благословила его и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

Такъ вступилъ на престолъ родоначальникъ нынѣ царствующей династіи Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

11-го іюля 1613 года, когда ему исполнилось 17 лѣтъ, онъ торжественно вѣнчался на царство, съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, какіе исполнялись при вѣнчаніи царей въ

XVI вѣкѣ Три дня ликовалъ народъ, спасшій отъ гибели свое государство.

— Самъ Богъ предызбралъ и помазалъ на царство Михаила Ѳеодоровича,—говорили въ народѣ.—Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ Годуновъ: онъ волхвованіемъ предузналъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено было царствовать въ Россіи.

А передъ коронованіемъ Михаила Ѳеодоровича, по предложенію духовенства, Земскій Соборъ рѣшилъ ознаменовать избраніе новаго царя особою грамотой. Цѣлый мѣсяцъ составляли эту грамоту. Сочинили ее со всею роскошью тогдашняго краснорѣчія, переписали на девяти большихъ листахъ, прочли въ особомъ засѣданіи Земскаго Собора и подписали всѣ, кто присутствовалъ на этомъ засѣданіи. Этотъ документъ начинается указаніемъ на происхожденіе русскихъ царей отъ римскаго императора Августа *). Затѣмъ въ немъ излагается краткая исторія русскихъ царей. Съ честью упоминается о Борисѣ Годуновѣ и о Василіи Шуйскомъ; объ убіеніи царя Димитрія умалчивается. Вся вина послѣднихъ бѣдствій и междоусобій слагается на «богоотступника, проклятаго еретика и чернокнижника Отрепьева», на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и на Андронова. Въ концѣ грамоты подробно было изложено избраніе Михаила. Здѣсь было указано на то, что и инокиня Марѳа и Михаилъ Ѳеодоровичъ отказывались принять избраніе и дали свое согласіе «только изъ страха, да не будутъ они виноваты передъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества». Грамота заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто явится противникомъ приговора Земскаго Собора и присяги царю Михаилу.

Еще раньше, вскорѣ послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича, отправлена была грамота отъ Земскаго Собора и къ Сигизмунду. Перечисливъ въ этой грамотѣ всѣ неправды, коварства и насилія поляковъ, Земскій Соборъ,—ничего не говоря объ избраніи Михаила,—извѣщалъ польскаго короля, что Московское государство никоимъ образомъ не желаетъ имѣть Владислава царемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Земскій Соборъ, составлявшій въ то время временное правительство, изъявлялъ готовность

*) Эта легенда, устанавливавшая родство Рюрика съ римскимъ императоромъ Августомъ, была сочинена при Іоаннѣ Грозномъ.

заключить съ Польшей миръ, просилъ Сигизмунда возвратить задержанныхъ пословъ и всѣхъ взятыхъ поляками въ плѣнъ, обѣщая съ своей стороны отпустить полковника Струся и всѣхъ взятыхъ въ Кремлѣ поляковъ. Въ грамотѣ, между прочимъ, было указано на то, что всѣ плѣнные поляки содержатся не въ нуждѣ, а въ довольствѣ.

Обмѣнъ плѣнныхъ, какъ извѣстно, состоялся шесть лѣтъ спустя послѣ воцаренія Михаила. Вернувшійся изъ плѣна Филаретъ сдѣлался патріархомъ и до конца своихъ дней былъ истиннымъ правителемъ государства, приводя его, съ помощью Земскаго Собора, въ порядокъ.

Результаты Смуты.

Въ исторіи внутренней жизни Россіи Смута имѣла весьма важныя слѣдствія. Она поколебала старинныя, традиціонныя основы государственной жизни и внесла въ народное сознаніе совершенно новыя политическія понятія.

Прежде всего, во время Смуты измѣнился взглядъ на государя и на отношеніе между государемъ и народомъ. Раньше въ Московскомъ государѣ XVI вѣка видѣли не столько блюстителя народнаго блага, сколько хозяина московской государственной территоріи. Личная воля государя, — говоритъ проф. Ключевскій, — служила единственной пружиной государственной жизни, а личный или династичный интересъ этого государя былъ единственною ея цѣлью. Въ тяжелые годы Смуты люди Московскаго государства не разъ были призываемы выбирать себѣ государя; въ иные годы государство оставалось совсѣмъ безъ государя, и общество было предоставлено самому себѣ. Во время Смуты проявилась идея государства, отдѣлившаяся отъ мысли о государѣ и слившаяся съ понятіемъ о народѣ. Прежде по отношенію къ царю всѣ его подданные считались «холопами», его дворовыми людьми, либо «сиротами», безродными и безпріютными людьми, живущими на его

землѣ, у которыхъ, разумѣется, не могло быть никакой политической воли. Въ эпоху Смуты общество, предоставленное самому себѣ, пріучалось дѣйствовать самостоятельно и сознательно, пріучалось къ мысли, что оно не пришельцы, не временные обыватели въ чьемъ-то государствѣ, а политическая сила, которою строится и самое государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о государѣ-хозяинѣ постепенно осложнялась новой политической идеей государя-избранника народа. Правда, на Соборѣ 1613 года восторжествовала старая привычная идея «прирожденнаго» царя, чему и обязанъ былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ своимъ избраніемъ; но во всякомъ случаѣ новая идея возбудила мысль о необходимости дѣятельнаго и благоустроеннаго участія общества въ дѣлахъ всей Земли: если общество могло избрать государя, то оно должно было чрезъ своихъ представителей и участвовать въ государственномъ управленіи. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ такъ оно и было: Земскій Соборъ созывался въ его царствованіе не менѣе десяти разъ и дѣятельно помогалъ правительству приводить въ порядокъ расшатанное Смутой государство. Созданная средними слоями населенія на ихъ Земскомъ Соборѣ, новая династія была тѣсно связана съ избравшею ее средою и дѣйствовала съ ея постоянной поддержкой. Царь и Земскій Соборъ составляли единое и вполнѣ согласное правительство, главною заботой котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ. Обѣ силы дорожили одна другою: Соборъ былъ единственною опорою власти, а царь былъ внѣшнимъ символомъ народной независимости и порядка. Такъ было въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Но, поселивъ въ умахъ людей новыя политическія понятія, событія Смуты измѣнили и составъ правительственнаго класса, съ помощью котораго дѣйствовали цари прежней династіи. Прежніе московскіе государи правили своимъ государствомъ съ помощью плотно организованнаго и проникнутаго аристократическимъ духомъ боярства. О господствующей въ государствѣ роли этого боярства одинъ изъ его родовитыхъ представителей говорилъ при Михаилѣ: «Бывали на насъ опалы отъ прежнихъ государей, но правительства съ насъ не снимали; во всемъ государствѣ всякая справа была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили». Іоаннъ Грозный разгромилъ боярство, но не могъ истребить его память, и новая, имъ созданная

знать тянулась подражать во всемъ прежнимъ боярамъ. Въ средѣ этой новой знати ожили старинныя понятія о боярской «чести» и объ «отчествѣ». Смута смела всѣ эти аристократическіе пережитки и выдвинула впередъ простого дворянина и «лучшаго» посадскаго человѣка. Эти «худые» люди стали дѣйствительно силою въ обществѣ на мѣсто разбитаго боярства. Произошла, такимъ образомъ, смѣна господствующаго класса, и исчезли послѣдніе остатки стараго соціальнаго режима. Новые «худородные» люди стали при новой династіи проникать и въ Боярскую Думу, которая все менѣе и менѣе становилась боярской.

Вторженіе множества новыхъ людей въ знатные правящіе круги запутало мѣстническіе счеты. Хотя заслуги и выслуженные чины, по обычаю того времени, и не давали знатности, тѣмъ не менѣе, новые выслужившіеся люди стали воображать себя людьми родословными и мѣстничались съ потомками прежнихъ знатныхъ родовъ. Эти мѣстническіе счеты ослабили съ теченіемъ времени и самое мѣстничество, и постепенно восторжествовалъ новый принципъ: «и великъ и малъ живетъ государевымъ жалованіемъ», т.-е. знатность человѣка зависитъ не отъ происхожденія, а отъ царской милости, отъ большей или меньшей близости къ особѣ государя. Эта мысль повела къ отмѣнѣ мѣстничества при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и легла въ основу «Табели о рангахъ» Петра Великаго. Она главнымъ образомъ и содѣйствовала поглощенію старой боярской аристократіи чиновной дворянской бюрократіей.

Образованіе новаго правящаго класса, вполнѣ окрѣпшаго при Алексѣѣ Михайловичѣ, находится въ связи съ паденіемъ народнаго представительства, выразившагося въ Земскомъ Соборѣ 1613 г. И уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ избравшій его Земскій Соборъ теряетъ свое политическое значеніе, и изъ носителя народной воли превращается въ выразителя народныхъ жалобъ и желаній. Въ 1619 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ плѣна Филарета, было постановлено для устроенія Земли вызвать въ Москву изъ всѣхъ чиновъ всякаго града выборныхъ «добрыхъ и разумныхъ» людей, которые умѣли бы разсказать обиды, насильства и разоренія, ими вынесенныя. Выслушавъ отъ нихъ челобитье объ ихъ нуждахъ, тѣснотахъ, разореньи и обо всякихъ недостаткахъ, царь по совѣту съ отцомъ своимъ патріархомъ, будетъ промышлять о государствѣ, «чтобы во всемъ поправить какъ лучше». Но во всякомъ случаѣ, въ цар-

ствованіе Михаила Ѳеодоровича Земскіе Соборы созываются и играютъ значительную роль. При Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ Собора 1649 года, исторія ихъ прекращается. Къ этому времени уже успѣла окрѣпнуть новая знать, знать дворца и Приказовъ. Организація среднихъ классовъ общества на Земскихъ Соборахъ ей казалась опасною для правительственнаго авторитета, и она старалась упразднить эту организацію. И Земскіе Соборы исчезли изъ московскаго обихода. Напрасно московскіе горожане въ 1662—1663 гг., когда отъ нихъ требовалось мнѣніе объ общемъ земскомъ дѣлѣ, просили о созваніи Земскаго Собора и говорили такія рѣчи: «о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ бы для того дѣла взять изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по пяти человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно».

Государь на это ничего не указалъ, и участіе Земли въ дѣлахъ государственнаго управленія надолго прекратилось.

Мы говорили выше объ измѣненіи политическаго міровоззрѣнія московскихъ людей XVII вѣка подъ вліяніемъ событій Смутнаго времени, о крушеніи политическихъ притязаній московскаго боярства и о смѣнѣ этого, когда-то всемогущаго, класса новою знатью, вышедшею изъ среднихъ классовъ московскаго общества.

Не менѣе важнымъ слѣдствіемъ Смуты было и болѣе внимательное отношеніе московскаго правительства къ этимъ среднимъ классамъ. «Уѣздные люди», жившіе на черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, люди торговые—посадскіе и люди служилые теперь стали встрѣчать со стороны правительства болѣе заботливое отношеніе. И правительство, послѣ Смуты, не разъ высказывало свое пожеланіе, чтобы всѣ эти люди отъ бѣдъ и скорбей своихъ «поразживались». При этомъ оно въ своихъ начинаніяхъ, направленныхъ на устроеніе государственнаго порядка и на улучшеніе матеріальнаго быта среднихъ классовъ, руководилось тѣмъ, что показали ему въ своихъ челобитьяхъ и въ рѣчахъ земскіе представители на Земскихъ Соборахъ, пока эти Соборы существовали.

Всѣ указанныя слѣдствія Смуты являлись на будущее время залогомъ плодотворнаго развитія государства и общества, давая новой династіи обильный запасъ средствъ дѣйствія, духовныхъ и творческихъ, какихъ не имѣла старая династія.

Но были и слѣдствія неблагопріятныя, какъ всеобщее разореніе и всеобщее недовольство упадкомъ матеріальнаго благосостоянія и тягостью усилившихся государственныхъ налоговъ и повинностей. А самымъ главнымъ изъ этихъ неблагопріятныхъ слѣдствій было окончательное утвержденіе крѣпостного права.

Заботясь объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія служилыхъ людей и объ обезпеченіи государственной обороны, которая на нихъ возлагалась, правительство Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича не только усилило раздачу имъ помѣстій, но и укрѣпляло за ними крестьянъ, жившихъ въ ихъ помѣстьяхъ, отмѣнивъ въ концѣ-концовъ по Уложенію Алексѣя Михайловича, всякіе сроки для розыска и возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. Крѣпостной трудъ, безъ котораго въ тѣ времена не умѣли жить землевладѣльцы, правительство признавало, какъ и они, непремѣннымъ условіемъ земельнаго хозяйства служилаго человѣка. Въ жертву потребностямъ этого хозяйства и принесена была гражданская независимость сельскаго работника.

И только въ XIX и въ XX столѣтіяхъ было, съ одной стороны, уничтожено только что указанное нами неблагопріятное для народной жизни слѣдствіе Смуты и, съ другой, возстановлена была благопріятная для ея успѣшнаго развитія политическая идея, ярко проявившаяся въ избирательномъ Соборѣ 1613 года. Въ 1861 г. императоръ Александръ II уничтожилъ крѣпостное право, а въ 1905 г. Августѣйшій потомокъ царя Михаила, нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II Александровичъ, учрежденіемъ Государственной Думы и манифестомъ 6-го августа положилъ въ русской государственной жизни начало народному представительству, созываемому ежегодно и установленному разъ навсегда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Наканунѣ Смуты	5
Начало Смуты и первый Самозванецъ	30
Царь Василій Шуйскій и Тушинскій Воръ	40
Первое народное ополченіе и первое земское правительство	57
Нижегородское ополченіе и второе земское правительство	82
Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова	93
Результаты Смуты	107

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НК-1 РСФСР
Инвент. №
193 г.

Краткій курсъ русской исторіи (съ дополненіями изъ всеобщей). Для III класса женскихъ гимназій. Съ 53 рис. М. 1911 г. Ц. **60** к., въ папкѣ **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено къ употребленію въ женскихъ гимназіяхъ въ качествѣ руководства. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., сентябрь.)

Древній міръ. (Востокъ.—Греція.—Римъ.) Для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. Съ 66 рисунк. М. 1910 г. Ц. **80** к., въ папкѣ **1** р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., сентябрь.)

Памятный годъ. (1812.) Со многими рисунками и портретами. М. 1912 г. Цѣна **2** руб., въ коленкор. переплетѣ **2** р. **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., сентябрь.)

Главнымъ Управ. Военно-Учебныхъ заведеній рекомендовано въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній и въ ротныя библіотеки VI—VII классовъ кадетскихъ корпусовъ. (Отнош. отъ 3 ноября 1912 г., за № 26047.)

Великій поморъ. Очеркъ жизни и дѣятельности М. В. Ломоносова. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Съ портретами М. В. Ломоносова и Екатерины II и 8 рисунк. Н. Н. Ольшанскаго. М. 1910 г. Цѣна **30** к., въ папкѣ **45** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библ. низшихъ учебн. зав. и въ безплатн. народн. чит. и библ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., ноябрь.)

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ

В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова.

МОСКВА, Моховая, уг. Тверской, домъ Варваринск. Акц. О-ва. *Телефонъ № 120-95.*

Въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова.

Лештуковъ переулокъ, 2.

Того же автора:

Наполеонъ I и Александръ I до и послѣ войны 1812 года. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна 40 к.

Руководство по русской исторіи. Для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія. *Допущено* Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній и внесено въ списокъ книгъ для безплат. библіот. 2 ч. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. *Допущено* Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. І. Кнебель. Москва. Цѣна 2 р.

Очерки изъ исторіи Грузіи. *Допущено* Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученич. библіот. среднихъ учебн. завед. Тифлисъ. Цѣна 3 р.

Императрица Екатерина II. Тифлисъ. Цѣна 20 к.

Наказъ императрицы Екатерины II. Тифлисъ. Ц. 20 к.

Россія. Краткіе разсказы изъ русской исторіи для народнаго чтенія. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 25 к.

Поэтъ-философъ. (Шиллеръ.) Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 25 к.

Педагогическіе этюды. Тифлисъ. Цѣна 50 к.

Замѣтки о преподаваніи исторіи. Тифлисъ. Изд. кн. маг. Хиддекель. Цѣна 50 к.

Отечественная война 1812 г. Съ рисунк. М. 1912 г. Цѣна 40 к.

Спутникъ экскурсанта. Фили. М. 1912 г. Цѣна 20 к.

Цѣна 50 коп.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº Москва.